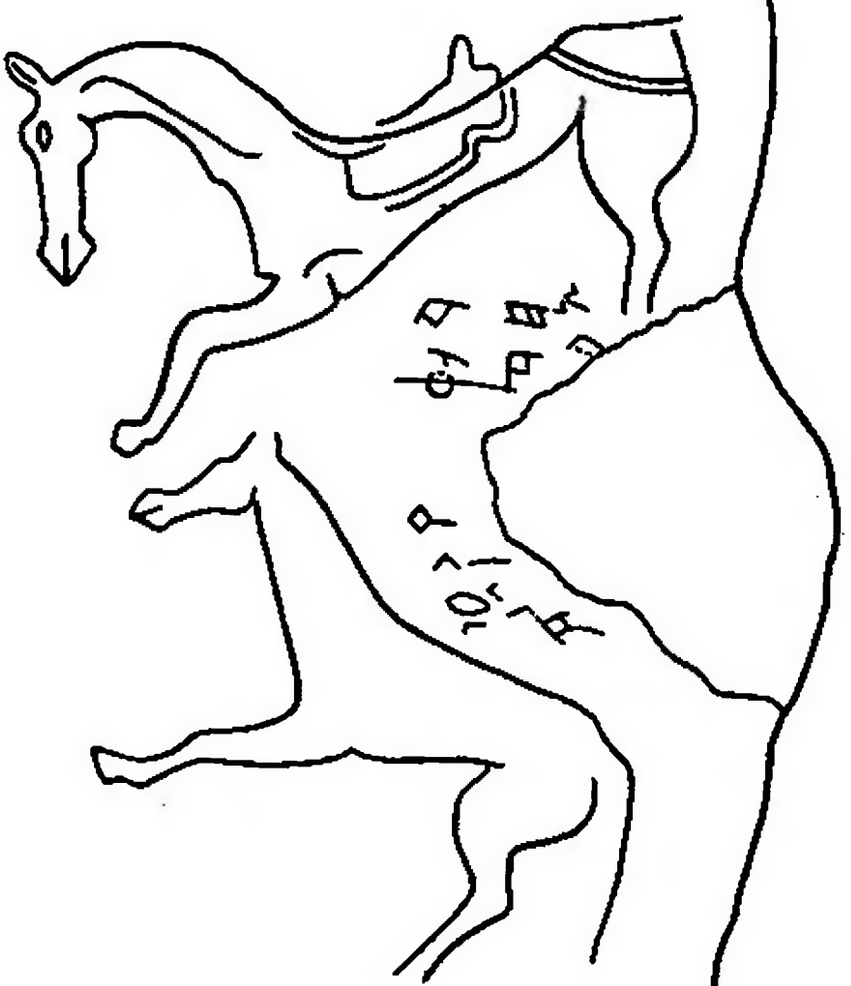
Маяцкий археологический комплекс

МАТЕРИАЛЫ СОВЕТСКО-БОЛГАРО-ВЕНГЕРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ



МОСКВА 1990

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ АН СССР

МАЯЦКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции

Москва 1990

Ответственный редактор:
доктор исторических наук
профессор С.А.Плетнева

Рецензенты:
доктор исторических наук
Т.И.Макарова
доктор исторических наук
И.П.Русанова

© Институт археологии АН СССР, 1990

Предисловие

В начале XX в., издавая материалы своих раскопок на Маяцком мысу, Н.Е.Макаренко весьма прозорливо отметил, что "Маяцкое городище принадлежит к тем остаткам прошлого на берегах Дона, которым было суждено неоднократно служить материалом для археологических статей, заметок и рефератов"/1,с.1/.

Действительно, Маяцкое городище стало классическим памятником салтово-маяцкой культуры, давшим ей вторую половину ее названия. В УШ - начале X вв. эта культура была распространена на громадной территории от Воронежской и Белгородской лесостепи до Предкавказских степей с Севера на Юг и от Дона до Дуная с Востока на Запад. В наши дни можно, пожалуй, считать доказанным, что эта культура являлась государственной культурой Хазарского каганата, чем объясняется ее необычайная стабильность и однородность в разных, отдаленных друг от друга землях.

Естественно, что именно этот памятник стал объектом исследования организованной в 1975 г. Советско-Венгерской, а с 1978 г. - Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции.

В 1984 г. в издательстве "Наука" вышел сборник, посвященный итогам первых трех лет работы этой экспедиции на "Маяцком городище" /2/. Сборник начинается кратким очерком, характеризующим памятник и историю его изучения /С.А.Плетнева/. Памятник представляет собой не только собственно "городище", т.е. древнее укрепление, а весьма сложный комплекс, состоящий из городища - развалин белокаменной крепости /замка?/, селища, занимающего громадный отсек берегового массива, могильника, расположенного на склоне восточного оврага, отсекавшего мыс от остального берега /2, с.6, рис.4/. Первые результаты раскопок на городище, селище, могильнике освещаются соответственно в статьях Г.Е.Афанасьева, А.З.Винникова, В.С.Флё-

рова. Кроме того, там помещена статья об одной из самых уникальных особенностей городища, а именно об открытых на его белокаменных блоках многочисленных рисунках, изображавших животных /в основном лошадей/, всадников, "пляшущих человечков" и пр. /С.А.Плетнева/.

Заключают сборник две специальные статьи: антрополога Т.С. Кондукторовой и палеозоолога венгерского ученого Я.Матолчи. Следует оговорить, что ко времени сдачи сборника в печать /в 1983 г./ раскопки на памятнике были уже прекращены и поэтому Т.С.Кондукторова дала в сборнике весь обнаруженный на могильнике и селище антропологический материал, т.е. включила в него данные погребений, еще не опубликованных археологами. Я.Матолчи ограничил свой материал, как и остальные авторы, первыми тремя годами раскопок, предполагая все остальное опубликовать в следующем сборнике нашей экспедиции. Однако случилось непоправимое. Он умер, успев только собрать и начерно обработать материалы 1979-1982 гг. Будем надеяться, что в Венгрии найдется специалист, который сможет разобраться в его записях и доведет это исследование до публикации.

Некоторое нарушение принятых в сборнике хронологических рамок /1975-1978 гг./ было допущено и в моей статье о рисунках на стенах Маяшкого городища - там материал рассмотрен включая 1980 г.[1]

---

[1] а/ С сожалением должна указать на досадную ошибку, допущенную мной в этой статье. При описании блока XX1, изобр.24 - погрудного изображения человека я написала, что от головы у него влево отходит длинный покрытый волосками нос. На самом деле этот "отросток изображает косичку, что вполне убедительно интерпретировано В.Е.Нахапетян в статье, помещенной в данном сборнике.

б/ В сборнике мной допущена и вторая неточность: в статье "Маяшкое городище" /с.8/ говорится, что крымский хан Менгли-Гирей был союзником Ивана Грозного в событиях 1501-1502 гг. Этого, естественно быть не могло, т.к. Иван родился в 1530 г. Менгли-Гирей был союзником Ивана Ш Васильевича /3, с.205/. На эту несообразность мне весьма любезно указал В.К.Михеев, которому приношу искреннюю благодарность.

Немногочисленные рисунки животных, открытые раскопками 1981 г. и не вошедшие в эту статью, публикуются в данном сборнике в статье В.Е.Нахапетян /Приложение 2, рис.11/.

В целом первый сборник Трудов нашей экспедиции дал очень много новых данных для изучения культуры Хазарского каганата в этой отдаленной от центров государственной окраине.

Помимо сборника были опубликованы в ж."Советская археология" две статьи, посвященные материалам Маяшкого городища. статья Г.Е.Афанасьева, в которой дан краткий, но достаточно полный "отчет" обо всех работах, проведенных экспедицией в крепости /4/.

Другая статья о знаках мастеров, метивших обработанные ими блоки своими тамгами, как это делали мастера при строительстве белокаменных городов в Дунайской Болгарии /5/, написана и опубликована В.Е.Нахапетян в 1988 г./6/.

Несмотря на публикацию всех этих интереснейших материалов, в сборнике были помещены, как говорилось, сведения о результатах работ всего трех лет работ экспедиции. Данные еще четырех лет полевых исследований /фактически большая часть материалов/ остались неопубликованными. К тому же, далеко не все материалы и первых трех лет раскопок были охвачены в вышедшем из печати сборнике.

Прежде всего на стенах городища помимо уже изданных рисунков и знаков мастеров было обнаружено огромное количество разных граффити - знаков людей, живших в крепости или около нее и тсавивших свои тамги на гладкой белой поверхности внутри и снаружи крепостной стены. Они исследованы и систематизированы В.Е.Нахапетян, в статье, помещенной в данном сборнике.

Еще в 1978 г. в развале юго-западной стены был обнаружен блок, с трех сторон несущий на себе рунические надписи /1-2 строки/. Однако мы не спешили издать эти руны, как и другие, известные на городище ранее и найденные после 1978 г., поскольку для этого нужен был специалист-палеограф, занимающийся тюркскими рунами. Таковым оказался И.Л.Кызласов, который собрал все надписи Маяцкого городища и обобщил этот уже весьма представительный материал. Его статья открывает настоящий сборник.

Селище, вплотную подходящее ко рвам крепости с трех сторон, дало особенно много материала. В первом сборнике опубликованы был только жилища и хозяйственные постройки, открытые до 1979 г. О погребениях, обнаруженных на поселении, о непонятных полуземных постройках в виде трех концентрических углубленных квадратов с мощным очагом в центре /святилищах?/, а также о простых жилищах, погребах и хозяйственных ямах, открытых в 1979-1982 гг., мы фактически еще ничего не знаем. В.З.Винников и Г.Е.Афанасьев готовят книгу, которая должна выйти в Издательстве Воронежского Университета, посвященную ритуальным и общественным сооружениям на Маяцком поселении. Однако остальные постройки еще будут ждать своих исследователей.

На склоне северо-восточного громадного оврага, отсекающего Маяцкий мыс от основного берега, еще в 1978 г. было обнаружено скопление керамического лома от самых разнообразных сосудов, объединенных одной общей чертой - отсутствием следов использования в хозяйстве. Этот участок исследовался в течение трех сезонов: 1979-1981 гг. Здесь был обнаружен ремесленный гончарный район, результаты работ на котором помещены в этот сборник /С.А.Плетнева, К.И.Красильников/.

Большое место в первом сборнике занимает статья В.С.Флерова о могильнике. В ней дается публикация и интерпретация 70 раскопанных в первые годы погребальных комплексов - в основном катакомбных погребений. Однако, в последующие четыре года этот автор раскопал еще почти столько же погребений, захватив и изучив большую территорию могильника. Прежде чем начать работу по обобщению огромных полученных в результате работ на могильнике данных, автор обязан по возможности полно опубликовать их. Поэтому в настоящем сборнике помещена

статья-публикация о вскрытых и изученных пока только в 1979 г погребальных комплексах могильника. Вещевые материалы могильника даны комплексами так же, как это сделано было в статье, опубликованной в 1984 г. Это облегчает работу с материалом погребений и автору, и всем, кто пожелает включиться в многотрудную работу по установлению относительной, и, возможно, абсолютной хронологии этого интереснейшего памятника.

Надо сказать, что пока обработка вещевого материала всего Маяцкого комплекса идет очень вяло. В.С.Флеров только публикует вещевые комплексы, С.А.Плетнева и К.И.Красильников также ограничились в помещенной ниже статье краткой характеристикой керамики, обнаруженной в ремесленном районе.

Очень большой керамический материал с поселения остается нетронутым, вещи с селища также не обработаны и фактически не датированы. Исключением является небольшая статейка Л.А.Голубевой / 2, с.136-141/ о двух финно-угорских подвесках, отнесенных ею к концу IX в.

В свете сказанного особенно большое значение приобретает работа М.И.Толмачевой, посвященная всестороннему изучению железных предметов, обнаруженных на Маяцких поселении и могильнике (в этом сборнике). Ее материалы не могут стать, конечно, основой для хронологизации памятника; но подобная обработка дает исследователям памятника ряд косвенных доказательств и фактов для построения относительной хронологии.

Последняя статья в Сборнике написана болгарским архитектором и историком архитектуры Дафиной Василевой, работавшей в составе нашей экспедиции на Маяцком городище в 1981 г. В поле она исследовала ряд поперечных разрезов стен. Глубокому, высококвалифицированному анализу полученных данных посвящена помещенная в Сборнике статья. Строительные особенности и приемы выявлены на памятниках такого типа впервые. Статья несомненно представляет громадный интерес как для археологов, так и для историков архитектуры.

Данный сборник является логическим продолжением публикации материалов, полученных при работах на Маяцком городище, селище и могильнике. Совершенно очевидно, что это не последний том материалов и исследований Советско-Болгаро-Венгерской

экспедиции. Перед ее участниками стоят большие и серьезные задачи не только публикационного характера. Прочтение надписей, осмысление сложной системы планировки поселения, этническая принадлежность населения и связи его с окрестным миром, в первую очередь со славянами, отношения с хазарским каганом, уровень общественного и экономического развития - все эти вопросы и еще многие другие, более мелкие и частные, нам предстоит еще решать.

Весьма существенно также и то обстоятельство, что работы на Маяцком комплексе планируется продолжить.

На этот раз инициатором и организатором работ стал Воронежский Историко-Краеведческий Музей.

Дело в том, что на Маяцком мысу кроме раннесредневекового комплекса IX-начала X вв. находится часть Успенского пещерного монастыря, которую несомненно давно следовало реставрировать и музеефицировать (или хотя бы оградить от варварского разрушения). Этим в первую очередь и занялась научный сотрудник Музея М.И.Лылова.

Ею проведены также небольшие работы на могильнике, ставящие целью закрепление краев раскопов, превращающихся в новые, разрушающие мыс овражки. Во время охранных раскопок М.И. Лылова вскрыла несколько погребений, которые также необходимо будет опубликовать в одном из будущих сборников нашей экспедиции. Наиболее сложной и трудоемкой задачей сотрудников Музея и реставраторов на Маяцком мысу будет музеефикация крепости. Предполагается вскрыть все белокаменные стены, закрепить их и превратить крепость в"музей под открытым небом". Освобождение сохранившихся на высоту 1-2 м стен от завалов даст нам дополнительно огромное количество рисунков, знаков, надписей. Исследование стен будет проводиться под руководством одного из членов нашей экспедиции, которая таким образом возобновит и продолжит работы на этом уникальном памятнике.

Таковы планы, предлагаемый читателю сборник является одной из вех их реализации.

1. Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907-1909 годов // ИАК, 43. Спб., 1911.
2. Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1964.
3. Босворт К.Э. Мусульманские династии. М., 1971.
4. Афанасьев Г.Е. Большая семья у алан // СА. 1984. № 3.
5. Макарова Т.И., Плетнева С.А. Типология и топография знаков мастеров на стенах внутреннего города Плиски // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984.
6. Нахапетян В.Е. Знаки строителей на камнях Маяцкого городища // СА. 1986. № 3.

И.Л.Кызласов

Рунические надписи Маяцкого городища

Первый камень с рунической надписью на Маяцком городище, стоящем на Дону близ устья р.Тихой Сосны, датируемом IX в. и относящемся к салтово-маяцкой культуре, нашел раскопщик-любитель Струков (описание городища и историю его изучения см.: I, с.3-I9). Сведений о том, как и когда это произошло в литературе не приводится. Фотография этой надписи (обозначим ее MI) была издана истинным первооткрывателем маяцких рунических надписей Н.Е.Макаренко, проводившим в I908-I909 гг. первое кр ное археологическое изучение городища /2, рис.23, с.I, 23/. В I909 г. им были найдены три кратких текста, вырезанные на смежных камнях, лежавших в кладке внутренней части крепостной стены в трех саженях слева от ворот 2, рис.I9-22, с.22,23 . В соответствии с порядком описания и публикации обозначим их как M2, M3 и M4). Тогда же Н.Е.Макаренко нашел и два отдельно лежавших камня с надписями. Вероятно, они происходили из развала стены - приводимые в отчете данные не позволяют точно установить место обнаружения. Одна надпись сохранилась довольно хорошо (M5); от второй, имевшей три строки, уцелели лишь части отдельных знаков (M6) 2,/рис.27,28, с.27,28/. Осознавая научную значимость находок, Н.Е.Макаренко перевез части блоков с надписями M2-M6 в Эрмитаж (где они ныне хранятся под инв. № I929/I-5,I0), а в I9II г. в подробном отчете о раскопках издал их фотоснимки (рис. I,I).

Через полвека, в связи с исследованием более пространных письменных памятников Восточной Европы, маяцкие надписи привлекли внимание отечественных лингвистов (крупнейшие археологи страны не выпускали эти памятники из внимания. Их эстампажи есть в архиве В.А. Городцова - ГИМ, отдел письменных

источников, инв. № 43I, д.67/3, с.343/ . В конце 20-х гг. С.Н.Замятнин собрал для А.А.Миллера данные об обнаружении, хранении и издании надписей, выполнил их зарисовки и два эстампажа - Архив ЛО ИА АН СССР, ф.24, д.28). В I954 г. А.М. Щербаком была предпринята попытка прочтения маяцких надписей как тюркоязычных текстов. В работе схематически воспроизводились прорисовки надписей MI-M5, сделанные М.И.Артамоновым /4, с.274-276; 5, с.386/ (В I97I г. они были переизданы Ю.Немето 6, рис.УП). В I964 г. Г.Ф.Турчанинов прочитал основные маяцкие тексты как ираноязычные, а M5 - как семитоязычный. Исследователь издал прорисовки надписей, выполненные, судя по всему, по фотографиям Н.Е.Макаренко /7, с.75-86, рис.4-7,9,I0; 8, с.8,66-74, табл.XXX,3,5,7,8,I0,I2/. Из-за плохой сохранности текста лингвисты не изучали и не издавали надпись M6. Хорошая фотография этого камня неоднократно публиковалась С.А.Плетневой, исследовавшей изображения лошадей, нанесенные близ рунических знаков (лучшие издания: /9, с.60, рис.3; I0, табл.70/).

В I975 г. на Маяцком городище были возобновлены археологические исследования, проводившиеся до I982 г. Работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции, руководимые С.А.Плетневой, дали разнообразные материалы, в том числе были обнаружены новые камни с рунические надписями /I, с.I7; 9, с.57; II, с.80; I2, с.77/. Обращением к исследованию рунических надписей Маяцкого городища автор всецело обязан С.А.Плетневой, предоставившей для изучения и издания полученные ее экспедицией новые эпиграфические материалы. Настоящая работа - опыт источниковедческого анализа всех известных надписей Маяцкого городища - ныне крупнейшего скопления рунических текстов на территории Восточной Европы.

Надпись MI, насколько известно, сохранилась только в фотографии, изданной Н.Е.Макаренко. На ней хорошо различимы шесть тонко вырезанных знаков и только облик седьмого (крайнего слева) вызывает сомнения. Вероятно, это вертикальная черта (таблица № I, MI, № 32. Далее в тексте в скобках указываются только номера знаков по приводимой таблице) [I](рис.2).

Изучение оригинала М2 (№I929/3) мало что проясняет по сравнению с изданным воспроизведением. Текст сильно поврежден. Уверенно в нем вычленяется только один знак, с большими или меньшими колебаниями - остальные пять (№№ I6,32-37). Длина строки не превышала 8 см, высота букв - 2-3,2 см (рис.2). Возможно, текст М2 размещен на блоке кверху ногами. Надпись М3 состояла из трех или четырех знаков, нанесенных на стыке двух блоков (№ I929/4,5) на протяжении 6,5 см. Высота знаков 3,5 см (лишь первого справа - 4 см) (рис.2). Начертанная вполне ясно на том же блоке (№ I929/4) надпись М4 (длина строки I0, см, высота знаков от 4 до 5,7 см) тем не менее сложна для восприятия (рис.2). Трудно решить, как размещены пять составляющих ее знаков по отношению к двум другим строкам: зеркально или кверху ногами (если не предполагать ошибки полиграфиста, то именно так надпись воспринимал Н.Е.Макаренко /2, рис. I9,22/). Исходя из размещения сходных знаков в других маяцких надписях (№ 5, II, I9), следует заключить, что надпись М4 размещена на блоке кверху ногами по отношению к строке М3, а знак второй в ней имеет зеркальный поворот (№ II). Рассмотрение особенностей расположения надписей М2-М4 на уложенных в кладку стены двух соседних меловых блоках не противоречит сказанному. Плохая сохранность М2 не позволяет уверенно решить, как были расположены ее знаки, но ничто не мешает предположить, что и они могли быть размещены кверху ногами по отношению к той же М3. Строго говоря, только надпись М3 была, несомненно, нанесена на блоки уже после их установки в кладку стены - ее знаки начертаны на обоих соседних кам

---

[1] В таблице номера колонок соответствуют индексам текстов (для М10 каждая строка дана отдельно), номера строк соотносятся с частотой встречаемости знаков (которая указана в предпоследней колонке: в числителе - общее число встреч подобного знака, в знаменателе - число надписей, в которых он известен). Внизу указаны возможные понимания знаков, сохранившихся плохо; фигурная скобка объединяет вероятные трактовки одного и того же начертания. Цифры в колонках около знаков указывают число таких букв в данной надписи.

нях. При учете этого остается возможность полагать, что строки М2 и М4 были вырезаны на камнях до их использования строителями.

Значительная щербина в середине строки мешает ясному пониманию третьего справа знака надписи М5 (№I929/I) (рис.2). Облик пяти остальных совершенно несомненен. Длина строки 8,7 см, высота знаков от I,9 до 3,2 см (чаще 2,5 см). Последний слева знак, не отличающийся от остальных размерами, возможно, не буква /4, с.27I, 276/, хотя все три окружности вырезаны если не одним, то сходным орудием и поэтому до прочтения текста его можно воспринимать как усложненный вариант руны-кружка (№20).

Надпись М6 (№I929/I0) состоит из очень мелких знаков (высотой от 0,5 до I,4 см, в среднем - 0,7-I,0 см) и сильно повреждена (рис.3). Уцелевшие знаки позволяют предположить наличие не менее трех строк текста, середина которого, возможно, полностью уничтожена крупным сколом. Надпись расположена между фигурами коней и, судя по особенностям размещения, сделана позднее рисунков. Противоположное мнение Н.Е.Макаренко / 2, с.28 / основано, видимо, на более глубоких и, следовательно, лучше сохранившихся линиях рисунка. По отношению к лошадям текст расположен вертикальными строками. Однако, судя по наклону букв, надпись и наносилась не горизонтально, а вертикально, т.е. и для рисовавшего, и для писавшего положение камня было одинаковым. Длина первой (левой) строки текста 6,3 см, второй - 8 см, третьей - 8,5 см. Первая строка состоит, видимо, из двух групп знаков, содержащих, соответственно, три и две руны, и разделенных просветом в 2,6 см, не имевшим букв. Облик третьего знака, возможно, сохранился не полностью, т.к. его левая часть перекрыта более поздней бороздой (№ 32). Пять знаков второй строки разделены основным сколом, но ни одна из близких к нему букв не повреждена. Судя по тому, что третий знак отделен от скола небольшим просветом, а надверхней границей скола не видно остатков знаков, которые следовало бы ожидать здесь, можно предполагать, что надпись обходила имевшееся повреждение поверхности. Однако против такого допущения свидетельствует композиционная связь текста и рисунков. В третьей строке сохранилось лишь три знака (один слева от скола и два справа). Второй знак может

быть понят различно (№№ 33-35). Отметим, что правее третьего знака этой строки есть легкие резы, которые можно было бы принять за следы букв следующей строчки, но они выглядят иначе и следовательно, вероятнее всего не связаны с текстом. Расположение знаков №6 по отношению к конским фигурам не оставляет сомнения, что строки писались справа налево и, возможно, сверху вниз и поэтому должны читаться в этом же направлении. Особого внимания заслуживает и такая редкая композиционная особенность как просвет между знаками первой строки. По данным Н.Е. Макаренко на соседней с надписью поверхности блока имелся вырезанный тамговидный знак /2, с.28, рис.37,16 /.

В архивном фонде А.А.Миллера хранятся три листка с семью зарисовками маяцких надписей и граффити (архив ЛОИА, ф.24, №28). На обороте л.2 имеется подписанное С.Н.Замятниным рукописное пояснение от 20 апреля 1954 г.: "Все три листка сделаны моей рукой, для А.А.Миллера, в конце 20х гг. № 6 и 7 - по имевшимся у меня тогда зарисовкам. С тех же двух камней Воронежского музея мною было сделано для А.А.Миллера и два эстампажа." Поскольку эстампажи надписей в фонде А.А.Миллера отсутствуют, эти две немасштабные зарисовки №№ 6 и 7 (рис.4), видимо, единственные уцелевшие воспроизведения еще двух камней с руническими надписями, хранившихся в Воронежском музее. Судя по тому, что сообщений о них нет в литературе, можно полагать, что эти находки были сделаны после раскопок Н.Е.Макаренко и до конца 20-х гг., когда их копировал С.Н.Замятнин, т.е. в 1910-х - 1920-х гг. и что камни исчезли из собрания Воронежского музея ко времени возникновения интереса к маяцким надписям в среде лингвистов (начало 50-х гг.) - вероятно, в период Великой Отечественной войны. Согласно заметкам С.Н. Замятнина (л.1,3) оба камня происходят с Маяцкого городища и доставлены в музей Турбиной. Остается отметить, что надписи зарисованы схематично, кверху ногами и воспроизведены на листках дважды (л.1 и 3). Приводя здесь копию наиболее крупной зарисовки С.Н.Замятнина, обозначим эти надписи как М7 и М8 (рис.4).

Зарисовка надписи М7 передает одну строку текста, состоящую из семи знаков и завершающуюся обломом камня. Выше текста слева, видимо, также был вырезан знак, не являющийся буквой (рис.4). Облик пяти рун передан вполне ясно, отдельные особенности знаков второго и третьего, вероятно, утрированы и они могут быть определены с определенной долей сомнения (№№ 32-33, 34-35). Надпись М8, видимо, может быть неполной. Пять знаков (первый из которых поврежден) также располагались одной строкой (рис.4).

В 1978 г. на Маяцком городище был изучен развал меловых блоков, образовавшийся при разрушении верхних частей наружной кладки юго-западной стены крепости. Здесь в 23,5 м к востоку от ворот (раскопочный квадрат М20) был найден полностью сохранившийся блок (размерами 68-70 х 41-46 х 33-31 см), на торцевой стороне которого некогда были вырезаны тонким острием незаконченные фигурки двух оленей (рис.1,1; 5,1). При издании изображений грань получила № XXVШ, а рисунки - 33 и 34 /9, с.76, рис.12,4 /, полевой номер грани 67 /13, рис.101 /. Три смежных с нею длинных грани этого камня (их полевые номера 64,65 и 66) содержали не только рисунки, но и рунические надписи (об условиях и месте находки см.: /9, рис.2,10,33-34, 54; 13, с.15, рис.4,9,123; 14, рис.9 /, блок хранится в Государственном Эрмитаже, инв. № 2710/1). Надписи размещены основаниями знаков в одну сторону. Если принять за верхнюю плоскость 66, то на примыкающей к ней 64-ой руны окажутся вверх ногами. По отношению к 64 подобное положение занимает текст на смежной грани 65. Учитывая вышеописанные надписи, найденные в 1978 г. письменные памятники следует обозначить как М9, М10 и М11.

Надпись М9 нанесена на поверхность, обозначенную № 66 (рис.6). Размеры грани 65 х 32-22 см, в центральной части она имеет два глубоких скола: борозду слева и угловатую выбоину справа. Между ними уцелели части прочерченного острием изображения, которое С.А Плетнева считает пальметкой (при систематизации рисунков оно получило № 54, а плоскость - XL П; дано и краткое описание знаков М9-М11 /9, с.84, рис.16,5 /. Левее борозды, против ее середины и вокруг основания заметны какие-то угловатые линии-резы, назначение которых неясно. В левой нижней части блока уцелела горизонтальная строка

текста, состоявшая, вероятно, из восьми знаков. Надпись сохранилась на всю первоначальную длину (26 см), высота букв от 6 до 8 см, ширина - I,7-2,4 см. Они нанесены тонкими линиями в ряде мест неоднократно повторенными резчиком. Хотя второй знак пострадал больше всего, его облик восстанавливается уверенно. Наимее ясен знак третий (№№ 32,33). Повреждения поверхности, имеющиеся между пятым и шестым знаками, вероятно, были до нанесения надписи и обойдены писавшим.

Смежная с описанной плоскость (полевой номер 64), содержащая MI0, имеет размеры 70 х 4I-46 см (рис.7). Небольшие глубокие сколы лишь незначительно повреждают надпись, размещенную в две горизонтальные строки, тянущиеся во всей поверхности блока несколько выше его длинной оси. Близ левого края камня надпись встретилась с резными линиями иного происхождения. Такие линии нанесены и в центре камня выше текста. Знаки обеих строк размещены не строго горизонтально. Правые крайние руны располагаются выше, а левые - ниже основной оси текста. Эта особенность ясно свидетельствует о последовательности нанесения букв справа налево. Ясна и последовательность начертания строк, т.к. нижняя повторила конфигурацию верхней. В обеих строчках знаки в правой части крупнее и шире остальных, свободнее расположены. Это также свидетельствует о написании текста справа налево. В первой строке высота знаков 3-4 см, во второй - от 2,5 до 6 см, но чаще 3 см. Знаки врезаны довольно глубоко (ширина бороздок достигает I-2 мм). В обеих строках хуже сохранились знаки левого края, здесь заметны лишь следы надписи, свидетельствующие, что обе строки достигали края камня, а вторая даже загибалась вдоль грани вниз. В верхней строке различается 33, в нижней - 32 знака, размещенных соответственно на протяжении 49 и 55 см. Ныне нельзя различить по 5-6 знаков в каждой строке. Учитывая композиционные и палеографические особенности надписи, можно предполагать, что она начертана одним человеком и представляет собой единый текст, состоявший из 76-78 знаков.

Третья надпись этого блока (MII) нанесена на плоскость 65 (рис.8). В левой половине ее широкой грани (68 х 33-3I см) размещено резное изображение коня/ 9, с.65, рис.6,I/ , плос-

кость IX, рис.I0). Под ним в правой стороне камня - части других гравированных изображений. Вдоль нижнего края блока сохранилась горизонтальная строка надписи, протянувшаяся на 42,5 см. Текст не доходит до левой грани камня I3 см, до правого конца - 9 см. Правые знаки крупнее последующих (4 см против 2,7 см; средняя высота - 2,5-3 см). Оба обстоятельства указывают, что текст писался справа налево. Ныне в тексте различимы 25 знаков. Удовлетворительно сохранилась 2I буква. От сколов значительно пострадали I-й и 8-й знаки, хотя облик их восстанавливается уверенно (№32). В наибольшей степени пострадали знаки 2I-24. По палеографическим особенностям надпись близка тексту MI0. Важно отметить, что буквы надписи были вырезаны по уже сильно заглаженному, стертому краю камня. Особенно это ясно выступает в левой части текста.

Раскопки внутренней части крепостной стены у южного угла в I979 г. привели к обнаружению еще одной надписи (MI2) /I5, с.9, рис.52,I45 /. Она состоит из одного знака, вырезанного на небольшой плоскости блока (I3,8 х I2,8 см), найденного в завале панциря стены (кв. И-20, полевой № 7) (рис.I, I; 4). Среди огромного числа вырезанных и выбитых на камнях Маяцкой крепости знаков практически совершенно отсутствуют тамги, внешне сходные с буквами рунических текстов /2; I3; I5-20 /.[2] Поэтому даже единичные буквы, вырезанные на блоках этого памятника, следует воспринимать как надписи. В случае с MI2 сказанное подтверждается техникой нанесения и размерами знака (высота 3,4; ширина I,4 см).[3]

В I98I г. при раскопках внешней стороны северо-восточной стены городища были обнаружены три рунических надписи (рис.I,I) /I9, с.23,25, л.37,38, рис.I30,I3I,I4I,I42,I46 /. Первая из них (MI3) аналогична MI2 и состоит из одного зна-

---

[2] Благодарю В.Е.Нахапетян, познакомившую меня со своей картотекой маяцких знаков. См. также /26/.

[3] Камни с MI2, MI3 и MI7 оставлены на городище и автору известны по полевым материалам экспедиции.

ка (рис.9), прочерченного тонким острием на торцевой стороне мелового блока (36 х 34 х 24 см). Камень (полевой № 32) был найден в завале стены (кв.$Ф^{I}$-II). Кроме торцевой стороны, знаки имеются и на его длинной узкой грани (полевой № 56) (рис.10 Ниже и левее буквы различимы длинные резные линии, выполненные сходным образом. Позднее более глубокой и широкой бороздой на торце камня была вырезана тамга в виде скобы. Подобная тамга встречена и на длинной стороне блока (рис.10), есть ей аналогии и на камне 43 из того же раскопа. В том же завале стены (кв.$Ф^{I}$-II) найден обломок блока с пятизначной надписью (MI4, полевой №44, хранится в ИА АН СССР). Она нанесена твердыми глубокими (2-2,5 мм) врезными линиями, различимыми вполне ясно (рис.II). При разрушении этой плоскости (ныне она имеет неправильную форму, размерами 29 х I3 х I8 см) пострадала нижняя часть третьего знака и, возможно, откололась правая часть текста. Крайний правый знак сохранился частично. Надпись размещена горизонтальной строкой протяженностью I2,5 см, высота знаков от 2 до 4 см. Третья надпись I98I г. (MI5) обнаружена на блоке, сохранившемся в регулярной кладке пятого ряда внешнего панциря стены в том же квадрате (рис.I,2). Полевой номер блока 48. На его лицевой грани (34 х 2I см), большая площадь которой вторично отесана, уцелела левая часть горизонтальной строки текста (рис.II). Несмотря на то, что резы довольно глубоки (0,5-I мм), знаки различимы не полностью. Видимо, их пять. Высота рун значительна: 5,4-7,4 см. Ныне блок с надписью хранится в музее Воронежского государственного университета / I9, с.25 / . Надпись известна автору лишь по полевым материалам экспедиции.

В I982 г. экспедицией С.А.Плетневой были найдены обломки стенных блоков с тремя новыми надписями (рис.I,I). / 20, с.4,20, л.6I-63, рис.33, 47,48,7I,83,84 / . Первый из них встречен в завале внутренней части северо-западной стены крепости в двух десятках метров от западного угла укрепления (кв.Е-2, хранится в ИА АН СССР). Размеры куска камня 35 х 3I х 23 см. На одной его стороне (полевой № 2) глубокими бороздами (до 5-8 мм глубиной) вырезан тамгообразный знак (рис.I0), на другой, смежной (полевой № I) - горизонтальная строка надписи (MI6). Поверхность эта неровная, с заметными следами подтески. Семь крупных знаков, высотой в основном 4,5 см, вырезаны тонкой линией (глубиною 0,5-I мм) и составляют ряд длиною I9,5 см. (рис.I2). Облик пятого знака (№№ 34,35) не ясен, не целиком сохранился третий знак надписи (№№ 32,33). Особенности текста позволяют предполагать, что писавший обходил имевшиеся повреждения поверхности камня. Этим можно объяснить больший, чем меж остальными знаками просвет, разделяющий четвертую и пятую буквы - здесь проходит впадина, вырубленная при подтеске блока. Сходная причина привела, вероятно, к укороченности пятой руны, отличающейся от соседних по размерам из-за скола поверхности. Полагаем, что резы, расположенные между первой и второй буквами, не имеют отношения к тексту и были обойдены писавшим.

Вторая надпись I982 г. (полевой № 22) найдена в завале той же стены в соседнем кв.Ж-3. На бугристой поверхности рваного камня два рунических знака (MI7) ясно вырезаны бороздами глубиною I,5-2 мм (рис.4). Они расположены горизонтальной строкой, длиной 4 см. Высота букв 3,3 и 4,7 см. Третий обломок блока с надписью (полевой № 34) найден примерно в 76 м от западного угла северо-западной стены (кв.$И^{I}$-2) при раскопках завала внутренней кладки, перекрывавшего землянку. На длинной стороне этого блока (66 х 36 х 32 см) нанесены наслоившиеся линейные изображения и тамговый знак (полевой № 35, рис.5). На другой поверхности также имеются многослойные изображения, среди которых тонкими линиями (0,5-I мм глубиной) вырезан единственный буквенный знак (MI8, рис.9). Его высота 3 см, ширина - до 2,5 см. Также, как и MI3, этот одиночный знак, возможно, тематически связан с выполненными сходной техникой линейными изображениями. Камень ныне хранится в музее Воронежского государственного университета.

Ради полноты представления материала следует описать еще два обломка меловых блоков, найденные на Маяцкой крепости. Имеющиеся на них резы нельзя с уверенностью отнести к надписям, однако, они выполнены таким образом, что не могут расцениваться ни как изображения, ни как тамговые знаки. Первый камень с надписевидными резами был найден в завале внеш-

него панциря юго-восточной стены (кв.Г-24, полевой № 37) в 1980 г. / I8, рис.44 / . Знаки расположены вдоль ребра камня горизонтальной строкой, длиною I0,5 см. Высота их до 3 см (рис.I3,I). На торце второго камня (1982 г., кв.Н-4, полевой № 6, завал внешнего панциря юго-западной стены близ западного угла, размеры 60 х 35 х 27 см) неглубокими (до I,5 мм) линиями нанесены три обособленных знака. Буквовидным, по нашему мнению, является крайний М-образный знак (рис.I3,2). Он вырезан более тонкой линией и имеет высоту 4 см, а ширину до 3,2 см / 20, л.6I, рис.52 / . Оба камня оставлены на месте раскопок.

Таким образом, ныне на Маяцком городище собрана коллекция из I8 надписей. Десять из них получены при работах С.А. Плетневой. Все рунические тексты были вырезаны на меловых каменных блоках, использованных для кладки панцирей крепостной стены. Лишь четыре надписи были найдены на камнях, сохранивших свое первоначальное положение в кладке. И в I909, и в I98I гг. эти блоки располагались в пятом от подошвы ряду наружной выкладки (рис.I,2), т.е. на высоте I00-I50 см /I9, с.25, рис.I27 /. О первоначальном местонахождении других надписей, найденных на камнях завала укреплений, судить труднее. Ясно, что они были нанесены на камни и внешней и внутренней обкладки стен. Несомненно также, что тексты были вырезаны на камнях всех четырех стен крепости (рис.I,I). Если допустить, что все они вырезались на уложенных в кладку блоках, то можно приблизительно определить высоту их нахождения. Раскопками I977-I982 гг. установлено, что камни с граффити располагались в 4-м - 9-м рядах кладки (приведем для примера статистику I977 г., полученную в раскопе у ворот крепости: 4,6,8 и 9 ряды - по одному знаку, 5 ряд - два знака, 7-й ряд - три знака; общая высота сохранившейся кладки в девять рядов - около 204-206 см/ I7, с.33,34, рис.72/). Получается, что изображения, знаки и надписи вырезались стоящими у стен людьми. Разница в расположении граффити соответствует расхождению высот согнутой и выпрямленной руки при полусогнутой или выпрямленной фигуре человека. Такова основная закономерность, но известны и исключения / 9, с.57,59, рис.I / . Думается, что они прежде всего созданы размещением знаков мастеров-каменщиков, размечавшими кладку стен на разных этапах ее сооружения (ср.:/ 2I /).

Однако не может быть уверенности в том, что все надписи были вырезаны на камнях, уложенных в кладку. Собственно, об этом бесспорно свидетельствует только текст М3, переходящий на соседний блок кладки. Приводившиеся особенности размещения букв надписи М6, расположенной вертикально между нарисованными на камне конями, позволяют предполагать, что изображение вырезалось на помещенном в кладку блоке. Однако в последнем случае следует помнить о тамге, вырезанной на соседней с надписью плоскости камня. Другие, встреченные на камнях стены надписи, возможно, были нанесены до укладки блоков в ряды: М15, видимо, пострадала при вторичной подтеске блока, а М2 и М4, очевидно, размещены в кладке вверх ногами. На пяти найденных в завале блоках на смежных с надписями поверхностях встречаются вырезанные изображения и знаки (М6, М9-М11, М12, М16, М18 - рис.5,I0). Эти камни найдены в удалении от углов крепостных стен, следовательно, часть изображений, а возможно, и надписей, была нанесена на блоки до их использования в строительстве или после частичного разрушения панциря стен. В пользу такого предположения свидетельствует и нередкое размещение на одной и той же грани камня различно ориентированных надписей, знаков и изображений (рис. 5; 6; 8; 9). Особенно интересен в этом плане целый блок, на трех длинных сторонах и торце которого вырезаны рисунки и три рунических надписи М9-М11. Можно бы полагать, что камень лежал в верхнем ряду стенной кладки. Но этому мешает наличие изображения на одном из торцов. Блок не мог быть в кладке угловым, т.к. найден не у угла стены. Обнаружение при раскопках архитектурных деталей, позволило определить, что сверху стены городища снаружи завершали фигурные камни парапета / I4, с.50, рис.27-29 / . Блок с надписями имеет обычную брусковидную форму. Остается допустить, что этот камень или входил в верхнее обрамление некой ступенчатой выкладки, или к моменту нанесения начертаний его можно было свободно переворачивать, т.е. он еще или уже не использовался в строительстве. В пользу последнего, пожалуй, свидетельствует нанесение букв на уже сильно затертые грани блока (М11).

Все сказанное подводит к предположению, что надписи Маяц-

кого городища вырезались как на еще не уложенных в кладку блоках, так и на стоявших крепостных стенах и на камнях их руин. Важно, что приведенные наблюдения над размещением надписей не отличаются от общей картины расположения на блоках иных граффити: тамговых знаков и рисунков /2; 9/ .

Маяцкое городище - уникальный по числу надписей археологический памятник лесо-степной зоны Восточной Европы. Не может быть сомнения в широком распространении грамотности среди жившего здесь в IX в. населения. Остается уточнить, какая среда была носителем письменности. Думается, что это были не только жители самой крепости, но и обитатели ближайших окрестностей, прежде всего, примыкавшего к укреплениям селища. Однако этот вопрос может быть решен только с появлением новых источников.

Облик целого ряда букв маяцких надписей (№№ I-4,7,I3,I4) указывает, что палеографические их особенности сложились при письме красящим веществом по мягкому писчему материалу, а не при резьбе по камню, дереву, бересте или т.п. (показательны формы руны № 3 во второй строке MIO и в надписи MII). Об этом же свидетельствуют мелкие или чрезвычайно мелкие для "монументальной" настенной письменности размеры букв большинства надписей. Эти наблюдения подкрепляют вывод о широте грамотности населения и указывают на глубину письменной культуры салтово-маяцкого общества. Есть и другие подтверждения этому. Важный материал для палеографического анализа предоставляет надпись MIO. Она не только включает в себя большое число знаков, но и содержит различные начертания одних и тех же наиболее употребимых букв (№№ I,2,4,8,I3,I7), демонстрируя одновременные возможные вариации форм. Особенно показательно многообразие знака № 2 в первой строке надписи, отразить которое в таблице оказалось затруднительно. Облик некоторых многолинейных букв допускает значительные расхождения в количестве повторяющихся элементов (№№ 8,I7), вероятно, строгость в этом не была обязательна. Видимо, для писавшего основное значение имело не точное воспроизведение деталей той или иной многочастной буквы, а ее общая узнаваемость. Прямое назначение надписей в этом случае вытесняло их каллиграфическое восприятие. Такая особенность надписи, пожалуй, говорит о непрофессионализме писавшего и может использоваться как свидетельство широкой грамотности населения. На облик знаков в некоторых случаях, вероятно, наложили отпечаток эстетические традиции носителей письма. Так, на MIO знаки № 8 имеют не однорядную, а перекрестную штриховку. По многочисленным изображениям можно видеть, что у населения крепости бытовала манера покрывать узкие, ограниченные двумя линиями фигуры косой штриховкйо крест накрест/ 2, рис.35; 9, рис.9 и I4,2; I9, рис.II4; 20, рис.84, 85 / (рис.5). Эта манера могла привести к переоформлению знаков надписей. Возможно, подобные причины сформировали и облик последнего знака в M5 (№20).

Приведенные выше наблюдения над формой и размещением знаков надписей M6, MIO и MII свидетельствуют, что маяцкие надписи писались справа налево и, следовательно, читаться они должны в этом же направлении.

Благодаря находкам I978-I982 гг. появилась серьезная возможность составить представление об алфавите маяцких надписей. Сопоставление полностью сохранившихся букв, произведенное в таблице, позволяет учесть 3I письменный знак. Учитывая единственный случай употребления формы № 3I, вероятно, следует осторожно относиться к особенностям ее облика. Сегодня остается неясным, не может ли она являться разновидностью знака № 29. По всей видимости, знак № I2 не следует учитывать среди букв, ибо он может служить словоразделительной отметкой. Таким образом, алфавит маяцких надписей состоит из 29-30 буквенных и одного словоразделительного знаков, размещенных в правой колонке таблицы в соответствии с частотой их встречаемости в текстах. Ставить вопрос о фонетических значениях букв и, следовательно, о чтении маяцких надписей, преждевременно.

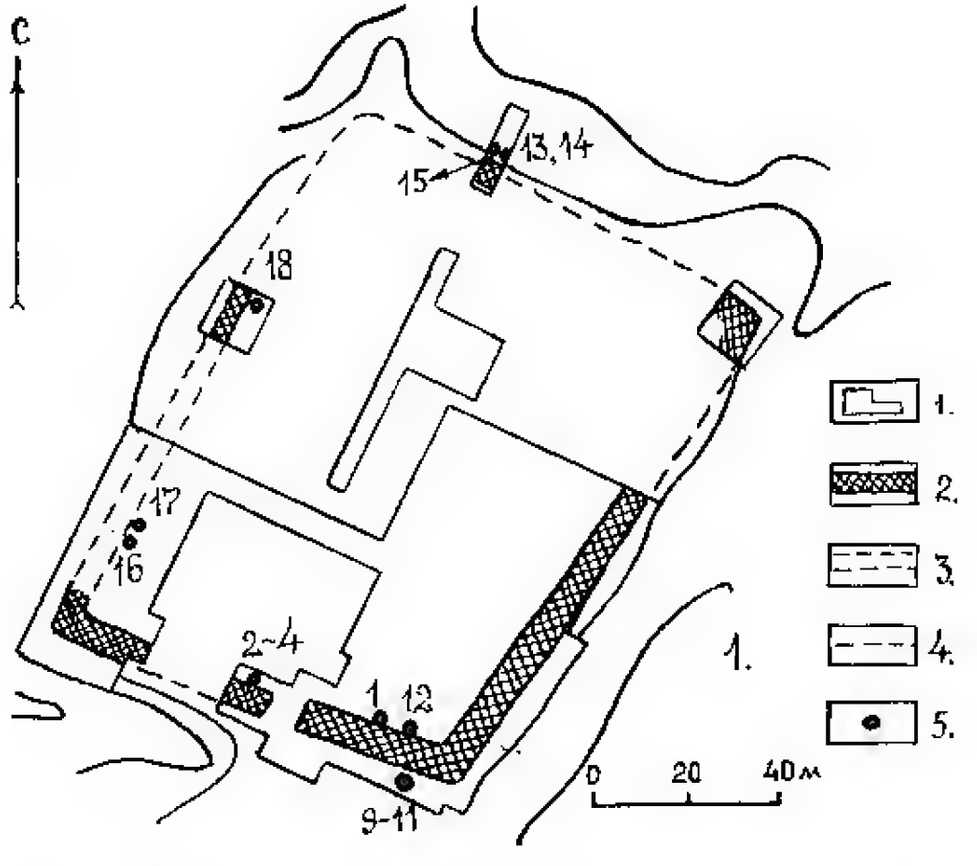
Сравнение знаков маяцких надписей с буквами других рунических текстов Европы начал уже Н.Е.Макаренко, оно проводилось и всеми последующими исследователями этих памятников. Малочисленность имевшихся материалов приводила ученых к заключению, что в Восточной Европе бытовала единая руноподобная письменность. Ныне выделение 30 букв алфавита по надписям только одной Маяцкой крепости открывает возможность но-

вого подхода к эпиграфическим источникам. С этим вполне самостоятельным алфавитом, а не с обособленными настенными надписями, следует сравнивать иные письменные памятники. Проведение такой работы позволило автору предварительно выделить в Восточной Европе два разных, хотя и близких, рунических алфавита, названных в соответствии с востоковедческой традицией по бассейнам рек, где найдены основные памятники, донским и кубанским письменностями /22; 23 /. Донским алфавитом написаны не только маяцкие тексты, но и надписи обеих баклажек Новочеркасского музея, строки, начертанные на черепных костях из кургана Кермен-Толга /24, с.53-56, III, рис.24,25 /, хранящихся в Государственном Эрмитаже, и, насколько позволяют судить опубликованные воспроизведения, некоторые настенные надписи катакомб Карачая /25/. Все другие известные в литературе рунические надписи юга Европейской части СССР сделаны кубанским алфавитом. По-видимому, население Хазарского каганата знало и использовало несколько систем алфавитного письма. Лишь тщательное сравнительно-палеографическое исследование рунических письменностей создаст необходимую базу для обоснованных прочтений самобытных раннесредневековых надписей Восточной Европы.

I. Плетнева С.А. Маяцкое городище. // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., I984.
2. Макаренко Н.Е. Археологические исследования I907-I909 годс // ИАК. Вып.43. СПб., I9II.
3. Розенфельдт Р.Л. Рукописный архив В.А.Городцова // СА. I964. № I.
4. Щербак А.М. Несколько слов о приемах чтениях рунических надписей, найденных на Дону // СА. XIX. I954.
5. Щербак А.М. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела - Белой Вежи // МИА. 75. I959.
6. Nèmeth J. The runiform Inscriptions from Nagy-Szent-Miklo the Runiform Scripts of Easten Europe//Acta Linguistica,t. fas. 1-2.Budapest,1971.

7. Турчанинов Г.Ф. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея // СА. I964. № I.
8. Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., I97I.
9. Плетнева С.А. Рисунки на стенах Маяцкого городища. // Маяцкое городище. М., I984.
I0. Pletnjova S.A. Die Chasaren. Mittelalterliches Reich am Don und Wolga. Leipzig, 1978.
II. Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З., Флёров В.С. Работы Советско-Венгерской экспедиции // АО I978 г. М., I979.
I2. Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З. Советско-Болгаро-Венгерская экспедиция // АО I98I. М., I983.
I3. Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е. Отчет о раскопках Маяцкого городища в I978 г. // Архив ИА АН СССР. № 7207.
I4. Афанасьев Г.Е. Исследования южного угла Маяцкой крепости в I977-I979 гг. // Маяцкое городище. М., I984.
I5. Плетнева С.А. Отчет о работах Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции на Маяцком городище в I979 году // Архив ИА АН СССР. № 7583.
I6. Плетнева С.А. Отчет о работах Советско-Венгерской археологической экспедиции в I975 г. // Архив ИА АН СССР. № 53I3.
I7. Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З., Флёров В.С. Отчет о работах Советско-Венгерской экспедиции в I977 г. // Архив ИА АН СССР. № 6959.
I8. Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З. Отчет о работах Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в I980 г. // Архив ИА АН СССР. № 8I54.
I9. Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З. Отчет о работах Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в I98I г. // Архив ИА АН СССР. № 9055.
20. Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З. Отчет о работах Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в I982 г. // Архив ИА АН СССР. № 8946.
2I. Плетнева С.А., Макарова Т.И. Типология и топография знаков мастеров на стенах Внутреннего города Плиски // Сбор-

ник в памет на проф.Станчо Ваклинов. София, 1984.
22. Кызласов И.Л. Две группы тюркских рунических алфавитов. Опыт выделения // Задачи советской археологии в свете решений XXУП съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М., 1987.
23. Кызласов И.Л. Древнетюркская руническая письменность Восточной Европы. Новые аспекты изучения // Праболгары в Восточной и Центральной Европе У1-Х вв. София,198 ...
24. Эрдниев У,Э. Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста, 1982.
25. Хабичев М.А. О древнетюркских рунических надписях в аланских катакомбах // СТ. 1970. № 2.
26. Нахапетян В.Е. Знаки строителей на камнях Маяцкого городищ СА. 1988. №3.



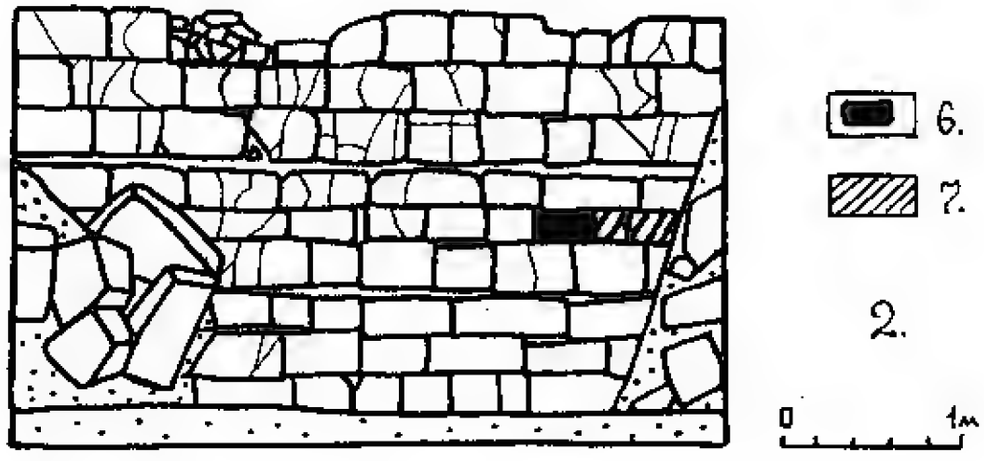


Рис.I - Маяцкое городище. I - Места находок надписей. Сводная схема участков, раскопанных Н.Е.Макаренко и С.А.Плетневой. 2 - Размещение блока с надписью MI5 в кладке северо-восточной стены. Условные знаки: I - границы раскопов, 2 - стена, 3 - разрушившаяся часть стены, 4 - предполагаемая, еще не раскопанная часть стены, 5 - местонахождения надписей (номера соответствуют индексам в тексте), 6 - блок с надписью MI5, 7 - камни со знаками.

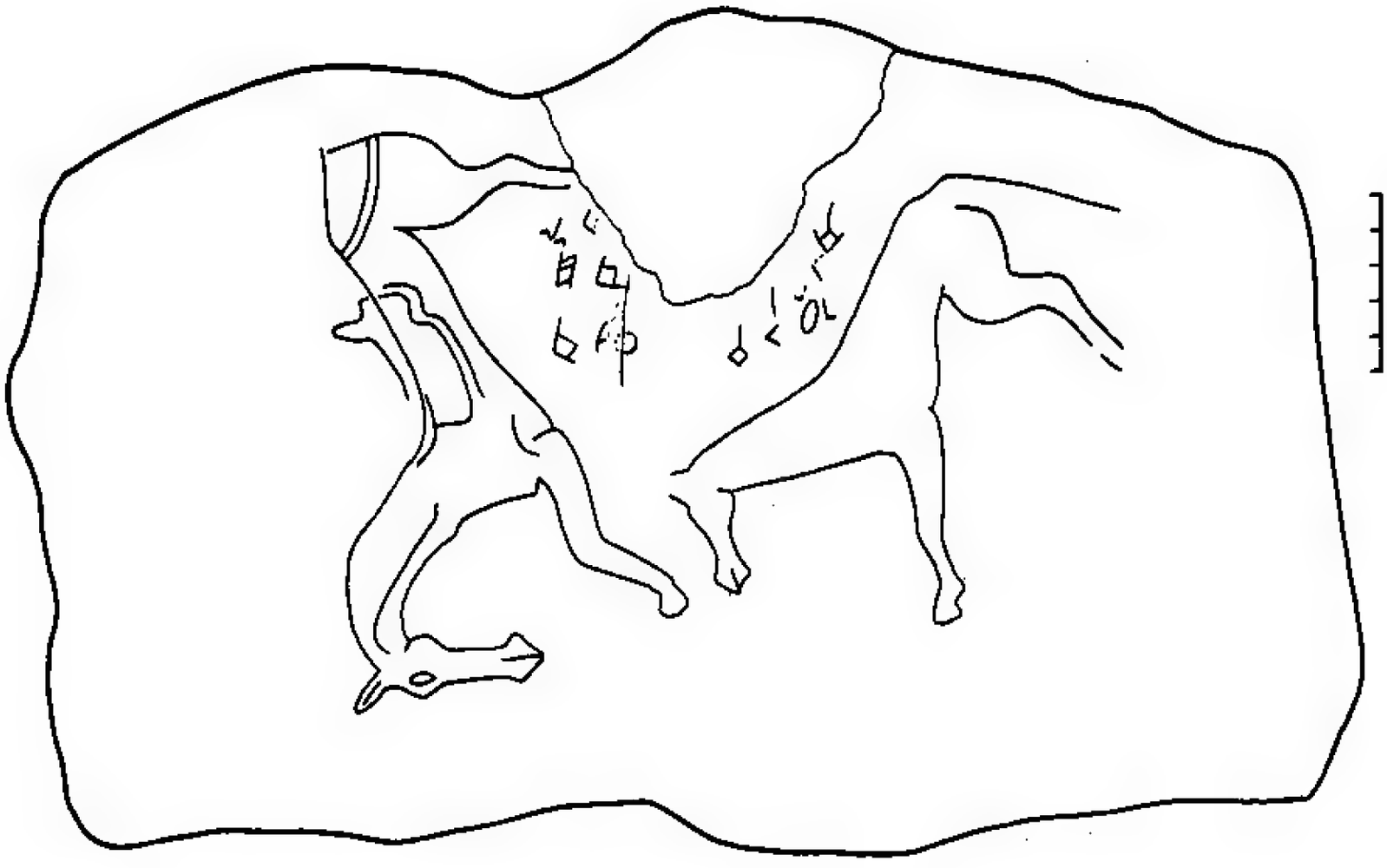


Рис. 3 – Надпись №6. Прорисовка автора.

Рис.2 – Маяцкие надписи из раскопок Н.Е.Макаренко. Прорисовки И.Л.Кызласова. MI по фотографии Н.Е.Макаренко.

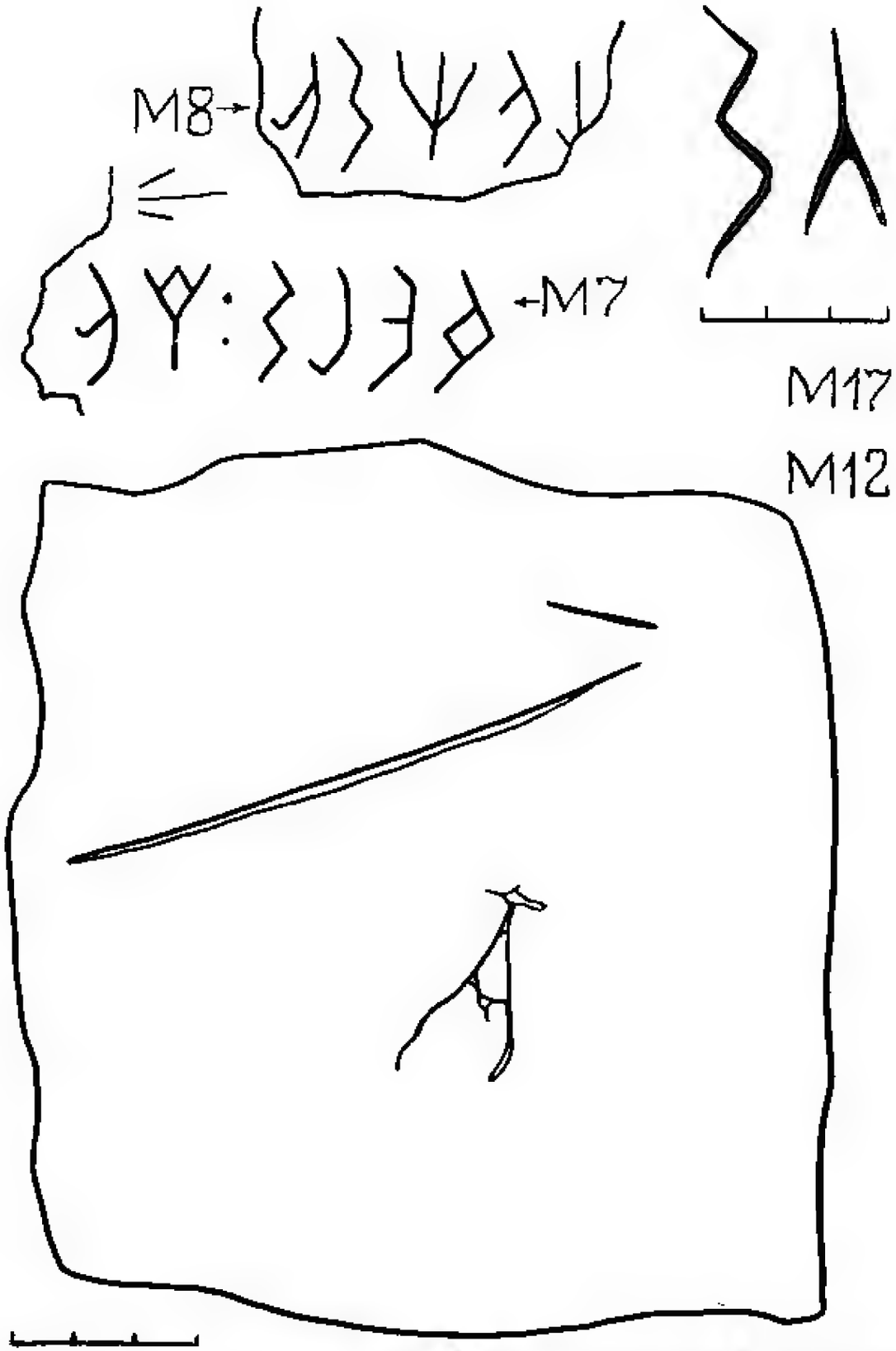
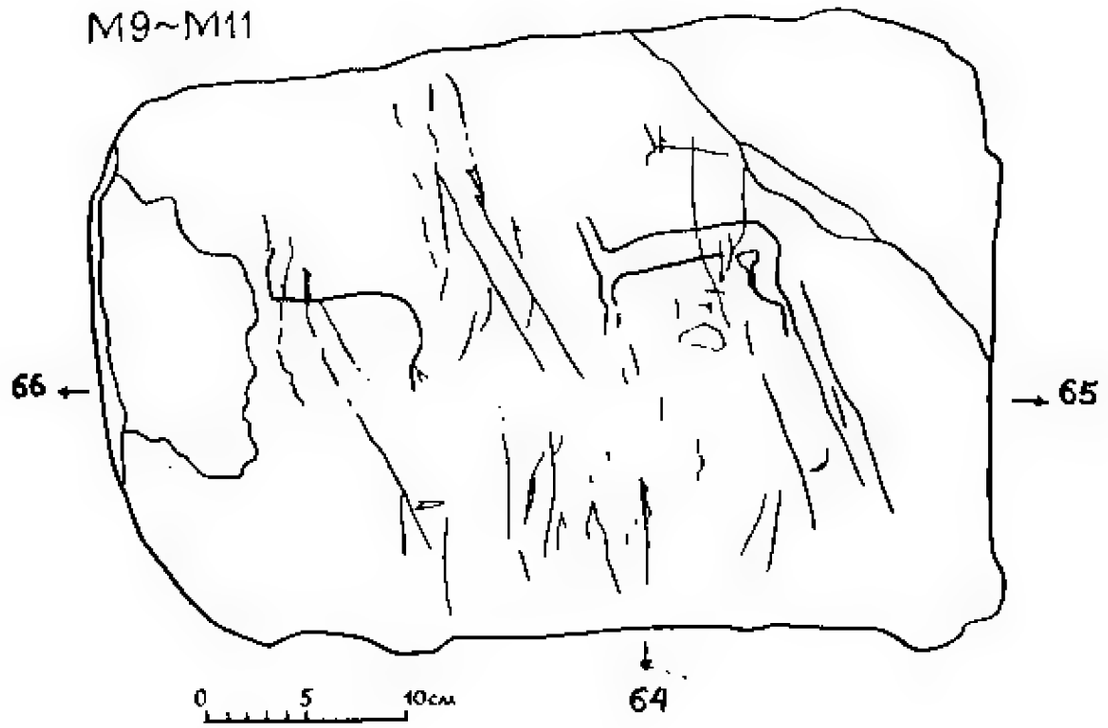


Рис.4 – Маяцкие надписи: М7, М8 по безмасштабной зарисовке С.Н.Замятнина, МІ2, МІ7 по полевым прорисовкам экспедиции С.А.Плетневой.



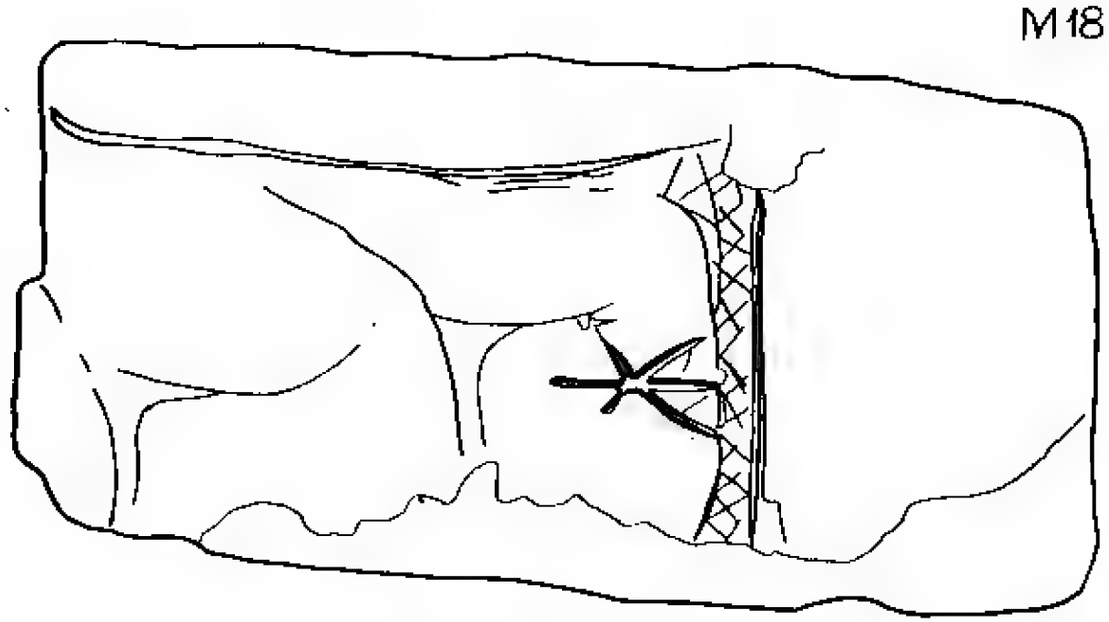


Рис.5 – Изображения и тамга на блоках с надписями: М9-МІІ (торец, полевые номера примыкающих поверхностей указаны стрелками), МІ8 (длинная сторона). По полевым прорисовкам С.А.Плетневой.

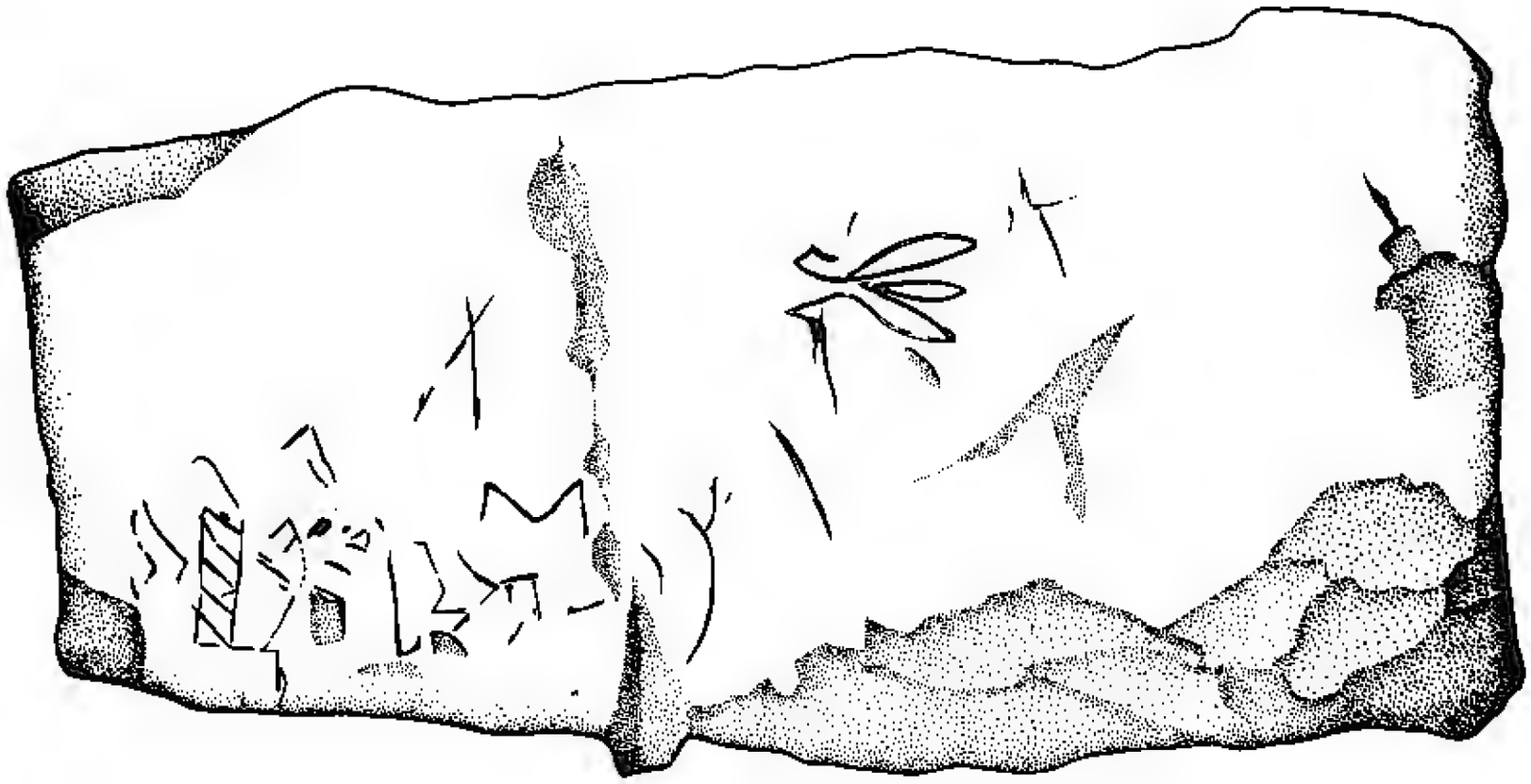


Рис.6 - Надпись М9 на одной стороне блока. I - По полевой прорисовке С.А.Плетневой, 2 - прорисовка автора.

Рис.7 - Надпись МIО на второй стороне блока. I - По полевой прорисовке С.А.Плетневой, 2 - прорисовка автора.

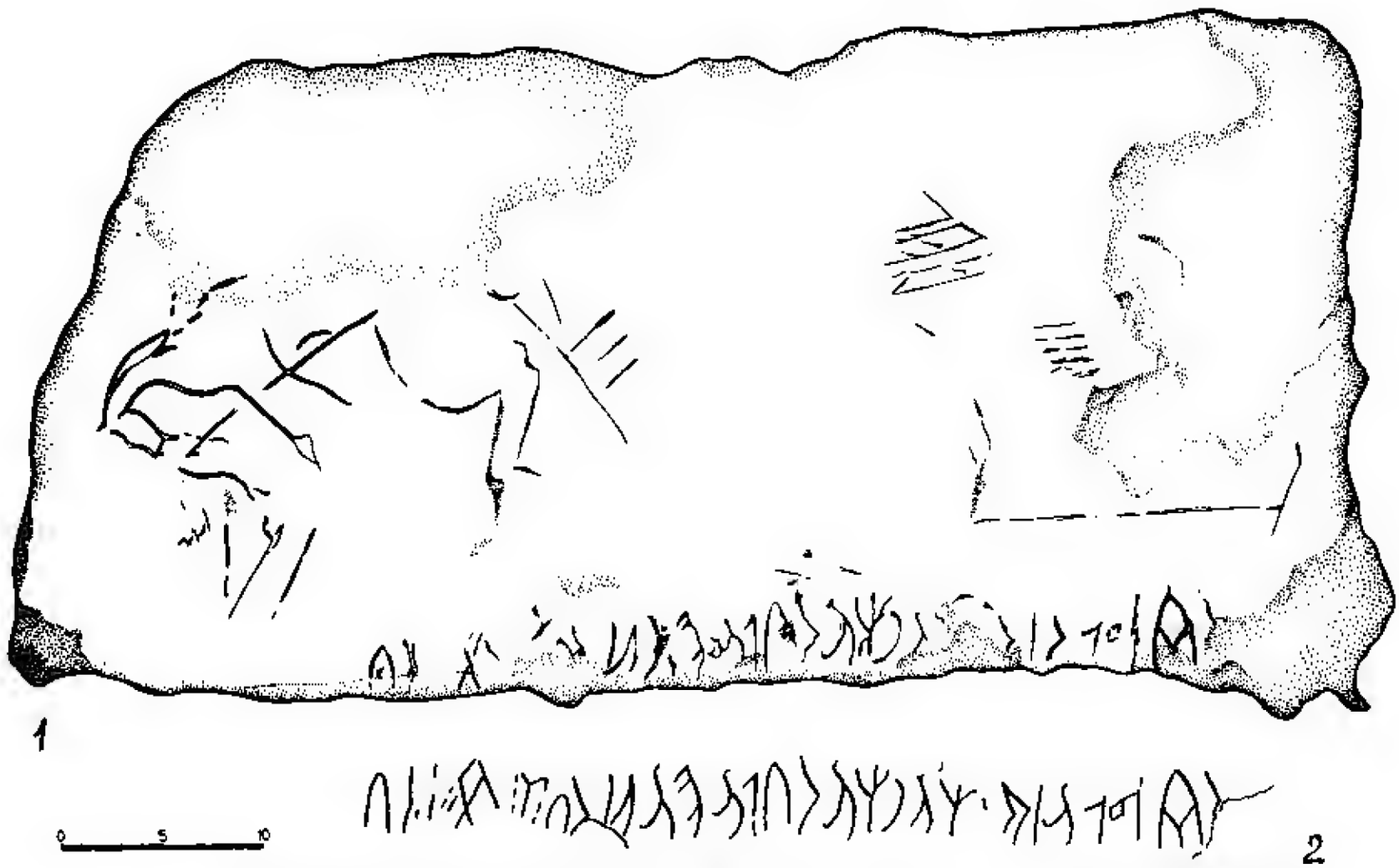


Рис.8 - Надпись MII на третьей стороне блока. I - По полевой прорисовке С.А.Плетневой, 2 - прорисовка автора.

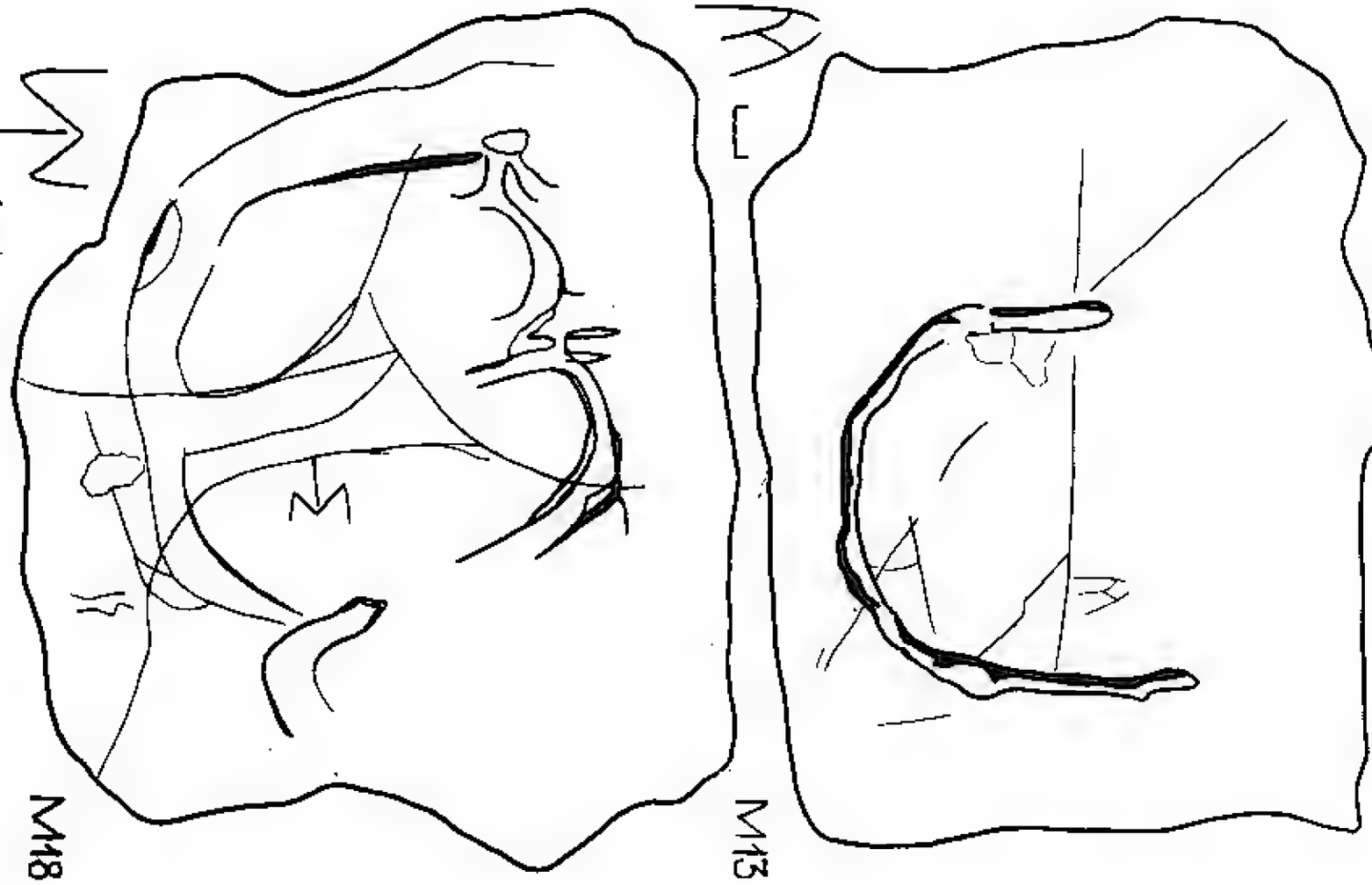


Рис.9 - Мелкие надписи по полевым прорисовкам экспедиции С.А.Плетневой: MI3, MI8.

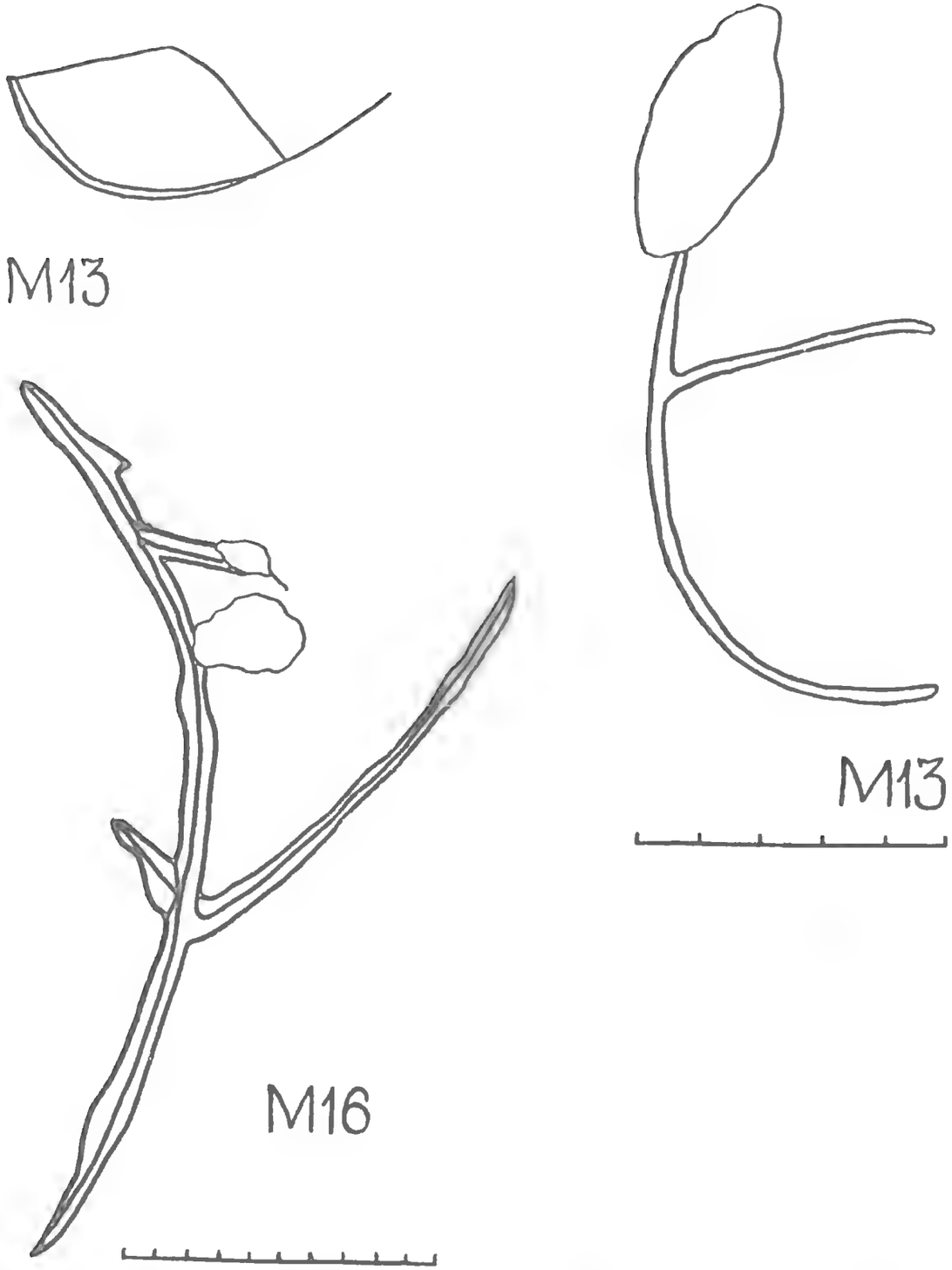


Рис.I0 - Знаки насмежных сторонах блоков с надписями: MI3, MI6. По полевым прорисовкам С.А.Плетневой.

Рис.II - Надписи MI4 и MI5. По полевым прорисовкам экспедиции С.А. Плетневой с уточнениями автора.

Рис.12 - Надпись №6. Прорисовка автора.

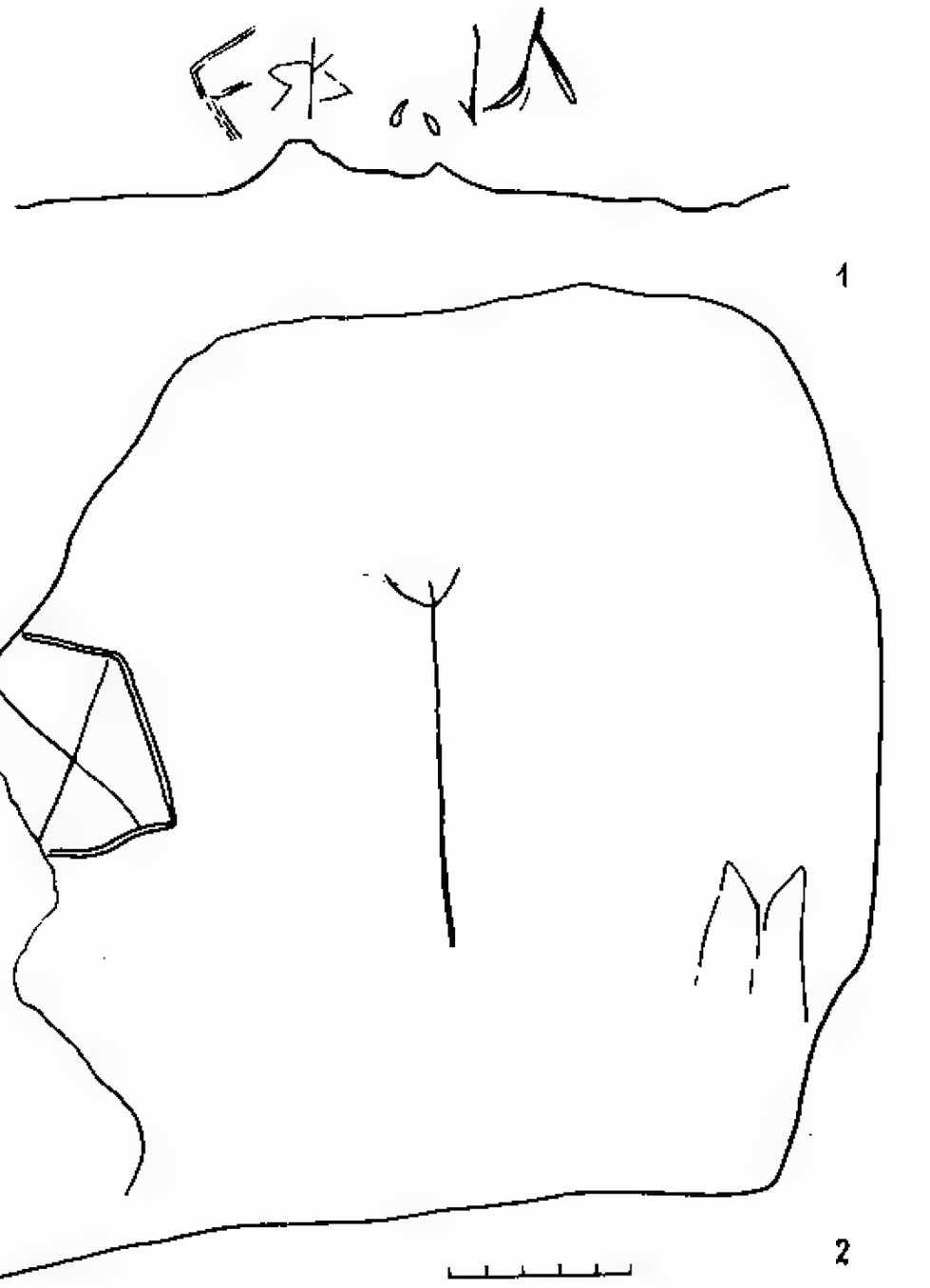
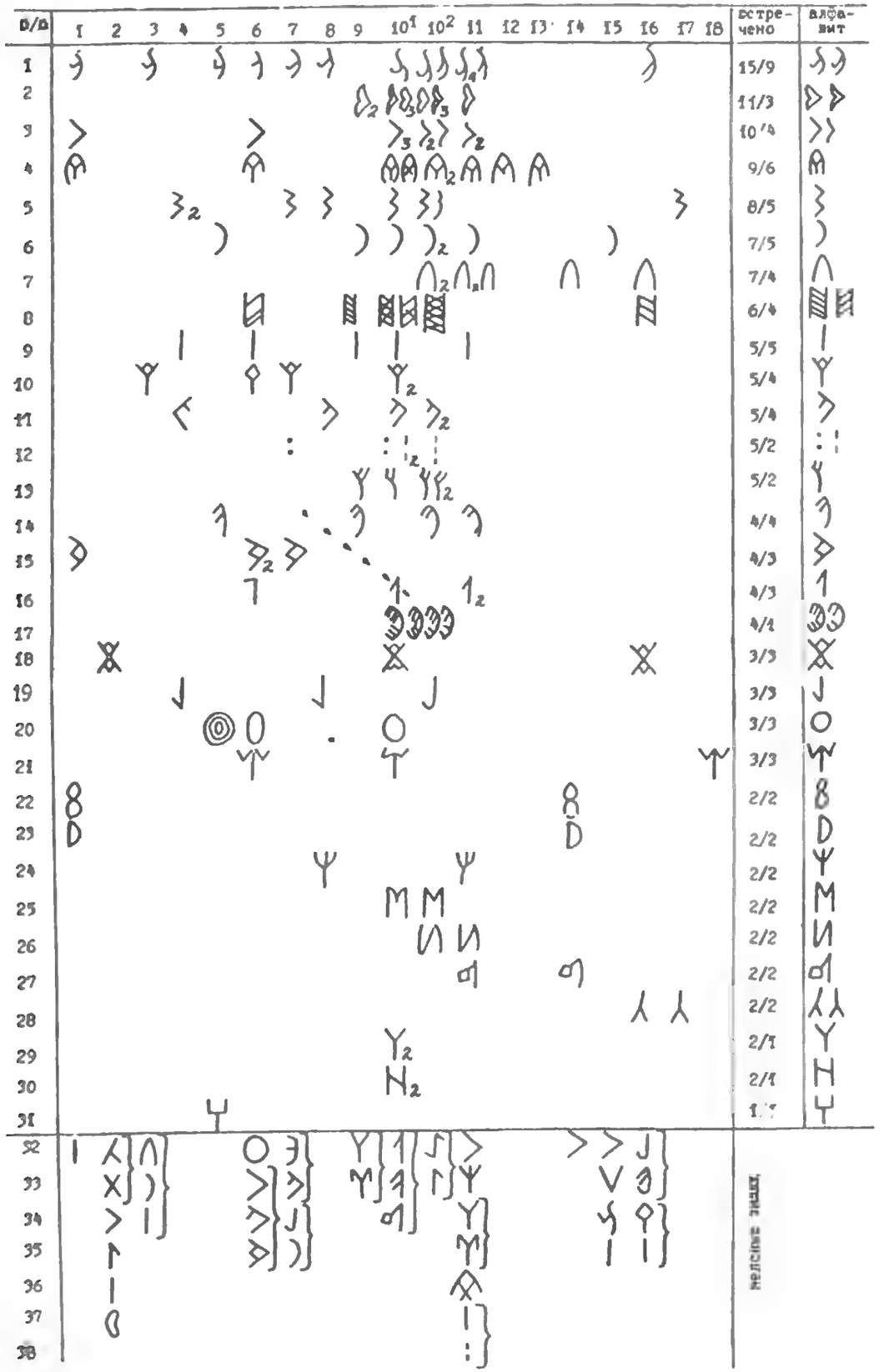


Рис.13 - Знаки на блоках: 1 - 1980 г., полевой № 37; 2 - 1982г., полевой № 6. По полевым прорисовкам экспедиции С.А. Плетневой.

Таблица I. Знаки маяцких надписей



В.Е.Нахапетян

Граффити Маяцкого городища

Наличие рисунков и разнообразных знаков, прочерченных или вырезанных на камнях, кирпичах, керамике и костяных предметах, характерно для памятников салтово-маяцкой культуры. Между тем Маяцкое городище является пока единственной каменной крепостью средневекового Подонья, где найдена серия граффити, по своей представительности сравнимая с коллекциями граффити Плиски и Преслава /I,2/ . К настоящему времени их количество свыше четырехсот.

Помимо находок на Маяцком известно несколько знаков, обнаруженных на камнях Правобережного Цимлянского городища, а также упомянутые И.И.Ляпушкиным знаки и изображения на облицовочных камнях Ольшанского и Салтовского городищ /3, с.I35/ . Помимо Подонья граффити на камнях синхронных памятников известны в Крыму/ 4, с. I08/ . Большая серия рисунков, надписей и знаков открыта на Северном Кавказе при раскопках Хумаринского городища / 5 / .

Первые находки граффити на Маяцком городище опубликованы в работах А.И.Милютина /6/ и Н.Е.Макаренко/ 7 /. Вновь открытые в результате возобновления раскопок на городище Советско-Болгаро-Венгерской экспедицией под руководством С.А.Плетневой рисунки также опубликованы /8/ .

Большинство изображений вырезано на меловых блоках тонкими линиями от 0,5 до 3, реже 3-5 мм глубиною. Такого типа начертания как рисунки, так и знаки обычно называются граффити /2,8/ . Часть представляет собой глубоко вырезанные или выбитые массивными орудиями знаки, оставленные строителями при возведении крепости. Они не присутствуют на поверхности сохранившейся стены за редким исключением (I знак), так как блоки укладывались меченой гранью внутрь кладки. Публикации

этих знаков была посвящена отдельная статья /9/. Хотя знаки мастеров в массе своей отличаются от тех, что найдены на панцырях стены, нельзя провести четкой грани между знаками, оставленными во время и после строительства. Существуют знаки-граффити, явно нанесенные до укладки блока в стену, т.к. грань, на которой они нарисованы, не была лицевой, а отличается неровной, грубо отесанной, светлой поверхностью, что характерно для сторон блоков, обращенных внутрь кладки. Некоторые знаки-граффити сопровождаются знаками, выбитыми каменотесами. Для ряда знаков-граффити невозможно установить на какой грани блока они были нанесены из-за фрагментарности последнего, или отсутствия данных. Возможно, ряд граффити был нанесен до постройки стены на грани, которые затем оказались лицевыми /7,8/. Кроме того существует несколько десятков знаков, сделанных, пользуясь терминологией Н.Е.Макаренко, углубленным штрихом (вырезанных на глубину 4-5 мм), процент встречаемости которых на поверхности стены крайне низок (4 знака), но они все же присутствуют. Почти все подобные знаки отнесены мною к знакам, оставленным строителями крепости/ 9 /, но надо учитывать некоторую условность этого разделения для знаков, выполненных в подобной технике, особенно для тех случаев, когда характер поверхности грани не установлен или не был зафиксирован, даже несмотря на то, что для периода строительства именно такие, глубоко врезанные одной линией знаки наиболее характерны /9, рис.I/.

Около 60% граффити найдено на камнях, упавших со стен, в частности, на камнях парапета, венчавшего стену /8,I0/. На сохранившейся кладке изображения, по подсчетам С.А.Плетневой, располагались на высоте 0,6 - 0,8 или I,2 - I,6 м, т.е. на тех участках, где было удобно рисовать сидя или стоя /8, с.57,59/. Знаки, рисунки и надписи распределены по рядам кладки следующим образом: на втором ряду - 4 знака, в третьем - 2, в четвертом - I8, в пятом - 30, шестом - 25, седьмом - 6. Рисунок двух лошадей был найден Н.Е.Макаренко в восьмом ряду, а за годы работы экспедиции было обнаружено еще одно граффити в восьмом и одно в девятом ряду. Но если учесть, что шестой ряд сохранился только в отдельных местах

кладки, а от седьмого и восьмого остались отдельные камни, то есть основания предполагать, что основная масса граффити наносилась на высоту 4-9 рядов, т.е. от 0,8 до I,90 м от земли, до высоты несколько поднятой руки. Поскольку процент встречаемости граффити на "изнаночной" поверхности блоков гораздо ниже, чем на лицевой (соответственно 23% и 77%), то можно заключить, что основная часть граффити, найденная в завалах стен, была некогда нанесена на седьмой - девятый ряды кладки, а также на блоки, парапета /8/. Кстати, при реконструкции парапета некоторый материал может дать расположение граффити на его деталях. В частности, Н.Е.Макаренко обнаружил блок основания парапета, где есть изображение не только на боковой Г-образной грани, но и на верхней части грани с уступом (рисунки двух лошадей и надпись).

По топографии знаков, их распределения по различным участкам стен трудно добавить что-либо новое относительно того, что уже было отмечено в статье С.А.Плетневой /8, рис.2/. Ни один из вновь раскопанных участков стен не превышает по количеству граффити район внешнего панциря юго-западной стены от ворот до южного угла. Второе крупное скопление - район южного угла со стороны внутреннего панциря. На остальных участках стен и в завалах граффити встречаются постоянно, но не так часто. Следует отметить участок внутреннего панциря юго-восточной стены в районе пристройки 3, где также открыто скопление граффити. В основном, количество находок зависит от степени сохранности и раскопанности стен.

Знаки-граффити встречаются чаще всего группами, нанесенными одной рукой или разными людьми. Композиции из различных знаков, найденных на одном блоке, сведены в отдельную таблицу. Вариабельность знаков и их композиций очень большая, поэтому, в целях облегчения сопоставления и анализа публикуемой серии, знаки из композиций и близкие им одиночные знаки сведены в таблицы, основанные на морфологических особенностях этих знаков. При выделении группы знаков берется фигура, лежащая в основе их начертания (круг, треугольник, дуга и т.д.). Первыми в классификации идут группы, в основе которых лежат геометрические фигуры, затем - простые линейные знаки (параллели, угол

и т.д.), завершают ее сложные и криволинейные знаки, зоо- и антропоморфные фигуры. Публикуются также изображения животных, открытые экспедицией за последние два года ее работы, не вошедшие в статью С.А.Плетневой. Данные об условиях, месте и времени находки знаков, а также месте их первой публикации даны в Приложениях I,П,Ш (далее в тексте, приложениях и рисунках , №№ Приложений указаны римскими цифрами, №№ граффити - арабскими).

Пента- и гексаграмма. Группа состоит из I4 знаков, представляющих собой два варианта начертаний пятиконечной звезды: начерченную непрерывной линией (I, № I-I2) и составленную из двух треугольников (I, № I3,I4), и одной гексаграммы (I, № I5). Девять знаков обнаружено на сохранившейся кладке, из них три (I, № I-3) на одном участке стены, возможно, сделаны одной рукой.

Окружность. Знаков, в основе которых лежит окружность, обнаружено всего шесть, причем три - в завале юго-восточной стены компактной группой, но все они различны типологически. Знаки вырезаны на гладкой поверхности блоков. Это окружность со вписанным в нее крестом и двумя параллельными линиями (I, № I7); две концентрические окружности со вписанным в них крестом (I, № I8, знак фрагментарен) и шесть концентрических окружностей с прямой линией в центре (I,№I9). Н.Е.Макаренко также найден и опубликован знак в виде трех концентрических окружностей, который завершает надпись (I, № 20). Он был в свое время трактован как лабиринт (П, с.72), однако известно также употребление такого типа знаков в качестве солярных символов. Например, буряты солнце рисовали в виде восьми крупов. Аналогичные рисунки известны на скалах Предбайкалья и Забайкалья/ I2, с.223/ . Пятый знак группы нарисован довольно небрежно на внешнем панцире юго-западной стены и, возможно, изображает сеть. Шестой знак - вытянутая окружность со вписанным в нее прямым процветшим крестом - обнаружен Н.Е.Макаренко (I, № I6).

Триксвестр. Найдено всего два знака этого типа, процарапанные на внешнем фасе юго-восточной стены рядом на одном блоке. Один из них недорисован, а другой начертан уверенной

рукой, он имеет лопасти, загнутые в противоположную сторону. Первому знаку близка эсовидная фигура, найденная Н.Е.Макаренко рядом с рисунком человеческого лица (I, № 22-24).

Треугольник. Первый тип - это треугольник, перечеркнутый прямым крестом (I, № 25,26). Два таких знака найдены недалеко друг от друга: один в завале, а другой на внешнем фасе юго-западной стены. Четыре разнотипных знака, в основе которых лежат треугольные фигуры, происходят из раскопок Н.Е.Макаренко (I, № 27-29,3I). Один из них (№ 3I) он трактует как голову человека с распущенными волосами/ 7, с.II/ . Довольно небрежное граффити, изображающее знак "песочные часы" найдено в районе ворот (I, № 30). К последнему, седьмому, типу отнесены шесть знаков - это треугольники в сочетании с длинной линией, от которой отходит короткий перпендикулярный отросток, в трех случаях тоже перечеркнутый. Тип делится на два варианта: I - линия проходит через вершину треугольника (I, № 32, 33); 2 - линия является продолжением стороны треугольника (I, № 34-37). Знаки найдены на разных участках.

Ромб. Группа представлена четырьмя знаками. Два - широко распространенный сюжет: ромб с продолженными смежными сторонами, с "хвостом". Один из них, сопровождаемый параллелями, нанесен углубленным резцом, и не исключено, что он относится к периоду строительства. Знаки, в основе которых лежит ромб, часто употреблялись строителями в качестве меток /9, № I08-II6 /, хотя данного типа среди них нет. Второй знак нанесен на внешний фас юго-западной стены (I, № 38,39). Там же найдены и два следующих типа в виде ромбов с продолженными сторонами (I, № 40,4I).

Прямоугольник. Знаки, в основе графической схемы которых лежит прямоугольник или квадрат, найдены на восьми блоках. Четыре раза найден широко распространенный тип знака в виде перекрещенного квадрата (I, № 42-45). Второй тип - прямоугольник с отходящими от основания тремя короткими линиями (I, № 43). Два знака: квадрат со вписанной в него частой сеткой и неправильной формы прямоугольная фигура, по внутреннему полю которой прочерчены зигзагообразные линии, составляют единую композицию/8 /. Если первый знак имеет широ-

кий круг аналогий, как среди материала самого городища, так и других памятников /I3, с.I30; I4 /, то второй знак и в целом построение композиции уникальны. То же относится и к П-образн фигурам, найденным на двух блоках-зубцах парапета юго-западн стены. На одном их девять - по три с каждой доступной для рис вания стороны, на другом - три. Все знаки явно выполнены одн рукой. Возможно, они воспроизводят бойницы, узкие с внешней широкие с внутренней стороны (I, № 46, а,б).

Сетка. Граффити как и в предыдущих группах разнотипны. Шесть знаков, включая два, найденные Н.Е.Макаренко, представл ют собой регулярную сетку с прямоугольными ячейками ограниченную по внешнему контуру (I, № 49-54). Их можно разделить на два типа: с частыми (№ 49,50) и с редкими ячейками (№ 5I-54). Другой тип сетки - нерегулярные, не ограниченные контуром пер крещивающиеся линии, идущие под разными углами друг к другу. Подобные фигуры встречаются на астрагалах салтово-маяцкой кул туры / I5 / . Встречающиеся также на них знаки в виде косой регулярной сетки на городище не найдены. Все знаки начертаны то кими линиями.

Лесенка. К этой группе отнесены три знака (I, № 59,60,62 один из которых можно отнести к периоду строительства (№ 62). К этой группе примыкает еще одно граффити (I, № 60), занимающее промежуточное положение между группами "сетка" и "лесенка". Знаки в виде лесенки распространены на астрагалах / I5 / .

Черта. Знак черта известен в качестве тамги / I3 / , он может иметь также значение рунического знака, так как присутствует в надписях Маяцкого. Может являться линией, случайно проведенной на камне, например, для пробы инструмента, линией размечающей или ограничивающей поле изображения (П, № 4 и 5, Ш, № 27). Обычно черта сопровождает другой знак (I, № 26, 35, I8I, I86, 208, 209; Ш, № I4, I9, 24, 25). На поверхности кладки как самостоятельный знак черта ни разу не встречена. Два случая находки граффити относятся к периоду постройки: это косая черта длиной I5 см и горизонтальная линия длиной 30 см, видимо, служившая разметкой для каменотеса или строителя.

Параллели. Тип I - две параллельные линии (6 знаков).

Два знака, найденные на сохранившейся кладке вертикальны. Тип делится на два варианта: I - широко расставленные линии: соотношение расстояния между линиями и их длиной меньше $^{I}/_{4}$ (I, № 63-65); 2 - близко расположенные параллели (I, № 66-68). Второй тип - две перечеркнутые параллели, также делится на два варианта: I - широко расставленные параллели перечеркнутые в верхней части: знак похожий на П-образную фигуру (I, № 69-73, Ш, № I9); 2 - параллели, длина которых более чем в четыре раза превышает ширину знака, перечеркнутые посередине (I, № 74-77). Три знака :перечеркнутые параллели" на сохранившейся кладке также нанесены вертикально (I, № 69, 74,76). Горизонтальны параллели, сопровождающие рисунки птиц (I, №65; Ш, № II) и, по всей видимости, параллели, входящие в сложный знак с двузубцем, если судить по расположенной ниже зооморфной фигуре (I, № I44, 208). Третий тип - несколько параллельных линий, число которых колеблется от трех до шести (I, №78-8I, 89, 90). Линии знаков, на сохранившейся кладке, как и у двух предшествующих типов вертикальны, или наклонны (I, №78, 80, 8I). Четвертый тип - несколько параллелей, ограниченных с одной стороны поперечной линией (I, № 82, 83). Распространены также знаки в виде пучков параллельных изогнутых линий, идущих в одном направлении (I, № 85, 86, 89-92) или слегка расходящихся линий (I, № 84, 87, 88). На сохранившихся в кладке блоках они также вертикальны или слегка наклонны (I, № 84-87).

Прямой крест. Простой прямой крест найден на двух камнях, оба раза в сопровождении других изображений (I, № 93, 94). То же относится к кресту с одним загнутым концом (I, № 95). Такой тип знака распространен среди знаков строителей на городище. Н.Е.Макаренко также обнаружил два знака в виде крестов с загнутыми концами (I, № 96, 97).

Косой крест. Встречается чаще (I3 экземпляров), но также обычно в сопровождении других знаков (I, № 98-I03, I05-I07, I09), что не обязательно должно указывать на его подчиненную функцию в композициях (Ш, № 4, I4-I8, 20). Например, У обских угров косой крест обозначал тотема-прородителя, а принадлежность этого знака тому или иному роду определялась

другими дополнительными отметками в виде черточек, точек и тамг / I6, с.II0 /. Помимо простого креста имеются типы знака усложненных начертаний: с горизонтальным отростком (I, № I08 с отростком и соединительной линией между лучами (I, № I07); соединительными линиями в двух вертикальных углах (I, № I09)

Угол или "галочка". Группа включает I8 знаков. Начертани двух типов: прямолинейный угол и угол с одной отогнутой в вер ней части стороной (I, № I09, II4, II7, I20-I22) повернутый вправо или влево. Для прямолинейного угла в случае его нахож дения на кладке отмечены варианты, когда он обращен и вправо и налево, и вверх, и вниз вершиной (I, № II0-II3, I27; Ш, № 25 - на зубце парапета). Третий тип: знак из двух углов, об-ращенных вершинами в разные стороны, имеет точную аналогию среди знаков каменотесов, выбитых теслом / 9, № 27 /. Оба знака найдены на одном участке юго-восточной стены. Знак из сдвоенных прямых углов найден также Н.Е.Макаренко (I, № II6), но в этом варианте углы обращены в одну сторону. Кроме двух последних, сложных знаков, все остальные знаки этой группы найдены в композициях, три из которых, возможно, являются краткими надписями (I, № II8, II9, I22; Ш, № I9, 26). Знаки в виде развернутого (№ II8) и острого угла, а также угла с отогнутой стороной (№ I22) имеют аналогии среди рунических знаков маяцких надписей.

Двузубые вилы. Граффити, объединенные в эту группу, так же как и знаки строителей Маяцкого городища - двух типов: в виде буквы "ипсилон" (I, № I23, I24) и знака с прямым стержнем и одним отходящим под углом отростком (I, № I26-I28). Третий тип - угол развилки - сбоку стержня (I, № II7, I29). Знаки "ипсилон" и находящийся рядом с ним зигзагообразный знак (I, № I24) известны среди знаков письменности Маяцкого и Хумаринского городищ. Знак "ипсилон" есть также среди знаков рунических надписей на новочеркасской баклашке. Возможно, что это сочетание - краткая надпись / 5, с.49; II; I7 /. Только один знак (I,№I25) представляет двусторонние двузубые вилы. Знак "ветка" (I, № I26-I28) когда можно это определить, расположен горизонтально, "ипсилон" - вертикально (I, № I23).

"Птичья лапа". Три знака трех различных вариантов "птичьей лапы" вырезаны на поверхности кладки: первый обращен зубцами вверх (I, №I30), второй - наклонно (I, № I3I), третий, очень крупный по размерам для знаков-граффити, - зубцами вниз (I, № I32). Ему близки два знака из раскопок Н.Е.Макаренко, усложненные дополнительными элементами (I, № I33, I34). Найдено также три знака в виде "пси" - "птичья лапа" на стержне (I, № I35-I37). Все они обнаружены на блоках, упавших со стен. Только № I36, расположенный на верхней грани зубца, обращен навершием слегка наклонно вверх. К группе примыкают еще два знака в виде расходящихся трех лучей (I, № I38, I39). Знак на кладке - горизонтален.

Односторонний двузубец. Найдено пять разнотипных знаков, представляющих двузубец, усложненный различными элементами (I, № I40-I44). Шестой знак - двузубец с высокой перечеркнутой ножкой и скругленным навершием (I, № I49). На сохранившейся стене двузубцев не найдено. Под знаком № I44 расположено зооморфное изображение (I, № 208), судя по которому двузубец был обращен навершием вверх.

Двусторонний двузубец. В отличие от группы односторонних двузубцев, хорошо представленных среди знаков строителей, знаки данной группы обнаружены экспедицией только в качестве граффити (I, № I45-I48). Только Н.Е.Макаренко найден глубоко рельефный, как он его охарактеризовал "Н-образный" знак, судя по рисунку представляющий собой двусторонний двузубец с очень коротким стержнем между зубцами /7, с.30, рис.33/. Единственный двузубец, найденный на кладке - вертикален (I, № I45), вертикален и знак № I47, расположенный рядом с рисунком коня (Ш, № 5). Возможно и другое его расположение: на стене Хумаринского городища двусторонний двузубец, нанесенный охрой, - горизонтален /5, рис.50/ . Знаки № I45 и I46 сохранились фрагментарно. Полностью сохранившиеся знаки имеют одно (№ I48) или два (№ I47) загнутых навершия.

Дуга. Знаки, в основе имеющие дугу, найдены четырех типов, применявшихся также в качестве меток строителями: простая дуга (I, № I50, I5I); дуга с отогнутым концом (I, № I52), дуга с двумя отогнутыми концами и перекладиной в центре (I, № I53), дуга со вписанным в нее углом (I, № I54, I55).

Еще один такой знак, расположенный на одной грани со знаком "дуга с отростком в центре" уже был опубликован/ 9, № I23,а/ Рисунки различных дуг, найденные на кладке стены, все обращены концами в разные стороны (I, № I50, I5I, I52, I54).

Зигзаг. Все три найденные зигзагообразные и волнистая линии выполнены тонким штрихом, все - на сохранившейся кладке два - горизонтальны, третий (волнистая линия) - вертикален. Последний входит в уже упомянутую композицию /8, рис.I6,4/ где разделяет две прямоугольные фигуры (I, № I56-I58).

Е-образный. Этот знак известен среди меток строителей крепости /9, № I0I-I03/. Одно из двух граффити также относится к периоду постройки (I, № I60). Второе (I, № I59) расположено на стене, зубцы его обращены направо.

А-образные знаки. Их также немного и все - разнотипны (I, № I6I-I63). Знак, найденный на стене (№ I6I) обращен углом вверх. Он находится недалеко от близкого по размеру и конфигурации знака "птичья лапа" (I, № I32). Возможно, знаки являются тамгами людей, состоящих в родстве: аналогичные случаи отмечались /9/. Два других, в отличие от предыдущего, - очень маленьких размеров (I, № I62, I63) и имеют аналогии среди знаков письменности местного населения.

Прочие простые линейные знаки разнотипны (I, № I64-I78). Из них можно выделить еще более-менее близкие знаки типа скоба (I, № I72-I75). Остальные типы - единичны. Некоторые из них имеют аналогии среди знаков строителей (№ I76, а, I77) и же алфавита маяцких надписей (I, № I67-I70, I76,б).

Интересную группу сложных знаков составляют характерные для Маяцкого городища фигуры в форме двузубца с загнутым или прямым стержнем, заканчивающимся ромбом (I, № I79-I86), в семи случаях (№ I80,I82,I83,I84,I85,I86,б) перекрещенного дугой с загнутыми концами. В одном случае дуга также присутствует, но не перекрещивается со знаком (№ I8I). Одна такая крестовидная фигура снабжена ромбами на трех концах (№ I84). Из тех знаков, которые сохранились на стене, три повернуты ромбом и навершием вверх (№ I80,I83,I84), три - вни (№ I82,I86). Прямая аналогия одному из перевернутых знаков имеется среди енисейских писаниц и, по мнению П.Георгиева, яв

ляется схематичным рисунком птицы /I8/. Два других находятся на одном блоке (№ I86). Как считает С.А.Плетнева, они были нарисованы до укладки камня в стену, а после укладки рисунок оказался перевернутым /8, с.75/. Аналогии знакам, не перекинутым дугой (№ I79, I8I, I86 а) имеются среди рунических знаков Маяцкого городища и на новочеркасских баклажках/ I7/. Аналогии подобным изображениям есть в Саркеле /I9/ и в Дунайской Болгарии/ I, Табл.УП, I3/. Есть довольно близкие изображения и среди тамг/ 5, рис.5I; I8; 20; 2I, № 25I, 294, 330/. Фигура в виде перекрестия с головкой на конце была у сванов символом божества или наделенного верховной силой существа /22, с.I47, I53/. Значение ромба как лица человека бытовало еще вначале века у таджиков/ 23/. Похожие изображения были известны в сарматское время/ 24, рис.3/. Таким образом, знаки этой группы можно рассматривать и как знаки письменности, и как антропоморфные и зооморфные рисунки сакрального характера и как тамги. Последнее тем более вероятно, что обломок одного такого знака есть среди строительных меток/ 9, № II8/. К периоду строительства относится также один знак-граффити (№ I8I).

Близки к вышеописанной группе знаки в виде стержня, который завершает не ромб, а маленькая окружность (I, № I87, I88, I89), которая также лежит в основе распространенного типа знака - круга с усами/ I, табл.УП, I8, ХХШ,I8; рис.5I,34; 35, табл.XI, 829, ХШ, 53/, на Маяцком найденный только один раз. Знаки отличаются небольшими размерами.

Овал. В коллекции три знака в виде удлиненного овала с отходящей от узкой его части линией и с дополнительными элементами в одной из вершин овалов, во всех трех случаях разными (I, № I9I-I93). Знаки отличаются небольшими размерами. Все найдены на блоках, упавших с юго-западной стены. Знак № I92, расположенный рядом со знаком каменотеса (Ш, № 28) относится к периоду постройки крепости, как, вероятно, и довольно глубоко врезанный знак № I9I.

Петля. (I, № I94-I96). Три знака процарапаны очень тонкими линиями. Один - на фасаде юго-западной стены, другой на лицевой грани блока из завала. Это довольно редкий тип знака.

Аналогичный знак есть на колоннеиз Преслава / I, Табл.IУ, 2I /, а также встречен в качестве клейма в Болгарии / I, Табл. XXXП, 8 /. Знак известен в сарматское время, но также редок / 25, Табл. XI, 824 /.

Трехчастная фигура. Варианты знака, состоящего из трех последовательно расположенных округлых частей,разделенных перехватами найдены на трех блоках в различных местах завалов, два - на лицевой поверхности (I, № I97-I99). Знак № I97 находится над рисунком лошади (Ш,7).

Дуги с лучами (I, № 200-202). Знаки в виде выходящих друг из-за друга дуг известны на тюркских памятниках Сибири / 26, Е-24 /. Особенно к ним близок знак № 200. Отличает его наличие отходящих от внешней стороны дуги лучей, что придает знакам некоторое сходство с рисунком. Знак, найденный на стене, обращен лучами вверх (I, № 202).

Изображения растений, зоо- и антропоморфные фигуры (I, № 203-2I2). Рисунки цветов, хотя и занимают скромное по сравнению с изображениями животных место, все же присутствуют в графике салтово-маяцкой культуры / 27,28 /. Известны подобные мотивы среди изобразительных сюжетов и по этнографическим данным / 22, с.I35, рис.67, с.I47, рис.I79 и др. /, что находит объяснение в существовании культа цветов / 29, с.3I-46 /. На Маяцком городище также найден рисунок цветка, напоминающего водяную лилию / 8, рис.I6, 5 /. Другой рисунок, обнаруженный на стене, возможно, изображает проросший плод (I, № 203).

Два схематичных изображения животных (I, № 2I8, 2I0), аналогия одному из которых известна на саркельском кирпиче / I9, рис.39, I29 /, найдены на камнях завалов. Третье граффити, головка животного (I, № 209), находилось на юго-восточной стене надалеко от двух других рисунков: всадника и животного неопределенного вида (П, 4,5).

Два антропоморфных изображения (I, № 2II,2I2) представляют собой протомы человеческих фигур, каковой, возможно, является и третье изображение (№ 2I2), нанесенное рядом с широкоплечей человеческой фигурой, но перевернуто. Голова ее также имеет отросток, передающий, надо полагать, известную по ряду рисунков, оставленную на бритой голове прядь волос / 2, с

7, Табл. I XXXП, I /. Аналогичная композиция из двух мужских фигур, одна из которых перевернута, обнаружена на камне из цитадели Хумаринского городища / 5, рис.I2 /.

Рисунки. За последние годы работы экспедиции обнаружено еще семь рисунков (П). Три из них - довольно реалистично изображают коней (П, I-3). Все животные - без гривы, с хвостом в виде линии, подробно переданными мордами и подчеркнутыми признаками пола. По классификации С.А.Плетневой они относятся к первому варианту рисунков / 8, с.84,85 /. Особенно реалистичен рисунок № I, его сопровождает пятиконечная звезда (Ш, 5). Два других сохраняют традиционную схему, характерную для рисунков животных как в салтово-маяцкой культуре Подонья, так и в Дунайской Болгарии / 5,8 /, когда контур тела имеет П-образную основу с неперекрещивающимися линиями, переходящими в контуры шеи и конечностей. Эту же схему имеют и два сделанных одной рукой рисунка бегущих животных (П,6 ; Ш,I0). Ко второму варианту относятся два, очень похожих, но разных по размеру рисунка животных, находящихся недалеко друг от друга на юго-восточном внутреннем панцире стены (П, 4,7). Последний рисунок - очень схематичный - относится к третьему варианту. Это всадник на лошади. Он сделан однолинейным контуром, что, возможно, объясняется тем, что рисовальщик не имел полходящего инструмента: рисунок сделан тупым, скорее всего костяным резцом.

Композиции из знаков (I, № 2 и 3, 22,23,39,46,48,49,60, 90,I06,I09.II7,II8,I24,I28,I34,I44 и 208, I66,I70,I75,I8I, I83-I86; Ш). Часто знаки образуют композиции из двух-пяти фигур, нанесенных на одну грань блока. Не считая надписей и чисто изобразительных сюжетов, таких композиций более девяти десятков. Третья часть их относится к периоду строительства/ 9/, остальные состоят из знаков-граффити или рисунков и знаков. Эти композиции более емкие, чем оставленные строителями, включают большое количество разнообразных изображений, не образуя устойчивых сочетаний. В подавляющем большинстве это разнотипные знаки, расположенные рядом. В некоторых случаях отмечено, что они сделаны разными резцами или на разную глубину (I, № I28; Ш, № 2,4,5,I0,2I,27). Знаки и рисунки нанесены в ряд или

расположены компактной группой. Только один раз знак перерезал более ранний рисунок (Ш, 5 - двузубец перекрывает пентаграмму). В целом, для знаков-граффити более характерно нахождение по нескольку рядом, чем для знаков строителей. Если для последних соотношение одиночных знаков к числу сочетаний 2:I, то для граффити это соотношение обратное: знаков, входящих в композиции в два раза больше, чем одиночных. Учитывая, что часть граффити найдена на обломках, надо полагать, что граффити еще чаще были расположены на одном блоке. Отмечу начертания, чаще других входящие в композиции: животные, чаще конь (П, 4 и 5; Табл.Ш, № 4,5,7-II,I4), пентаграмма (I, № 2,3, Ш № I-6); прямой и косой крест (I, № I83,I85; Ш, № 4,I4-I8,20); сложные знаки с маленьким ромбом или окружностью на стержне (I, № I79,I88), а также знак угол, что уже отмечалось (I, № I09. II5-II8, I8I-I84,I86; Ш № 9, 25-27).

Довольно часты случаи, когда рядом нанесены два тождественных или близких изображения, - черта уже отмечавшаяся для знаков строителей и имеющая аналогии среди знаков Дунайской Болгарии/ 9/ . Полностью идентичные знаки, сделанные одной рукой, - две пентаграммы на одном блоке (I, № 2 и 3) и два П-образные знака граффити периода строительства/ 9, № I30а/ Помещенные рядом близкие, но не тождественные знаки: триквесты (I, 22,23 - более тонкая линия), пучки параллельных линий (I, № 85 и 86,90), кресты (I, № I05), Ч-образные знаки (I, I66), знаки в виде скобы (I, № I75), дуги (9, № I23а,б). Из рисунков таковыми являются изображенные рядом луки: один с натянутой стрелой, а второй без тетивы (Ш,24), а также вышеописанная композиция из двух человеческих фигур (I, № 2I2).

На четырех блоках найдены граффити, сопровождающие знаки строителей (I, № I63,I77; Табл.Ш, № 28), /9,№I23 а,б./.

Помимо этих композиций найдено пять блоков с очень неясными и беспорядочными по своим элементам композициями, которые С.А.Плетнева охарактеризовала как "черты и резы".

Относительно значения сочетаний знаков, а также знаков рисунков существуют различные предположения. А.М.Щербак, например, склонен был рассматривать сочетания знаков на керамике и кирпичах Саркела как краткие надписи, обозначающие вла-

дельцев производства или собственников готовой продукции /30/ . Основная часть маяцких знаков, в том числе и в композициях не имеет ничего общего с буквами употреблявшегося здесь алфавита, отсутствует полностью целый ряд (десять) характерных для него начертаний. Но все же, в отличие от знаков строителей/ 9 /, имеется несколько знаков и их сочетаний, аналогичных рунам (I, № II7,II8,I24,I62,I63,I70,I76,I79,I80,I8I,I84 - два знака, I86; Ш, № I6,I9,26,27а). Часть аналогий, несомненно, вызвана чисто внешним сходством, являющейся следствием их примитивности (черта, угол, крест, дуга). Подробно остановившийся в одной из своих работ на анализе такого явления как нанесение нескольких знаков рядом, В.С.Драчук, напротив, склонен интерпретировать сочетания знаков, как знаки собственности нескольких людей, допуская отнесение к таковым и рисунков /3I/ . По поводу возможных причин появления групп знаков можно высказать целый ряд различных предположений, основанный на данных этнографии, которые при анализе археологического материала упираются в трудноразрешимый вопрос о значении конкретных знаков и изображений.

Беспочвенность попыток расшифровать точное значение тех или иных знаков не раз отмечалась в литературе/ I, с.20/ . Сопоставления древних пиктограмм и этнографически известных названий аналогичных знаков дают обычно очень пеструю картину. Вот что отмечает В.С.Драчук относительно поиска значения сарматского знака в виде стилизованной головы рогатого животного:"Такая форма обозначала дорогу у кунов - американских индейцев, сердце-в китайских пиктограммах, подкову-у калмыков и бурятов, сову, быка, лису, цветок - у кобардинцев и т.п." /25, с.56/ . При взгляде на рисунки, не то, что знаки, сванов трудно было определить без комментариев рисовавших, что изображено: например, квадрат обозначал ларь для муки, дуга - животное, черточка с точками - курицу с цыплятами. Также трудно было даже приблизительно определить вид животного/ 22/.

Сложность, а подчас неправомерность, аппеляции к этнографически известным тамгам аналогичных форм в данном аспекте заключается также в том, что древние сакральные символы очень хорошо сохраняются в поздних семейных и личных тамгах/ I6,

с.63; 2I, с.I58; 32 /, полностью теряя свое первоначальное значение и часто приобретая название похожего по форме бытового предмета.

Большую сложность при интерпретации представляют также родовые знаки, обычно восходящие к изображению тотема или духа-прародителя. По идее своей эти знаки сакральны, но в отдельных случаях употреблялись как знаки собственности, в частности, при таврении коней, как в раннем средневековье /33, с.93-I40/, так и до недавнего времени /2I, с.I57 /, тогда как в других случаях применялась семейная тамга. Известны также случаи, когда родовой знак отдельного рода выступал в качестве сакрального символа целой народности /I6, с.I07 /.

Так же мало известно, каким образом происходил выбор форм индивидуализированных знаков, не связанных по своей форме с родовым. У Рашид-ад-Дина есть свидетельство о наделении знаками собственности в указном порядке (реформа Кун-хана). "Чтоб достоинство, путь, имя и прозвание каждого в отдельности были определены и утверждены, и каждому/дан/какой-нибудь знак и тамга, чтоб тем знаком и тамгой нарочито обозначались указы, сокровищницы, табун и стадо, во избежание от кого бы то ни было, ссоры и сопротивления одного с другим "/ цит. по 34, с.65 /.

Еще один аспект, затрудняющий интерпретацию изучаемых знаков - наличие знаков примитивных форм, для которых также имеются свидетельства об употреблении их как сакральных символов. Например, вполне "тамгообразные" знаки двузубец, "ипсилон" и "ветка" бытовали у черкесских племен в качестве священной эмблемы быка / 22, с.20I, Табл.ХХУП, 4,5 /. Знак "песочные часы" или как его еще называют "двойная секира" был символом небесных сил и молнии / I, с.I 9/.

Учитывая всю сложность какой-либо интерпретации все же попытаемся определить внутреннее соотношение различных групп знаков Маяцкого городища. Уже установлено, что существовало две традиции в графике городища: оставлять при строительстве глубоко врезанные или выбитые знаки, предположительно, тамги, а после постройки рисовать на стенах изображения, сделанные легким нажимом резца / 9 /. Между этими традициями ни в отношении техники, ни в распределении типов нет хиатуса. И та

и другая часть знаков была оставлена, по всей видимости, одними и теми же людьми, обитателями городища, и те традиции графики, которые бытовали во время строительства, позже были продолжены. В то же время, появляются некоторые сюжеты, которые почти не употреблялись или употреблялись очень редко во время строительства. В первую очередь это относится к рисункам и знакам геометрических форм, зоо- и антропоморфным изображениям. Первые совсем не имеют аналогий среди знаков строителей, хотя известны на кирпичах Саркела и крымских средневековых черепицах / 35 /. Целый ряд групп знаков геометрических форм также не имеет среди них аналогии: пентаграмма, различных типов окружности со вписанными элементами, треугольники всех типов, квадрат с диагоналями, частая сетка, "лесенка", то же относится и к некоторым другим группам (единичные типы не учитываются): расходящиеся лучи, зигзаг, трехчастная фигура, дуги с лучами.

Теперь рассмотрим соотношение между рязрядами граффити и их топографией. На долю знаков, оставленных на поверхности кладки приходится около 54% всех граффити, включая знаки, для которых установлен характер поверхности, а также знаки и рисунки на деталях парапета. Довольно много знаков (38%), для которых нет данных о времени их нанесения. Обычай рисовать в технике граффити имел место и во время постройки: два десятка знаков (8% от общего числа) сделано на торцовых сторонах блоков. Больше всего на стенах простых линейных, или как их иногда называют, тамгообразных знаков - 45% ото всех начертаний на стенах (Табл.I, № 63-I78). Среди них довольно много сходных со знаками каменотесов типов (I2). Рисунки, включая зоо- и антропоморфные фигуры, а также непонятные нам изображения / 8 /, (I, № I97-2I2; П), и геометрические фигуры (I, № I-62) представлены примерно равными количествами (2I% и 25%) и составляют вторую половину изображений. Оставшаяся доля (9%) падает на различные сложные знаки и криволинейные фигуры, занимающие, как уже говорилось, промежуточное положение между тремя предыдущими разрядами изображений (I, № I79-I96).

Если мы сравним по разрядам знаков соотношение между

Таблица I

Соотношение граффити разных разрядов с местонахождением на блоках и со знаками строителей

Разряды знаков	Стена	Неопределено	До укладки	Знаки строителей
геометрические фигуры	35	I8	4	3
Простые линейные	62	46	I4	I46
Рисунки, зоо- и антропоморфные фигуры	28	28	I ?	I
Сложные и криволинейные	I2	4	3	9

знаками периода постройки и нарисованными на стенах, то увидим что после постройки крепости в наборе изображений происходит постепенная переориентация (Табл.I). Сильно возрастает доля геометрических знаков, имеющих аналогии среди солярных символов, применявшихся салтовцами. Они известны в наборе амулетов /36, с.I26/ , а также в качестве гончарных клейм, имеющих в салтово-маяцкой культуре магическое значение / 36, с.I26; 37, 38/ . Это такие знаки как концентрические окружности, концентрические и простые окружности со вписанным в них крестом, пентаграмма, триквестр, квадрат с диагоналями, ромб с хвостом. Аналогии среди клейм имеют также двусторонний двузубец и крест. Многие знаки-граффити, нанесенные на стены, схожи со знаками на астрагалах, набор которых, в свою очередь, имеет широкий круг аналогий среди сакральных знаков, имеющих самой широкое распространение/ I5/ .[I] Это решетка или сетка из бес-

[I] Более подробной аргументации этого положения посвящена отдельная статья, находящаяся в печати.

порядочных линий, "лесенка", квадрат с диагоналями, ромб с хвостом. После постройки появляется много рисунков коней, оленей, всадников, сложные сюжетные композиции. То есть появляется тот круг изображений, который присущ не столько знакам собственности, сколько обрядовой графике, связанной с религиозной практикой, регламентирующей выбор сюжетов, стиль изображений, технику исполнения.

Техника, выбранная для рисования на стенах городища, судя по тому, что она не нарушалась, не была случайной. Средневековые рисунки-граффити Дунайской Болгарии на скалах и стенах построек, имеют много общего в этом плане с граффити на стенах Маяцкого городища: по наблюдениям М.Аспарухова /39, с.I05 /, большинство их нанесено острым инструментом, как считает исследователь, это говорит о том, что рисовавший заранее готовил или выбирал инструмент, хотя встречается и скругленный резец. Ширина штриха (немного превышающая его глубину, которую мы мерили) большинства изображений колеблется от 0,5 до 4 мм. Менее 2% рисунков имеют ширину штриха более этого диапозона/39, с.I0I/ . Отсутствуют крупные изображения. То есть рисунок не был рассчитан на восприятие окружающими. То же отмечают исследователи народных рисунков хакасов, которые отличаются небольшими размерами, предполагают одного, реже двух- трех зрителей, часто расположены в труднодоступных местах /40, с.70,76 /. Ни рисунки, ни тем более знаки на стенах Маяцкой крепости не имели эстетической функции, вряд ли они могли служить и каким-либо утилитарным целям, как известные знаки на воротах Босры / 3I /, отмечающие имеющих право на проживание в городе, или как отметки мастеров норм выработки при укладке стены, поскольку их, действительно, подчас с трудом можно найти на стене, в отличие от четких знаков столицы Первого Болгарского царства / 4I /.

Граффити Маяцкого городища носят многие черты, характерные для обрядовой графики, обычай употреблять которую сохранялся до недавнего времени / 22 /: I. Сочетание изображений животных с солярными символами и геометрическими фигурами (Табл.Ш, № 4,5,7,8). 2. Итифалличность изображений животных, связанная с культом плодородия. Н.Е.Макаренко также най-

дено изображение двух лошадей "в сцене нескромного характера" /7/ . 3.Наличие определенных схем в изображениях животных / 8/ . 4. Обилие композиций. 5. Наличие излюбленных мест для нанесения знаков и рисунков. Конечно, можно только гадать, был ли данный обычай связан с каким-либо праздничным обрядом и, следовательно, с определенной периодичностью возобновления рисунков. В этом отношении очень важно наблюдение Х.Х.Биджиева о возобновлении знаков, нанесенных охрой на стены Хумаринского городища после побелки/ 5, с.84/ . Вероятно, граффити делали во время обрядов, посвященных тому или иному божеству, иногда ставя рядом свою тамгу, как знак адресанта(Ш, № I,4,6, I2,2I,22) или во время клятвы одного или нескольких человек, ставивших в ее подтверждение свои знаки /I6, с.I07/ Но это только тот уровень поставновки задачи, который позволяет определить коллекция граффити из раскопок городища. Далее мы вступаем в область вопросов, помочь разрешить которые может только привлечение обширного материала уже известного и того, который будет открыт при дальнейших исследованиях салтово-маяцких памятников, в том числе и Маяцкого городища.

I. Дончева-Петкова Л. Знаци върху археологически паметници от средновековна България. УП-Х век. София, I980.
2. Овчаров Дм. Български средновековни рисунки-графити . София, I982.
3. Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры // МИА. I952. № 62.
4. Рудаков В.Е. Элементы салтово-маяцкой культуры на посаде Баклинского городища // Социальное развитие Византии. Свердловск, I979.
5. Биджиев Х.Х. Хумаринское городище. Черкесск, I983.
6. Милютин А.И. Раскопки I906 г. на Маяцком городище // ИАК. I909. Вып.29.
7. Макаренко Н.Е. Археологические исследования I907-I909 гг. // ИАК. I9II. Вып.43.
8. Плетнева С.А. Рисунки на стенах Маяцкого городища //

Маяцкое городище. М., I984.
9. Нахапетян В.Е. Знаки строителей на камнях Маяцкого городища // СА. I988. № 3.
I0. Афанасьев Г.Е. Исследование южного угла Маяцкой крепости в I977-I979 гг. // Маяцкое городище. М., I984.
II. Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., I97I.
I2. Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по ХУШ в.). Новосибирск, I980.
I3. Полубояринова М.Д. Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М., I980.
I4. Георгиев П. Знак-идеограма от Плиска // Векове. I978. Кн.I.
I5. Нахапетян В.Е. Об изображениях на костяных изделиях салтово-маяцкой культуры // Тез.докл.обл. научно-практического семинара "Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе". Донецк; I987.
I6. Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири ХУП века. М., I965.
I7. Артамонов М.И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища // СА. I954. Т.XIX.
I8. Георгиев П. Глинен съд с изображения на орли и знак от Плиска // Археология. I978. Кн.3.
I9. Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК. I953. Вып.I3I.
20. Ачокраклы О. Татарские тамги в Крыму // Изв.Крым. пед. ин-та. I927. Кн.7.
2I. Хуранов Ш.Ш. Об абазинских тамгах // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, I979.
22. Вардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, I957.
23. Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, I970.
24. Чореф М.Я. Антропоморфная стела и плита с тамгообразным знаком из фондов Бахчисарайского музея // СА. I985. № 2.
25. Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев, I975.

26. Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.
27. Плетнева С.А. Подгоровский могильник // СА.1962. № 3.
28. Гадло О.В. Графічні зображення на кістяному виробі салтово-маяцкой культури // Археологія. 1968. Т.XXI.
29. Сухарева О.А. Празднества цветов у равнинных таджиков (конец XIX - начало XX в.) // Древние обряды, верования культы народов Средней Азии. Историко-этнографический очерк. М., 1986.
30. Щербак А.М. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела – Белой Вежи. (К вопросу о языке и письменности печенегов) // МИА. 1959. № 75.
31. Драчук В.С. Об исследовании тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира // ВДИ. 1970. № 4.
32. Чернецов А.В. Полевые меты крестьян Подмосковья в начале XX века // СЭ. 1982. № 6.
33. Зуев Ю.А. Тамги лошадей у вассальных княжеств (Перевод из китайского сочинения УШ-Х вв.) // Тр.ИИАЭ КазССР. 1960. Т.8.
34. Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951.
35. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
36. Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967.
37. Флеров В.С. О клеймах салтово-маяцкой лощеной керамики / Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
38. Красильников К.И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой керамики // СА. 1976. № 3.
39. Аспарухов М. Средновековни графити от северозападна България. София, 1984.
40. Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В. Народные рисунки хакасов. М., 1980.
41. Макарова Т.И., Плетнева С.А. Типология и топография знаков мастеров на стенах внутреннего города Плиски // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984.

Приложение I: знаки на камнях Маяцкого городища

I	2	3	4	5	6	7
№	Техника, глубина в мм.	Композиция, знак рядом	Место находки	Форма блока, характер поверхности	Квадрат	№ в отчете, год. Публикация
I	I,5-2 острый	I, № 2	Ю-В внутр. 5 ряд	57x24x?	Б'-23	9/8I
2	2 острый	I, № I	см. I№I	- " -	- " -	I0/8I
3	I-I,5 острый	Ш, № 2	- " -	43x23x32	- " -	II/8I
4	I,5-2 острый	-	- " -	47xI8x20	- " -	I2/8I
6	?	Ш, № 3	Ю-З внешн. 6 ряд	32xI5x?	Л-20/2I	50/78
5	I,5-2 тупой	Ш, № 5	Ю-В внутр. пристройка	ровная 74x20x28	Г'-23	27/8I
7	?	-	внутрен. часть крепости	обломок	В-I6	2/75
8	0,5-2 острый	I, №55	Ю-В внешн. завал	73x28x3I	В-24	30/80
9	2 острый	-	Ю-В внутр. завал	неровная 4IxI8x44	Б'-22	I8/8I
I0	Ширина 2-2,5	-	внутр.часть крепости	обломок	Г-I6	4/75
II	?	Ш, № 6	Ю-З внешн. 6 ряд	?	Л-I8	43/78
I2	двойная линия	-	Ю-З внешн. 6 ряд	36xI8x?	Л-20	48/78

I (продолжение)

I	2	3	4	5	6	7
I3	I-I,5 острый	Ш, № 4	Ю-В внутр. 5 ряд	64x32x32	В'-23	4/8I
I4	I,5-2	Ш, № I	Ю-В внутр. на стене пристройки	92x35x40	Е-22	I4/80
I5	?	-	Внутри цитадели	?	-	6,с.I55 рис.2
I6	?	-	?	?	-	7,с.33
I7	I-I,5	-	Ю-В внешн, завал	гладкая 67x3Ix25	В-24	32/80
I8	0,5-I	-	- " -	гладкая, обломок	Г-24	33/80
I9	I-I,5	-	- " -	68x30x22	В-24	3I/80
20	?	-	?	?	-	7,с.27
2I	тонкий	-	Ю-З внешн.	2IxI5x?	Л-2I	79/78
22	2-3	I, № 23	Ю-В внешн. 3 ряд	42x30x?	Ж-23	50/80
23	I,5-2	I, № 22	- " -			
24	?	рисунок	?	?	-	7,с.I8
25	тонкий	-	Ю-З внешн.	обломок	Л-I8	40/78
26	- " -	-	-"- 7 ряд	- " -	Л-I7	34/78
27	?	-	?	?	-	7,рис.3
28	?	-	?	?	-	7,рис.I
29	?	-	?	?	-	7,рис.3
30	тонкий	-	Внутри крепости	24xI5x?	И-I5/I6	I977
3I	?	-	Ю-В внешн. 4 ряд	?	-	7,рис.I

I (продолжение)

I	2	3	4	5	6	7
32	I-I,5	-	Ю-В внешн. 6 ряд	67x28x?	Ж-23	5I/80
33	тонкий	Ш, № 20	Ю угол внутр.	обломок	И-20	9/79
34	?	I, №I09	Ю-З внешн. завал	85x27x?	И-2I	4/78
35	?	-	Ю-З внешн. 5 ряд	на двух блоках 32xI3 и 22xI4	Л-I8	38,39/78
36	0,5-I тупой	-	Ю-В внутр. завал	ровная 50x30x22	А'-23	25/8I
37	?	-	Ю-З внешн. 5 ряд	44xI6x?	Л-I8	37/78
38	тонкий	-	Ю-З внешн. 4 ряд	36xI8x?	Л-2I	74/78
39	углубленный	-	Ю-З внешн. завал	обломок	Л-I6	I977
40	?	Ш, № 8	- " -	?	К-2I	7I/78
4I	?	Ш, № I3	Ю-З внешн. 4 ряд	?	Л-I7	32/78
42	?	-	Ю-З внешн. 5 ряд	32xI8x?	Л-20	58/78
43	?	Ш, № 22	Ю-З внешн. 7 ряд	22x23x?	Л-I7	I977
44	3 тупой	Ш, № 2I	Ю-З внешн. завал	неровная 27x35x66	Н-4	6/82
45	I-I,5 острый	-	Ю-В внутр. завал	24x?x40	Г'-23	3I/8I
46	-	I, № 46, а,б	Ю-З внешн. завал	зубцы	Л-2I, Л-20	72,53 54/I978

I (продолжение)

I	2	3	4	5	6	7
47	?	-	- " -	?	Л-20	59/78
48	?	I, № 49	Ю-В внутр. 4 ряд	?	З-2I	2I/79
49	- " -	I, № 48	- " -	- " -	- " -	- " -
50	I,5-2 острое	-	Ю-В внутр. завал	ровная обломок	?	55/8I
5I	?	-	Ю-З внешн. завал	деталь ос- вания па- рапета	Л-20	5I/78 I0,с.5I
52	?	-	?	?	-	7,рис.37
53	?	-	Ю-З внутр. завал	?	З-3I	II/79
54	?	-	?	?	-	7,рис.37
55	0,5-2	I, № 8	См.Табл.I № 8			
56	?	-	Ю-З внутр. завал	?	И-2I	27/79
57	?	I, № 90	Ю-З внешн. завал	I6xI4x?	Л-22	83/78
58	?	I, № 80 № I88	Яма I	?	-	7
59	I	-	Ю-В внешн. 5 ряд	80x32x?	Ж-23	
60	0,5-2 острый	I, № I94	Ю-В внутр. завал	гладкая 32x29x?	Г-22	4/80
6I	2-2,5	-	Ю-В внешн. завал	ровная 4Ix24x62	Д-24	28/80
62	I тупое	-	Ю-З внутр. завал	обломок	И-I5	I977

I (продолжение)

I	2	3	4	5	6	7
63	2-3	-	Ю-В внешн. 4 ряд	36x20x?	Г-24	56/80
64	?	I, №I68	Ю-З внешн. 6 ряд	35xI5x?	Л-20	56/78
65	углуб- ленный	Ш, № II	Ю-З внешн. завал	обломок	Л-I6	I977
66	?	-	Ю-З внутр. завал	42x36x?	З-2I	I0/79
67	2,5	-	Ворота, завал	?	К-I5	I977
68	2-3 острое	-	Ю-В внутр. завал	неровная 32x26x20	А-23	22/8I
69	углуб- ленный	Ш, № I7	Ю угол завал		З-23	28/79
70	?	-	Ю-З внутр. завал	26x22x?	И-20	8/79
7I	I-I,5 острый	-	Ю-В внешн. завал	гладкая обломок	В-24	4I/80
72	?	-	?	?	-	7,рис.I2
73	?	I, № 79	?	?	-	7,рис.37
74	?	-	Ю-З внешн. 3 ряд	20xI8x?	Л-I7	25/78
75	?	-	цитадель	обломок	Д-I6	3/75
76	I,5-2	Ш, № I	Ю-Б внутр. пристройка	92x35x40	Е-22	I4/80
77	I острый	-	Ю-В внутр. завал	неровная 42x32x24	В'-23	9/8I
78	I-I,5	Ш, № I4	Ю-В внутр. 5 ряд	54x3Ix?	В-23	I2/80

I (продолжение)

I	2	3	4	5	6	7
79	?	I, № 73	?	?	-	7,рис.37
80	-	I, №I88	Яма I	?	-	7
8I	разная глубина	-	Ю-В внутр. стена	26х?х?	В-23	I3/80
82	?	-	Ю-З внешн. 6 ряд		Л-I6	I977
83	I-2	-	З угол завал	обломок	И-3	23/82
84	?	-	Ю-З внешн. 5 ряд	35хI5х?	Л-2I	76/78
85	?	I, № 86	Ю-З внешн. 6 ряд	I6хI5х?	Л-I9	46/78
86	?	№ 85	- " -	- " -	- " -	47/78
87	?	-	Ю-З внешн. 9 ряд		Л-I7	I977
88	?	-	-	-	-	7
89	0,5-I	-	Ю-З внутр. завал	неровная обломок	К-6	30/82
90	?	см. I, № 57				
9I	?	I, №I4I	?	?	-	7,рис.3
92	I,5-2	-	Ю-З внешн. завал	52х35х?	Л-I6	I977
93	2-2,5 острый	Ш, № 4	Ю-В внутр. 5 ряд	64х32х32	В'-23	4/8I
94	0,5-I	I, №I85	Ворота завал	обломок	И-I4	I977
95	2-2,5	I, №I83	Ю-В внутр. 4 ряд	50х32хI2	Б'-23	I3/8I

I (продолжение)

I	2	3	4	5	6	7
96	?	-	?	?	-	7,рис.37
97	?	-	?	?	-	- " -
98	2,5-3	Ш, № I5	Ю-В внутр. 5 ряд	32х26х?	В'-23	5/8I
99	-	Ш, № I6	Ю-З внешн, 5 ряд		Л-I6	I977
I00	?	Ш, № I7	Ю-В внешн. завал	?	И-23	28/79
I0I	I-I,5	Ш, № I4	Ю-В внутр. 5 ряд	54х3Iх?	В-23	I2/80
I02	углубленный	I, № 28	-	?	-	7,рис.I7
I03	?	"черты и резы"	Ю угол завал	?	З-2I	I9/79
I04	?	-	- " -	?	З-2I	20/79
I05	тонкий	См. I, № 33				
I06	крест-3 дуга-5		Ю-З внешн. завал	неровная 38х24х42	Н-4	33/82
I07	?	Ш, № I8	Ю-З внешн. завал	обломок	М-I6	I977
I08	I-I,5 тупой	-	Ю-В внешн. 4 ряд	38х25х?	Е-24	54/80
I09	?		Ю угол, завал	57х25х?	И-2I	4/78
II0	?	лошадь	Ю-З внешн. 5 ряд		Л-I6	I977
III	I-2 острый	I, №I8I	Ю-В внешн. завал	неровная 60х26х26	Б-24	43/80

I (продолжение)

I	2	3	4	5	6	7
II2	0,5-I	I, №I84	Ю-В внешн. 6 ряд	27x44x?	Ж-23	52/80
II3	0,5-I	I, №I83	См. Табл.I, № 95			
II4	0,5 острый	Ш, № 27	Ю-В внутр. завал	80x40x24	А-22	I/8I
II5	2	-	Ю-В внешн. 6 ряд	39xI9x?	Б-24	58/80
II6	?	-	?	?	-	7,рис.38
II7	I	-	Ворота, завал	-	И-I4	I977
II8	2-3	-	Ю-В внешн. завал	гладкая I5x?x27	Б-24	44/80
II9	3-3,5	Ш, № 26	Ю-З внешн. 8 ряд	?	Л-I7	I977
I20	?	Рядом № I82	Ю-З внешн. 2 ряд	24xI6x?	Л-I7	28/78
I2I	0,5-I,5	I, №I83	См. I, № 95			
I22	0,5-I	Ш, № I9	Ю-В внешн. завал	ровная 27x5Ix?	?	65/80
I23	2-2,5 тупой	Ш, № 4	См. I, № I3			
I24	I,5-2	-	З угол завал	рваный камень 53x28x25	Ж-3	22/82
I25	?	-	Ю-З внешн. завал	обломок	Л-22	I/79
I26	2-3 острый	-	Ю-В внутр. завал	зубец 27xI9x4I	К-6	7/82

I (продолжение)

I	2	3	4	5	6	7
I27	I,5-3	-	Ю-З внутр. завал	неровная обломок	Л-6	3I/82
I28	0,5-I внизу-3	-	Ю-В внешн. 4 ряд	25xI8x?	Н-4	3/82
I29	?	-	Ю-З внешн. 4 ряд	47xI6x?	Л-2I	77/78
I30	?	I, №I95	Ю-З внешн. 6 ряд	30xI5	Л-I9	44/78
I3I	?	Ш, № I3	См. I, № 4I			
I32	2	рядом № I6I	С-В внешн. 5 ряд	2Ix23x?	Ф'-II	47/82
I33	?	-	?	?	-	7,рис.37
I34	?	-	?	?	-	7,рис.I6
I35	3 тупое	Ш, № 2I	См. I, № 44			
I36	?	Ш, № 25	Ю угол завал	зубец 58xI8x23	К-2I	80/78
I37	I	Ш, № 27	Ю-В внутр. завал	80x40x24	А-22	I/8I
I38	0,5-I	-	С-З завал	ровная, обломок	Ж'-2	42/82
I39	?	Ш, № 3	См. I, № 5			
I40	I,5-2	-	З угол завал	неровная обломок	К-2	I3/82
I4I	?	-	?	?	-	7
I42	2,5-3	Ш, № 27	См.I, № II4			
I43	?	-	?	?	-	7

I (продолжение)

I	2	3	4	5	6	7
I44	2,5-3	Под ним № II2	Ю-З внутр. завал	-	К-I6	I977
I45	?	рядом № 204	Ю-З внешн. 6 ряд	48xI9x?	Л-I7	24/78
I46	?	-	?	?	-	7,рис.3
I47	I,5-2	Ш, № 5	См. I, № 6			
I48	I,5-2	I, №I85	Ворота, завал	обломок	И-I4	I977
I49	?	Ш, № 23	Ю-З внешн. завал	обломок	Л-20	52/78
I50	I, №I84	См.I, № II2				
I5I	?	-	Ю-З внешн. 7 ряд	27x28x?	Л-I9	49/78
I52	0,5-I	I, №I84	См.I, №II2			
I53	?	Ш, № I2	Ю-З внешн. завал	обломок	М-20	70/78 8,рис.I0
I54	?	-	Ю-З внешн. 6 ряд	30xI4x?	Л-I7	33/78
I55	?	-	Ю угол,завал	-	К-22	84/78
I56	I	-	Ю-В внешн. 6 ряд	30x23x?	Б-24	57/80
I57	?	Ш, № 3	См.I, № 5			
I58	?	См. /8,с.63 рис.I6/	Ю-В внутр. 4 ряд	?	З-2I	2I/79
I59	I	-	Ю-В внешн. 5 ряд	5Ix24x?	Е-24	59/80

I (продолжение)

I	2	3	4	5	6	7
I60	0,5-I	-	Ю-В внутр. завал	неровная 95x33x30	Б'-23	I9/8I
I6I	2,5-3	-	С-В внешн. 5 ряд	32x2Ix?	Ф'-II	46/8I
I62	?	-	Ю-З внутр. завал	I4xI3x?	И-20	7/79
I63	I острый	знаки строителя	С-В внешн. завал	34x24x36	Ф'-II	32/8I 9 № 28
I64	3 тупой	Ш, № 2	См.I, № 3			
I65	I,5-3	-	З угол, завал	неровная 32x25x22	И-3	2I/82
I66	?	-	Ю угол, завал	?	И-2I	
I67	?	Ш, № I6	См. I, № 99			
I68	?	ниже № 64	Ю-В внешн. 6 ряд	35xI5x?	Л-20	56/78
I69	3-0,5 стерт	Ш, № I5	См. I, № 98			
I70	?	-	Ворота, завал	59x22x?	И-I5	I977
I7I	3 тупой	Ш, № 2I	См. I, № 44			
I72	?	-	Ю-З внешн. 5 ряд	23xI5x?	Л-2I	78/78
I73	?	-	Ю угол,завал	обломок	И-2I	2/78
I74	?	-	Ю угол,завал	обломок	И-2I	I4/79

I	2	3	4	5	6	7
I75	?	-	Ю-В внешн. завал	52x30x?	И-23	I6/79 /8,рис.6/
I76	0,5-I	-	С-З внешн. завал	ровная 32x36x54	И'-2	34/82
I77	I-2	знак строит.	Ю-В внутр. завал	неровная 34x20x?	Б'-22	I5/8I
I78	?	-	Ю-В внутр. пристройка	?	Ж-22	II/80
I79	?	-	?	?	-	/6,с.I55/
I80	?	-	Ю-З внешн. 7 ряд	I9xI6x?	Л-I7	30/78
I8I	I-2 острое	4 знака № III	Ю-В внешн. завал	60x26x26	Б-25	43/80
I82	?	рядом № I26	Ю-З внешн. 2 ряд	24xI6x?	Л-27	28/78
I83	2-2,5	5 знаков II3, № 95, I2I	См.I, № 95			
I84	I-I,5	6 знаков №II2 №II2,I50 I52	См. I, №II2			
I85	?	4 знака №94,I48	См.I, № 94			
I86	?	4 знака	Ю-З внешн. 6 ряд	25xI5x? перевер-нут (?)	Л-I8	42/79 /8,рис.I0/
I87	?	рядом № 203	Ю-З внешн. 7 ряд	?	Л-I7	I977

I	2	3	4	5	6	7
I88	?	рядом № 80	Яма № I	-	-	7
I89	?	Ш, № 6	См. I, № II			
I90	?	Ш, № 22	См.I, № 43			
I9I	?	-	Ю угол,завал	обломок	И-23	3/79
I92	?	Ш, № 28	- " -	84x27x?	И-2I	I6/78
I93	?	-	Ворота,завал	22xI9x?	И-I6	I977
I94	0,5-I острый	I, № 60	Ю-В внутр. завал	гладкая 33x29x?	Г-22	4/80
I95	?	блок над № I30	Ю-З внешн. 5 ряд	26xI6x?	Л-I9	45/78
I96	-	-	Ю угол,завал	27x23x?	З-2I	25/79
I97	I скругл-лен	Ш, № 7	Ю-В внешн. завал	36x2Ix45	Г-24	25/80
I98	I-I,5 острый	-	Ю-В внутр. завал	ровная, обломок	Б'-23	29/'I
I99	?	Ш, № 23	См. I, № I49			
200	?	-	Ю угол,завал	60x25x?	З-2I	3/78
20I	?	-	- " -	обломок	И-2I	/8,рис. I5/ 5/78
202	?	-	Ю-З внешн. 6 ряд	30xI7x?	Л-I8	4I/78
203	?	рядом № I87	Ю-З внешн. 7 ряд	24x?x?	Л-I7	3I/78
204	?	рядом № I45	Ю-З внешн.	48xI9x?	Л-I7	24/78

I (окончание)

I	2	3	4	5	6	7
205	?	-	Ю-З внешн. 5 ряд	I7xI8x?	Л-I6	I977
206	?	-	Ю-З внешн. 6 ряд	23xI5x?	Л-I6	26/78 8, рис. I5
207	?	-	Ю-З внешн. 5 ряд		Л-2I	73/78
208	2,5-3	ниже № I44	Ю-З внутр. завал	?	К-I6	I977
209	0,5-I	-	Ю-В внутр. 4 ряд	36x28x?	В'-23	6/8I
2I0	-	-	Ю-В внешн. завал	ровная 3Ix40x60	Е-24	20/8I
2II	?	Ш, № I8	Ю-З внешн. завал	обломок	М-I6	I977
2I2	?	-	Ворота, завал	обломок		/ 8, рис. I(

П : рисунки

I	2	3	4	5	6	7
I	I,5-2 тупой	Ш, № 5	См. I, № 6			
2	I,5-2 острый	-	Ю-В внешн. пристройка	39x32x42	В'-23	3/8I
3	I-I,5 острый	Ш, № 4	См. I, № I3			
4	I,5-2 острый	рядом рис.№ 5	Ю-В внутр. 4 ряд	56x37x28	В'-23	7/8I
5	2-3, ноги, I-I,5 тупой		- " -	- " -	- " -	- " -

П (продолжение)

I	2	3	4	5	6	7
6	3-5	Ш, № I0	См. I, №I76			
7	0,5-I,5	I, №I83	См. I, № 95			

Приложение Ш: композиции знаков

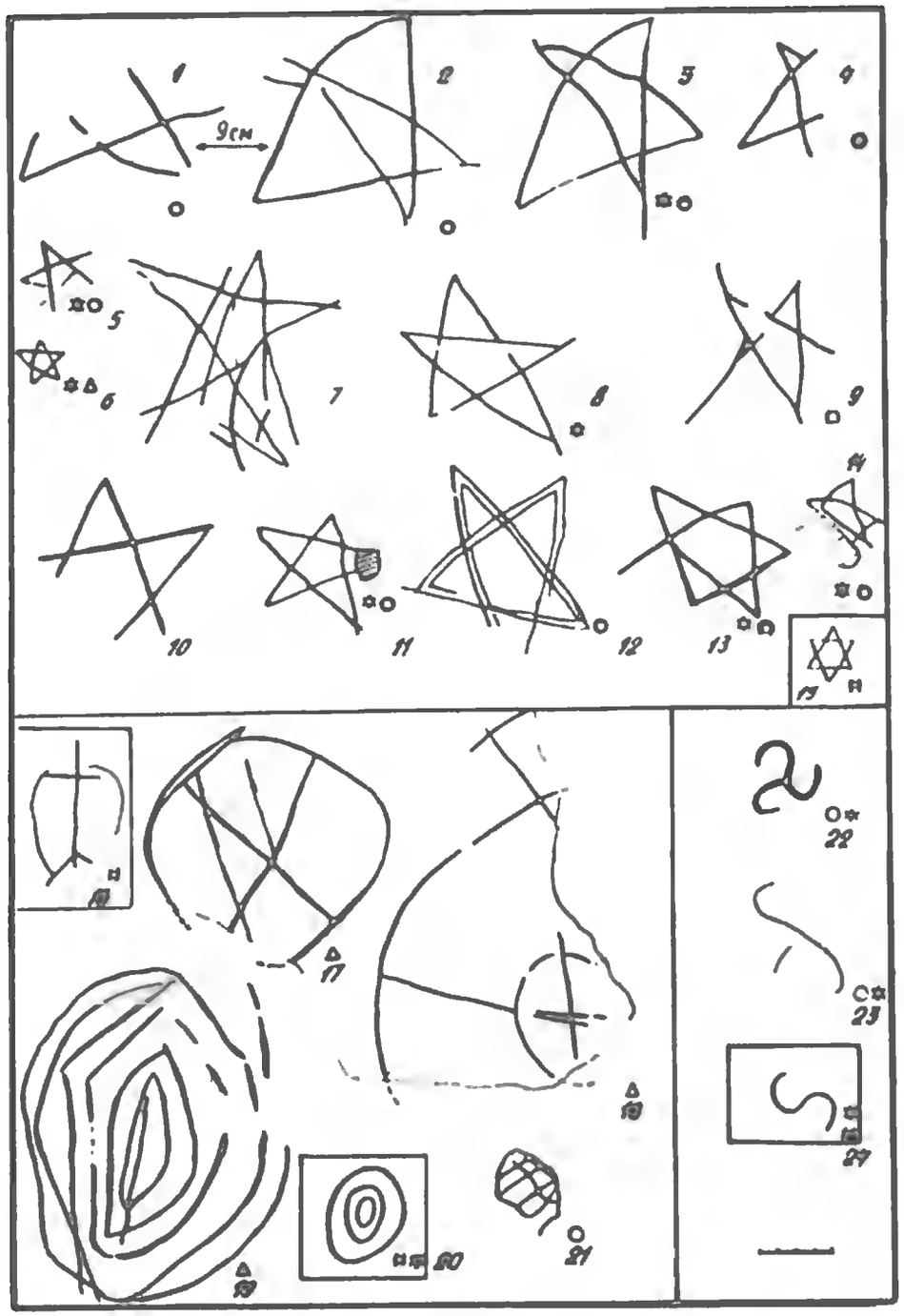
I	2	3	4	5	6
№	техника	число знаков	№№ знаков	Место и условия находки	№ в отчете год, публикация
I	I,5-2	2	I, № I4,76	См.I, № I4	
2	разные резцы	2	I, № 3,I64	См.I, № 3	
3	?	3	I, № 5,I39, I57	См.I, № 5	
4	а,б,в - острый; г,д - тупой	6 2 -фр.	I, № I3,93, I23; Табл. П, № 3	См.I, № I3	
5	а,б - острый, в - тупой	3	I, № 6,I47; П, № I	См.I, № 6	
6	?	2	I, № II,I89	См.I, № II	
7	один резец	2	I, № I97	См.I, №I97	/ 8, рис.5/
8	?	2	I, № 40		
9	?	3	I, №II0	См. I, №II0	/ 8, рис.4/
I0	а - 3,5 б- 0,5-I в - 2-3	6	I, №I76	См. I, №I76	
II	?	3	I, № I53	См.I, № I53	/ 8, рис.I5/

Ш (продолжение)

I	2	3	4	5	6
I2	?	3	I, № I53	См. I, № I53/ 8,рис.I0/	
I3	?	2	I, № 4I,I3I	См. I, № 4I	
I4	?	4	I, № 78,I0I	См. I, № 78 / 8, рис.6/	
I5	а - 2,5-3 б - 3-стерт	2	I, № 98,I69	См. I, № 98	
I6	?	2	I, № 99,I67	См. I, № 99	
I7	?	2	I, № 69,I00	См. I, № 69	
I8	?	2	I, № I07, 2II	См. I, № I07	
I9	один резец	3	I, № I22	См. I, № I22	
20	?	3	I, № 33,I05	См. I, № 33	
2I	а - I,5-2 б,в - 3 тупой	3	I, № 44,I35, I7I	См. I, № 44	
22	?	3	I, № 43,I89	См. I, № 43	
23	?	2	I, № I49, I99	См. I, № I49	
24	2,5-3 тетива - I,5, острый	2	-	Ю-В внутр. завал, кв, Б'-22, ровная поверхность блока 26х46х28	I4/8I
25	?	3;2;I	I, № I36	См. I, № I36 /I0, рис. 26/	
26	один резец	3	I, № II9	См. I, № II9	

Ш (окончание)

I	2	3	4	5	6
27	все знаки разной глубины	4	I, № II4,I37 I42	См. I, № II4	
28	разные резцы	2	I, № I92	См. I, № I92 /9, № 99/	



1. 2. 3. 4 5.

Рис.I – Приложение. I – №№ I-24. Условные знаки: I – на сохранившейся кладке стены, 2 – в композиции с другими изображениями, 3 – на гладкой поверхности блока, 4 – на неровной поверхности блока, 5 – знаки, опубликованные А.И.Милютиным, Н.Е.Макаренко (даны в произвольном масштабе).

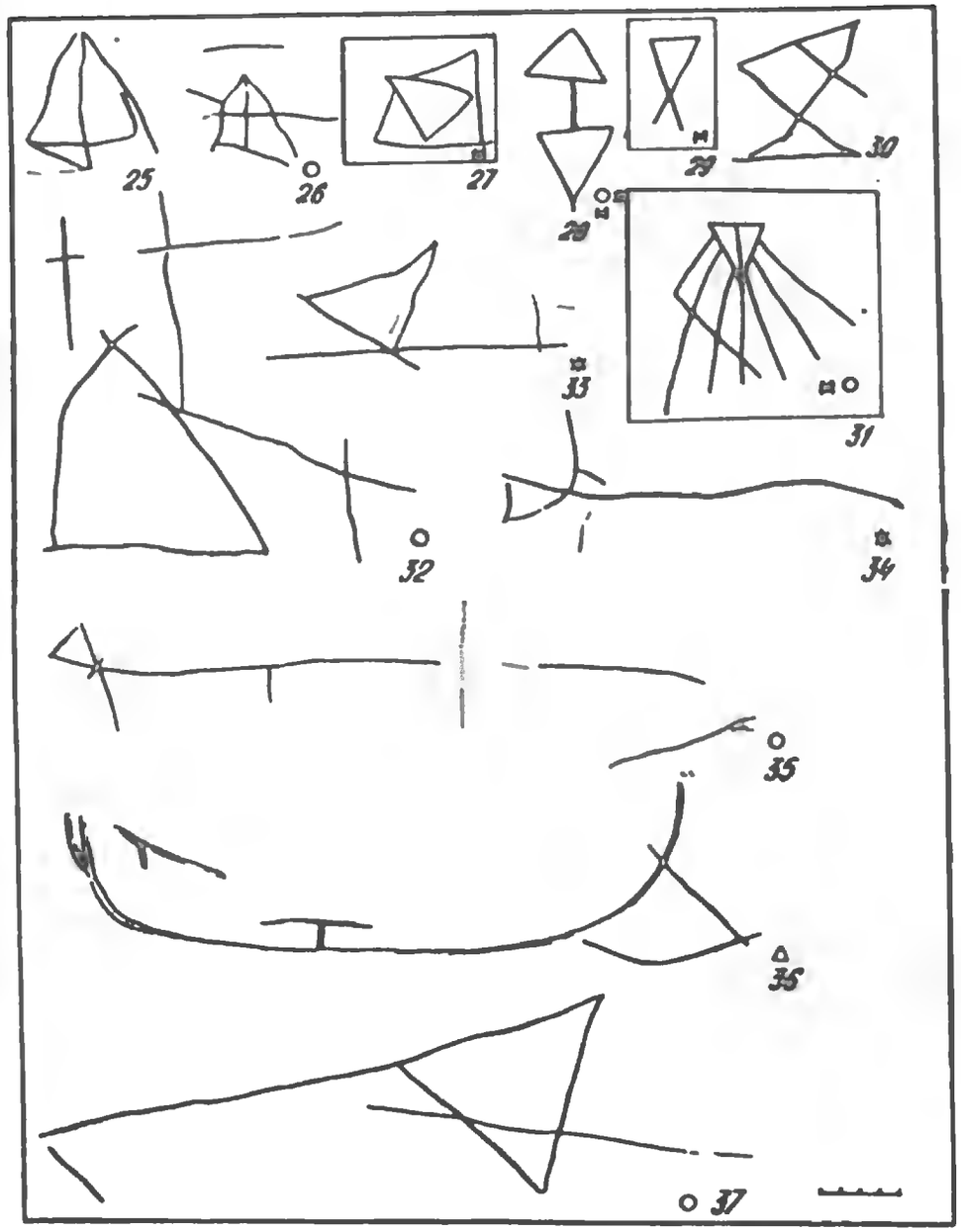


Рис.2 – Приложение I, №№ 25-37.

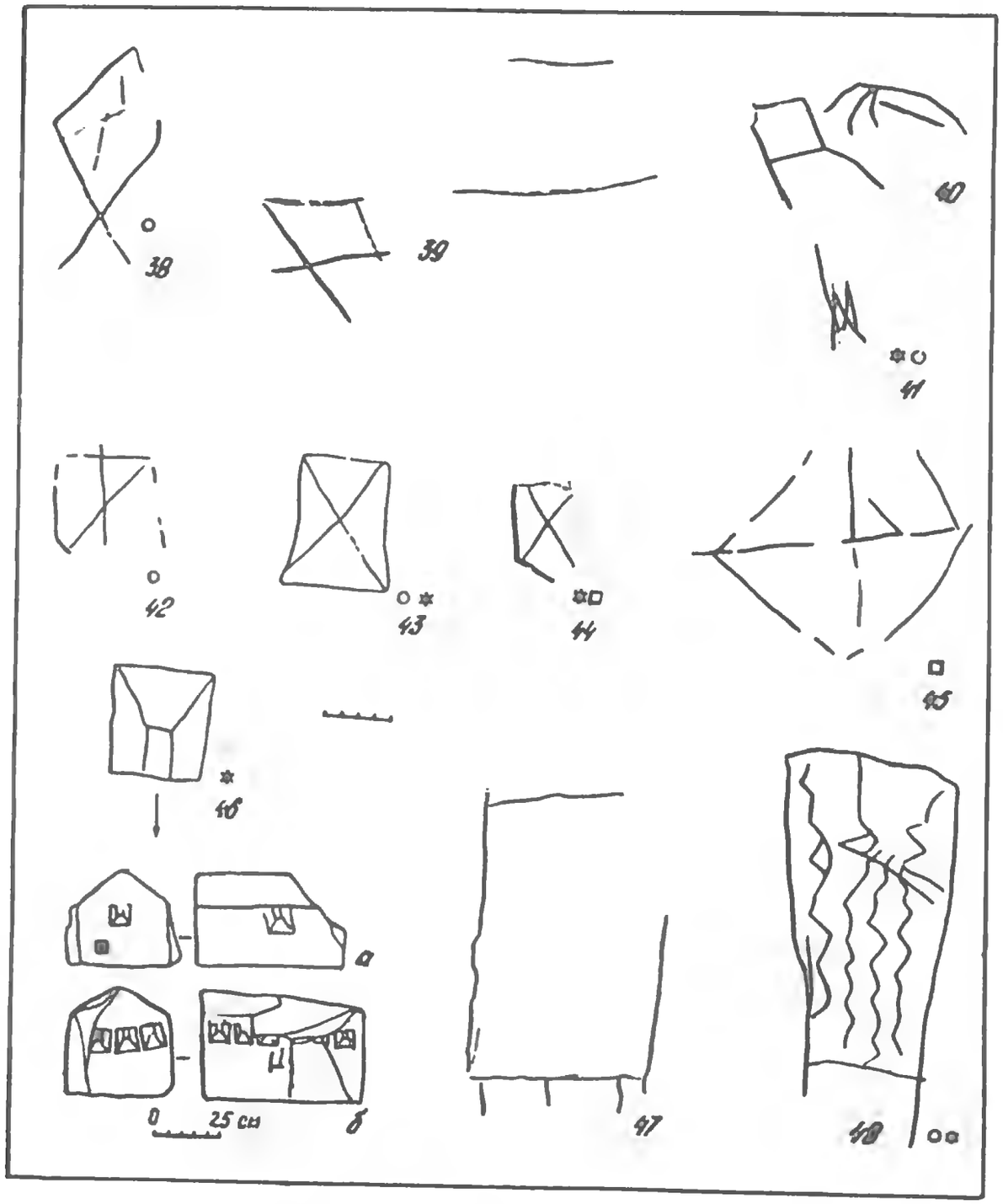


Рис.3. - Приложение I, №№ 38-48.

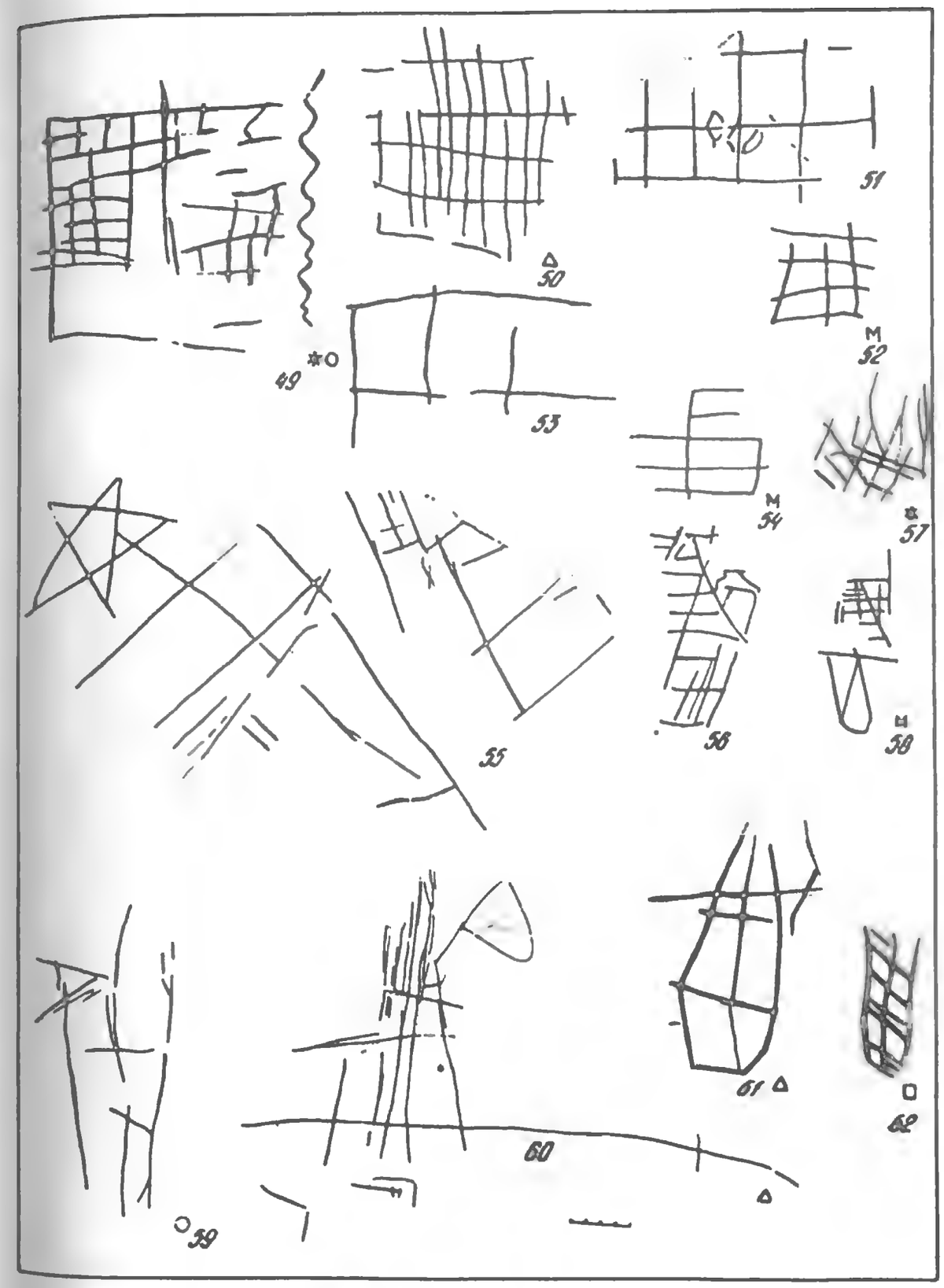


Рис.4 - Приложение I, №№ 49-62.

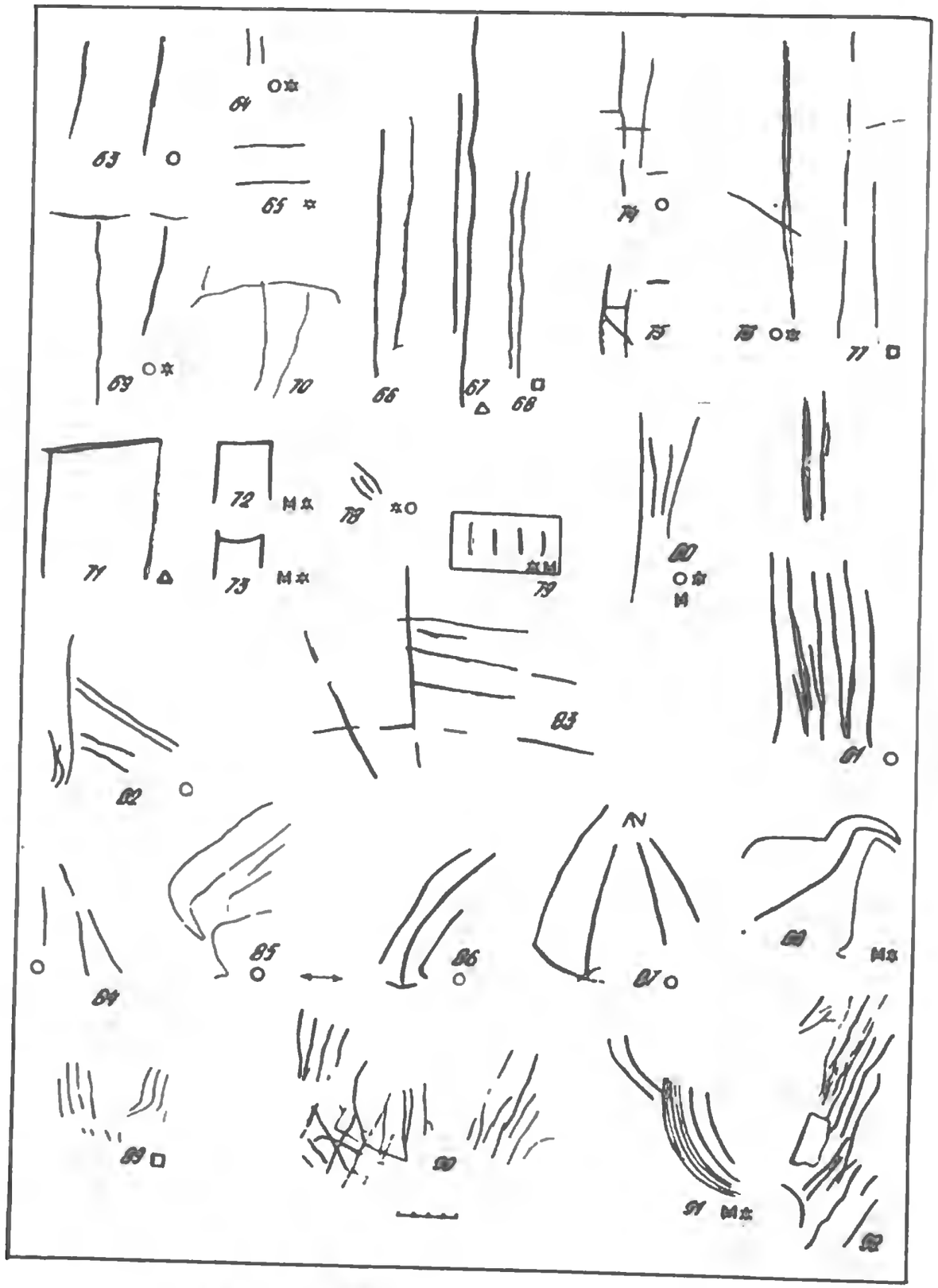


Рис.5 - Приложение I, №№ 63-92.

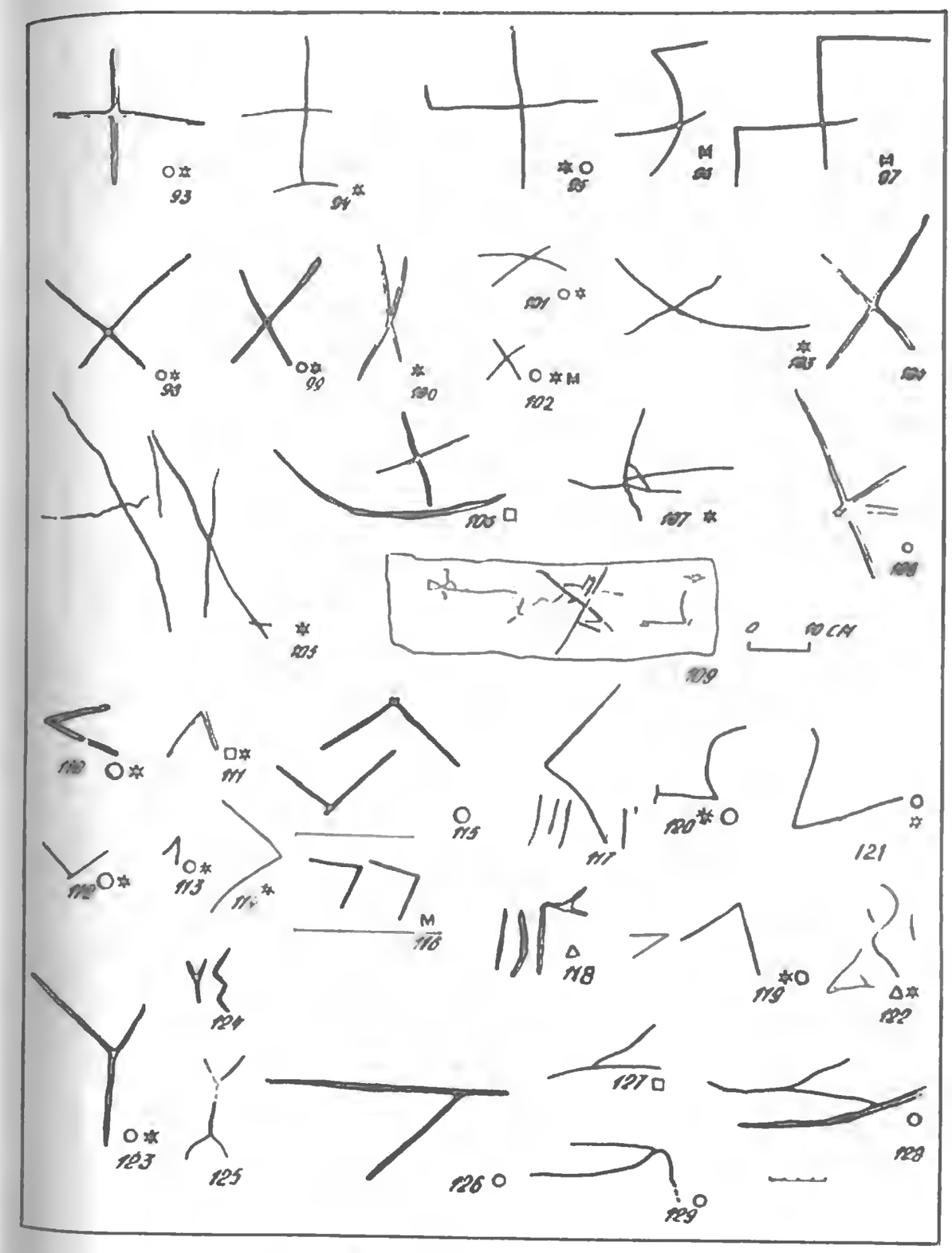


Рис.6 - Приложение I, №№ 93-I29.

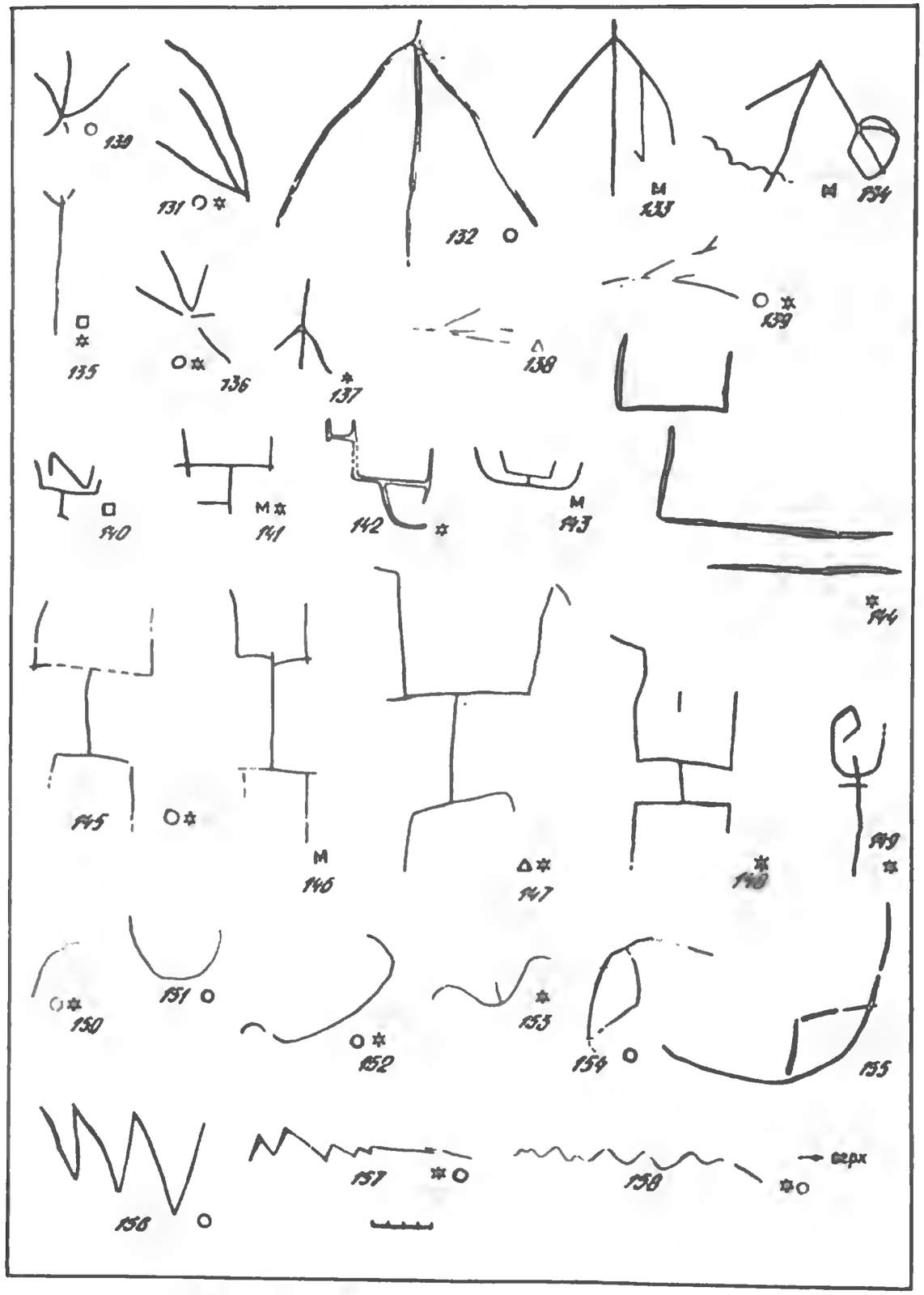


Рис.7 - Приложение I, №№ I30-I58.

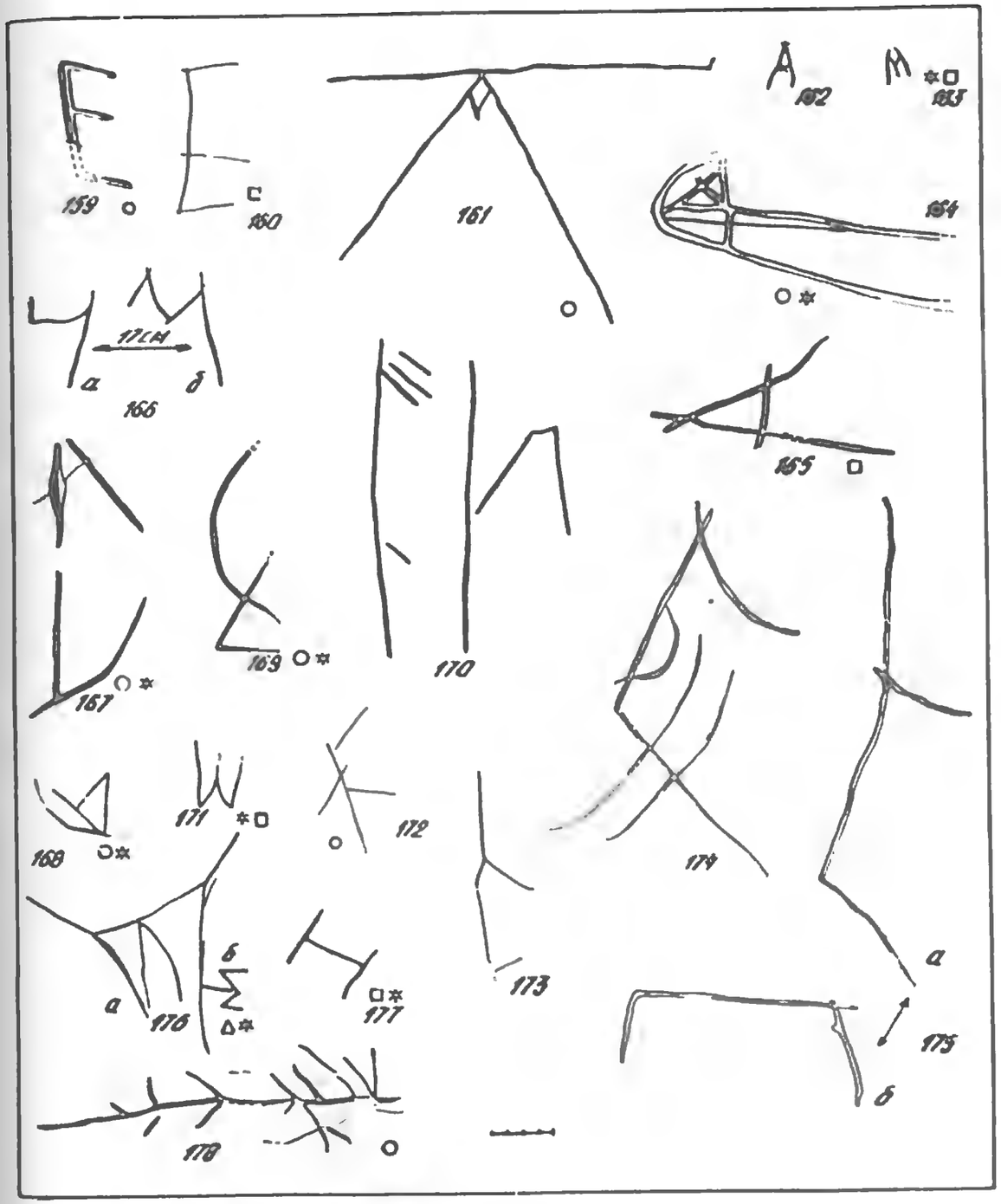


Рис.8 - Приложение I, №№ I59-I78.

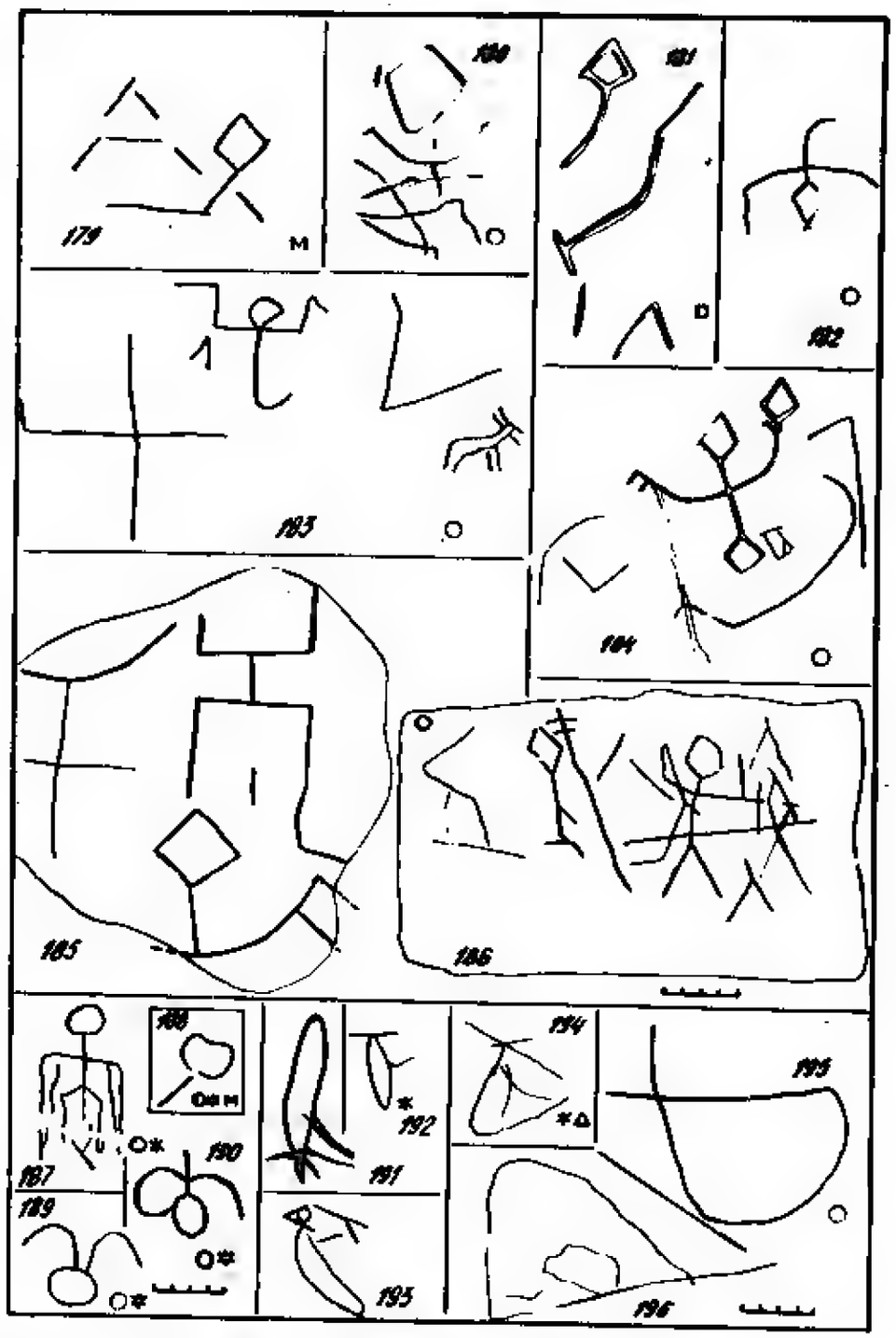


Рис.9 - Приложение I, № I79-I96.

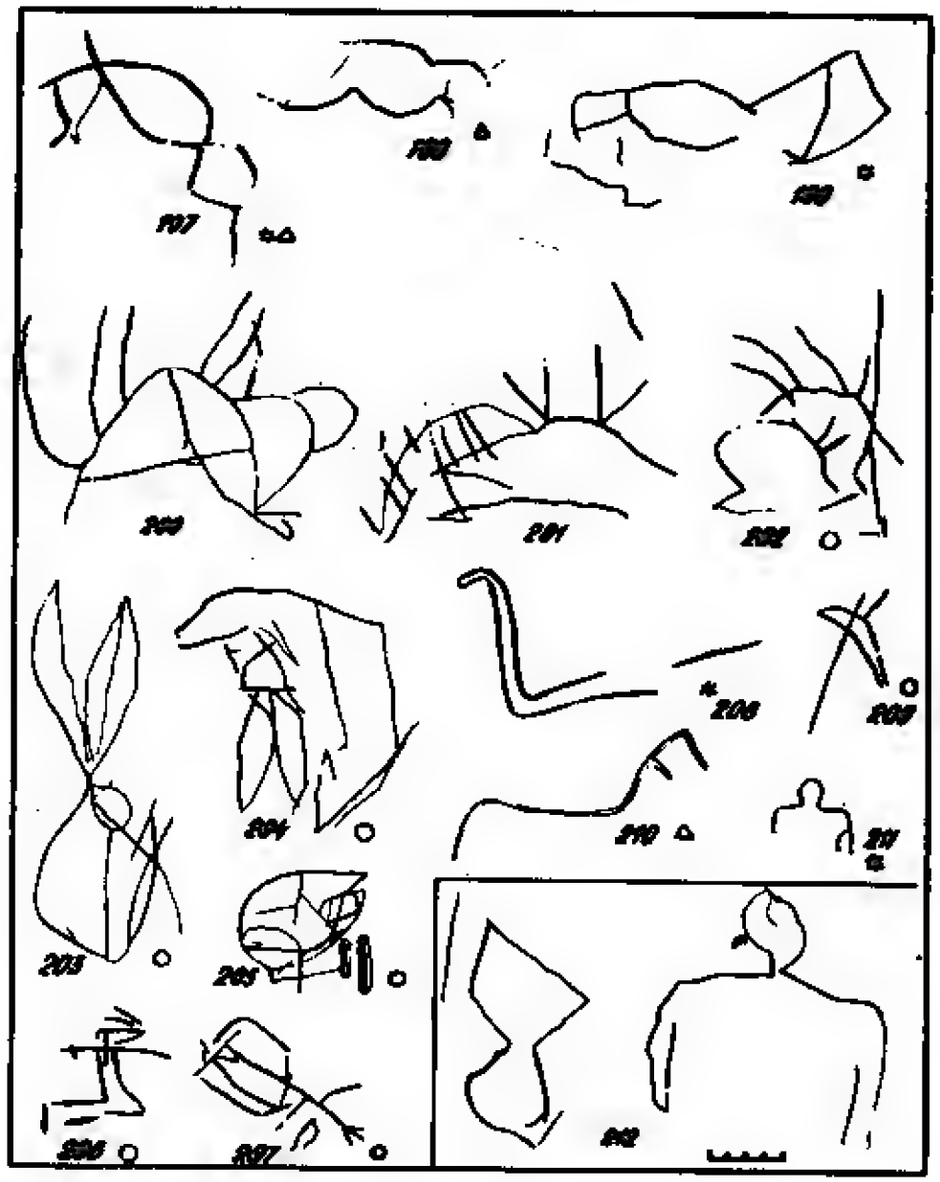


Рис.I0 - Приложение I, № I97-2I2.

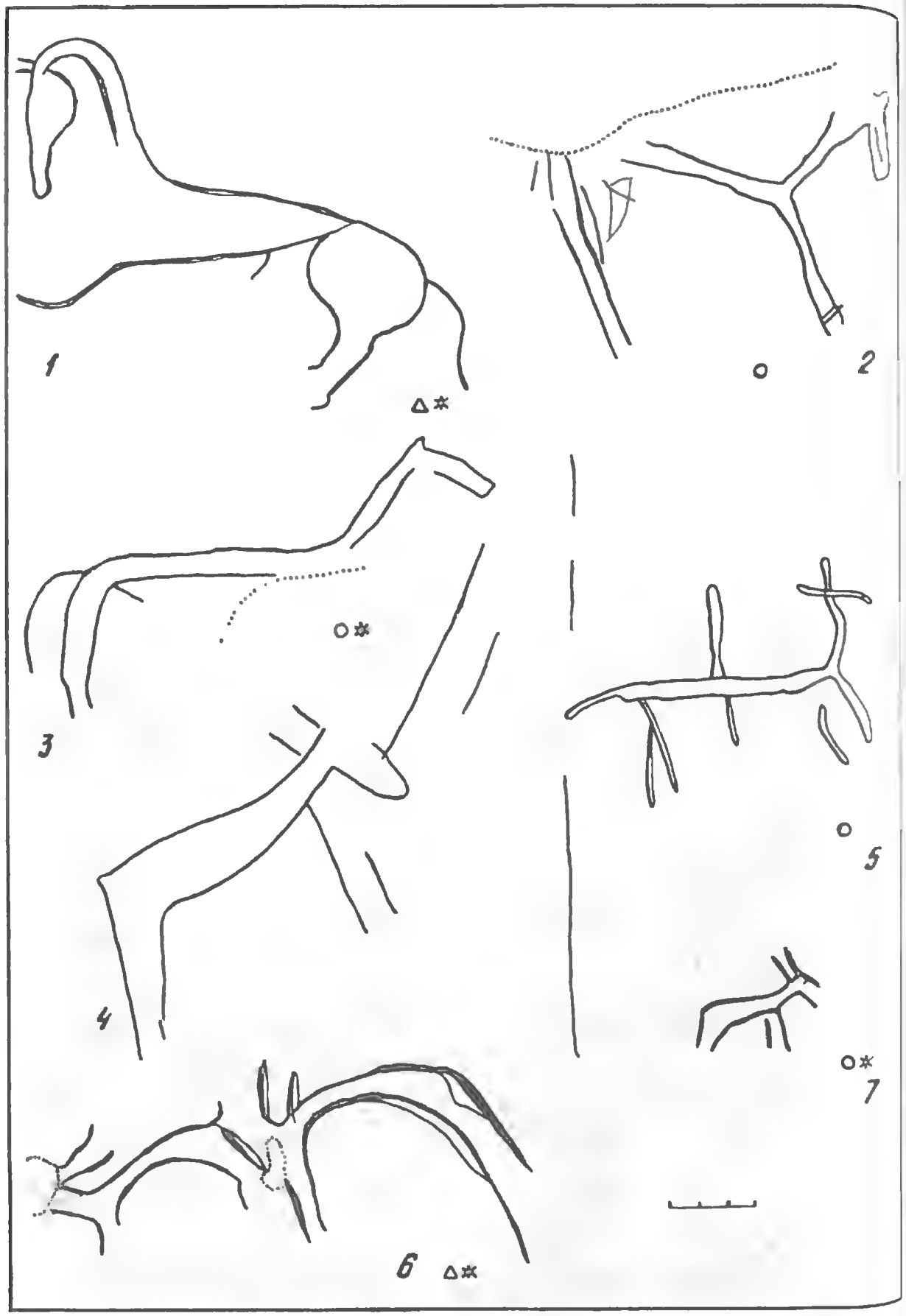


Рис.II - Приложение П: рисунки, №№ I-7.

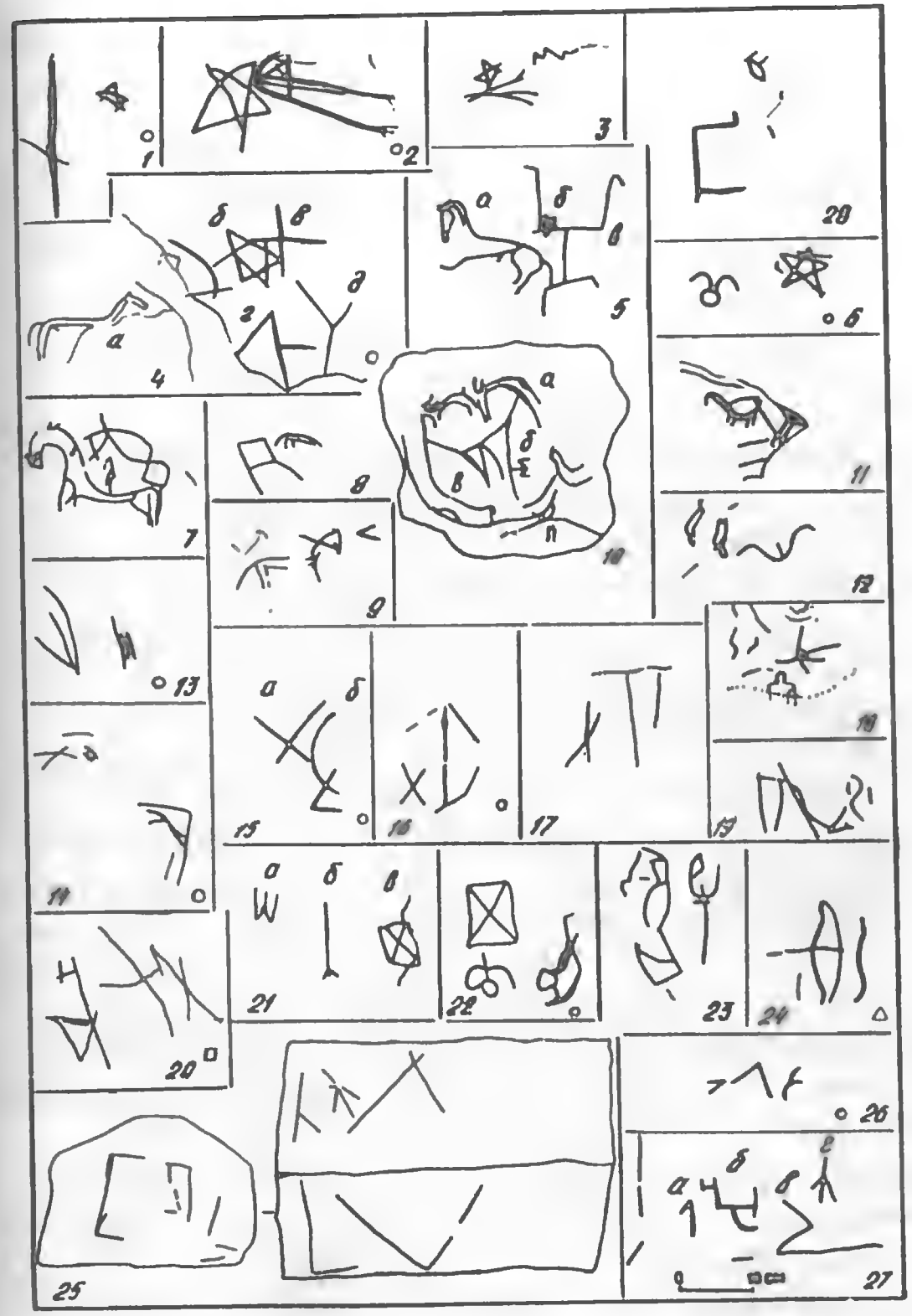


Рис.I2 - Приложение Ш: композиции знаков, №№ I-27.

С.А.Плетнева, К.И.Красильников

Гончарные мастерские Маяцкого комплекса

Северная часть громадного Маяцкого мыса отделена от берегового массива длинным и глубоким оврагом, существовавшим, видимо, с глубокой древности. По дну этого оврага протекал ручей, от которого и сейчас сохранилось старое промытое русло (весной по нему течет талая вода). Склоны древнего оврага, местами сильно задернованные, изрезаны дополнительными небольшими "ответвлениями" (рис.I). Одно из них частично перерезало пологую часть южного склона оврага - лощинку, равную в поперечнике примерно 80-I00 м и имеющую вид глубокого амфитеатра. Половина его уничтожена новым овражком, на склонах которого было обнаружено скопление огромного количества обломков гончарной посуды (примерно I000 обломков на I кв.м). Сразу же была высказана гипотеза, что где-то поблизости находится гончарная мастерская. Обломки керамики подтверждали это предположение, поскольку разбитые сосуды явно не были еще в употреблении - на донцах сохранился песок, на стенках горшков отсутствовал "нагар", совсем не было "сшитых" сосудов. Надо сказать, что наличие ручья у подножья лощинки (всего на I0 м ниже ее края), большие запасы выходов отличных материковых глин на склонах оврага, близость чистого речного донского песка - отощителя глин - все это также свидетельствовало в пользу того, что гончары вполне могли расположиться в этом идеально приспособленном для их производства месте.

Наклон сильно задернованной поверхности "амфитеатра" по всей длине довольно устойчивый - 25-30°. Толщина гумусного слоя внизу достигает 0,8 м, что хорошо видно в разрезах овражка, а в верхней части склона он, очевидно, сходит на-нет. Объясняется это как постепенным "сползанием" слоя с крутого склона, так и интенсивной строительной и производственной

деятельностью людей, активно осваивавших именно нижнюю часть "амфитеатра" (примерно до середины высоты склона). На поверхности хорошо были видны западины от котлованов построек, вырытых в материке. Поскольку все постройки были расположены на склоне, западины имеют вид врезанных ступеней или террас. Таких террас большей или меньшей глубины и размеров насчитывалось около десяти. Кроме западин наиболее сохранившаяся часть склона (восточная) с востока на запад была перерезана заметными на поверхности тремя канавками. Выглядели они неглубокими узкими ложбинками или даже скорее ступенями, напоминающими в какой-то степени обычные "козьи тропы", которые протаптывают на склонах степных холмов и гор пасущиеся стада овец и коз. Впрочем,дно этих длинных и узких углублений не было утоптанным, а наоборот выделялось особенно мягкой и яркозеленой травой. До исследования эти "канавки" были приняты нами за оплывшие окопы, хотя расположение их в военном отношении было очень неразумно, т.к. с более высоких точек края оврага все они были отлично видны и простреливались.

Раскопки этих объектов велись в течение трех сезонов (I979-I98I гг.), была исследована площадь в 330 кв.м: весь "мысок", образованный краем старого оврага и новой промоиной, разрушившей нижнюю часть "амфитеатра" (рис.I). Таким образом, раскоп охватил всю оставшуюся восточную нижнюю часть "амфитеатра", на которой заметны были восемь западин и две поперечные канавки. Третья - самая невыразительная и прерывающаяся проходила примерно на 5-7 м выше южного края раскопа.

Поскольку раскоп располагался на довольно крутом склоне, его крайняя северная точка находилась ниже южной, находящейся на южном крае раскопа,примерно на 7-8 м (рис.2).

Мы уже говорили, что толщина гумусного (культурного) слоя равнялась 0,7-0,8 м. В основном он состоит из чистого (с небольшой примесью меловой крошки) гумуса, сползшего сверху, местами перемежающегося с прослойками выкидов из вырытых в материке котлованов и канавок. Никаких вещевых находок или пищевых отбросов, в частности обломков костей животных, в слое нет. Обломки керамики, как правило, производственного

лома, сосредоточены в заполнениях котлованов построек. Материк - слой крепкой желтовато-белой глины толщиной 0,5-I м. Под глиной начинается белый крепкий мел - основа всего Маяцкого и примыкающих к нему мысов.

Несмотря на то, что дерновой слой здесь не превышает 0,2 м и тот факт, что расплывчатые темные пятна построек выявляются сразу же после снятия дерна, расчистка котлованов начиналась только после подчистки материка, т.е. только после того, как определялись четкие их очертания (рис.2).

На вскрытой площади было расчищено четыре гончарных мастерских, четыре печи для обжига гончарной продукции, небольшая постройка и две ямы неясного назначения (рис.3).

Рассмотрим все эти комплексы последовательно снизу вверх, т.е. с севера на юг.

Самой нижней (северной) является мастерская, расположенная всего в 7 м от северного обрывистого края оврага (рис.4). Заполнение ее котлована слоистое темносерое, сильно гумусированное с включением большого количества обломков разнообразной керамики, золы, угольков, меловой крошки и щебня. Южный край котлована имеет несколько расплывчатые очертания. Размеры пятна котлована, т.е. его верхнего контура: 4,55 х 4,25 м, а размеры постройки по полу 3,9 х 3,9 м. Стенки ровные, вертикальные со слегка разрушенным краем, чем и объясняется разница размеров верхнего и нижнего контуров котлована. Ориентирован котлован сторонами по странам света. Глубина его у южной стенки I,2 м, у северной не превышает 0,2 м, т.е. постройка была полуназемной. Котлован был углублен до уровня меловой основы мыса - пол постройки меловой, тщательно отнивеллированный, без подмазки. В конструкции стен постройки или ее кровли играли роль довольно крупные меловые камни, обнаруженные почти на уровне пола у северной и западной стенок котлована.

Конструкция стен была, видимо, столбовая: в полу у стен обнаружено было несколько неглубоких, но больших ям от стояков (глубиной 0,I-0,I5 м, в поперечнике - 0-2-0,5 м).

Вся северо-восточная часть помещения была занята сложной постройкой "встроенной" внутрь котлована. Эта внутренняя

постройка была слегка врезана в пол (на гл. 0,I м). Она квадратная в плане, размеры ее: I,9 х I,8 м. Именно в этом помещении находился комплекс различных производственных сооружений. В западной его половине расположен большой круглый "тарелкообразный" очаг, выдолбленный в полу. Диаметр его 0,75 м по верхнему краю и 0,5 м по дну, глубина 0,25 м. Дно и стенки очага прокалены и обожжены, на дне обнаружено скопление золы. К югу от очага отходит канавка, вероятно, служившая поддувалом.

В восточной половине помещения находились два, поставленные рядом на расстоянии 0,25 м друг от друга гончарные круга, от которых сохранились круглые полусферические ямки диаметрами 0,45 м. В центре северной обнаружена квадратная небольшая ямка от вбитого на глубину 0,I5 м в дно квадратного в сечении столбика (размеры его 4 х 4 см). В южной ямке было вбито три аналогичных столбика. По-видимому, основание этого круга трижды ремонтировалось - закреплялось новыми кольями. Между кругами обнаружены были разливы гончарной глины.

В северо-западном углу мастерской, рядом с внутренним помещением располагалось выдолбленное в меловом полу прямоугольное корыто для запаса отмученной глины, следы которой прослежены вдоль его стенок. Размеры корыта I,5 х 0,9 м, глубина 0,3 м, стенки и пол тщательно выровнены.

Вход в мастерскую находился с северной стороны, видимо, между корытом и внутренним помещением. Вся южная половина мастерской представляла собой ровную, свободную от каких-либо сооружений площадку. Возможно, что на нее ставили гончары уже готовые необожженные сосуды. На южной стене прослежен небольшой уступчик, вырезанный, возможно, для притока воздуха в это отделение постройки.

Несмотря на наличие очага, постройка явно не была жилищем. Характерно, что около очага не прослежено ни одной ямки от столбиков, обычно окружающих очаги жилищ, поскольку на столбиках держались цепи, на которых подвешивались котлы. Как уже говорилось костей животных не было в культурном слое, почти не было их и в заполнении постройки - всего I0 облом-

ков, что также подтверждает ее нежилой характер. Зато обломков не бывших в употреблении различных сосудов было обнаружено в заполнении I707.

Вторая мастерская находилась выше предыдущей по склону на 2,5-3 м (рис.3). Поскольку стенки котлована этого помещения оплыли значительно слабее, размеры его пятна в материке почти совпадают с размерами постройки: 4,2 х 4 м (рис.5). В плане она квадратная с закругленными, особенно в южной части, углами. С юга постройка заглублена в материк на I,5 м, с севера - всего на 0,I м, ориентировка несколько отличается от первой мастерской, что, возможно, говорит о сезонной разновременности их сооружения. Заполнение котлована слоистое, почти сплошь сильно углистое, в нем хорошо прослеживается линза рухнувшей обмазанной глиной сгоревшей кровли. Золисто-углистый слой лежал также и рядом с постройкой (с запада от нее). Вероятно, во время пожара западная стена рухнула не внутрь, а наружу и была вскоре присыпана грунтом, сползшим со склона. Внутренняя планировка этой мастерской очень близка к первой: она также делится на две части: северную и южную. В северной расположено справа от входа "корыто" для замеса производственной глины. Правда, оно не вырыто в меловом полу, как в первой мастерской, а представляло собой просто дубовую раму из массивных плах размеров I,5 х 0,6 м, поставленную прямо на тщательно выровненный пол. Плахи дошли до нас в виде коричневого слегка обугленного тлена вдоль двух сторон прямоугольника. В корыте сохранился на дне небольшой слой обезжиренной глины, из которой изготовлялись лощеные сосуды и пифосы.

Вход в северной стенке определяется очень четко благодаря ямкам от столбов, на которых держалась дверь. Напротив входа располагался вырезанный в меловом полу полукруглый тарелкообразный очаг, диаметром в I,05 м, глубиной 0,25 м. Стенки и пол его обожжены, на дне лежал тонкий слой золы и углей. От очага к дверному проему отходит довольно широкий желоб - поддувало.

От гончарного круга здесь остались значительно менее заметные следы, чем в первой мастерской, а именно - две располо-

женные рядом остроугольные ямки от закрепляющего круг в полу "штыря". По-видимому, от вращения верхней конструкции весь круг сильно расшатывался и в данном случае его крепили в полу дважды почти не сдвигая с места.

Южная часть мастерской врезана в материк небрежно, углы у нее скруглены, край оплыл и обвалился. Интересно, что, если в первой мастерской сооружена внутри специальная немного углубленная в пол "камера", в которой были размещены очаг и два гончарных круга, то в этой мастерской сделано проще - пол всей южной половины выше "рабочей" - северной на 0,2 м. Коры го для изготовления глины здесь, как говорилось, тоже не углублено, а, наоборот, приподнято над поверхностью пола.

Отметим также. что керамического лома в котловане второй мастерской много меньше (956 обломков), сосредоточены они только в верхнем (сползшем сверху) слое заполнения, который в этой постройке невелик, поскольку она рухнула в пожарище и более, чем наполовину заполнила котлован.

На расстоянии 2,5 м к востоку от первой мастерской располагалась небольшая постройка, имевшая, как нам кажется, "вспомогательно-производственное" значение. Пятно котлована в материке - квадратное с округленными углами и несколько расплывчатым южным краем. Размеры пятна 3 х 3 м, ориентировано оно, как и первая постройка, сторонами по странам света (рис.2,3). Южная часть котлована, находящаяся выше по склону, углублена в материк на I,35 м, северная - на 0,2 м. Стенки в верхней части довольно сильно оплыли, особенно южная, разрушившаяся до пола, поэтому пятно котлована было много больше первоначальных размеров постройки, выявленных на уровне пола: 2,I х 2,35 м. Пол ровный меловой, без подмазки, У южной стены располагался тарелкообразный очаг с сильно обожженным подом, диаметром 0,6 м, глубиной 0,I м. Вход в помещение находился напротив очага - в северной почти не заглубленной стенке.

Заполнение вскрытого помещения рыхлое, серое с прослойками меловой крошки. Хорошо прослеживается в профиле заполнения сезонная слоистость: ясно, что после разрушения котлован постройки затекал сползающей со склона землей в течение пример-

но трех-четырех сезонов. В "затеках" слоя сосредоточены все находки: обломки керамики - всего 135. Обломков костей ни в заполнении, ни рядом с постройкой не обнаружено. Это тоже нежилое помещение, хотя и отапливаемое. Характерно, что вокруг очага, как и в первой постройке не прослежено ни одной ямки от столбиков. Скорее всего это была дополнительная "сушилка" готовых сосудов, изготовленных в расположенной рядом мастерской, где, как мы видели, работало два гончара одновременно. Возможно, половины мастерской, предназначенной для сушки, там не хватало (судя по размерам кругов, сосуды изготовлялись крупные) и мастера соорудили для этой цели рядом с мастерской специальное помещение для этой цели. Специально выстроенная обширная "сушилка", окруженная мастерскими, была обнаружена при раскопках Дмитриевского селища / I, глава 2 /. Она, как и эта, была полуземной, т.к. располагалась на довольно крутом склоне, но очаг в ней отсутствовал. Вероятно, объясняется этот факт разницей просушиваемых сосудов: одним достаточно было просто сухого проветриваемого помещения, другим необходим был для просушки теплый воздух.

Южнее сушилки на 0,5 м была выкопана в материке слегка овальная в плане яма (рис.3). Размеры ее дна 1,15 х 1,35 м. Стенки ямы сильно обвалились, поэтому размеры устья значительно больше - 1,5-1,75 м. Как и предыдущие постройки, яма вырыта на крутом склоне, поэтому глубина ее дна от южного края в материке 0,85 м, а от северного - 0,1 м. Заполнена яма однородным серым грунтом с большой примесью меловой крошки и щебня, находок в ней не было. Назначение ямы неясно, однако очевидно, что она вырыта была одновременно с двумя предыдущими постройками и была составной частью этого производственного комплекса.

Пятым объектом, входившим в этот комплекс является гончарная печь, расположенная примерно в 1-1,5 м к западу от первой мастерской, в срезе оврага (рис.3). Обнаруженное при осмотре большого оврага, упомянутое в начале данной статьи скопление массы керамического боя оказалось в результате расчистки срезанной более, чем на половину, предпечной, очевидно, квадратной в плане ямой. Пятно провалившейся верхней ка-

меры печи и остатков предпечного помещения хорошо были видны в материке (рис.2). Ширина предпечной ямы 2,6 м, глубина 1,1 м от материковой поверхности (рис.6). Из предпечья в нижнюю топочную камеру печи ведет топочный ход. Пол предпечной ямы выше пола топки на 0,3 м, поэтому ход имеет наклонный пол. Длина хода 0,9 м, высота его 0,5 м, ширина 0,5 м. У входного отверстия лежит в виде порога плоский меловой камень. Такие же камни (слегка обтесанные) стоят по обеим сторонам входа. Оба они тщательно примазаны к стенке предпечной ямы белой плотной глиной.

Справа от входного отверстия в стенке предпечной ямы прослежен широкий лаз длиной немногим более метра, идущий к верхней обжигательной камере, Через него, видимо, производили загрузку и разгрузку камеры.

Печь двухярусная: верхняя камера, служившая для обжига керамики, была отделена от нижней массивной материковой перегородкой. Обе камеры круглые в плане, диаметры их : верхней - 1,4 м, нижней - 2,2 м. Дно нижней камеры ровное, меловое, очень сильно обожженное, стенки тоже прокаленные, легко отслаивавшиеся от материка при расчистке камеры. Глубина ее дна от материковой поверхности - 2,4-2,8 м. На полу лежит слой золы толщиной в 0,2 м. На золе - прослойка угля и затем - рухнувшая прокаленная яркооранжевая перегородка толщиной в 0,5 м. Она перекрыта слоем плотной темнокоричневой (почти ошлакованной) глины - подмазкой пола обжигательной (верхней) камеры, рухнувшей вместе с перегородкой. На стенке котлована печи хорошо прослеживается уровень этого пола - он выше уровня топочной камеры на 1,4 м. Исходя из этого можно говорить, что высота последней равнялась примерно 0,9 м. Пол обжигательной камеры специально и неоднократно подмазывался керамической глиной. Толщина этой подмазки 5 см. При падении он распался на куски, но чам удалось обнаружить несколько крупных кусков со следами "продухов" для поступления в обжигательную камеру жара. По обломкам удалось установить, что диаметр продуха 0,15 м. Следы пяти продухов у самой стенки верхней камеры прекрасно видны на уровне ее рухнувшего пола. Верхняя часть этой камеры не сохранилась, т.к. была разрушена свалившимися

в нее камнями. Судя по сохранившейся части, камера была на высоту 0,8 м цилиндрической, т.е. с вертикальными стенками, а свод у нее был полусферический. В настоящее время обгорелый слой подмазки свода прослежен в разрезе заполнения - он в виде сильно разбитого глиняного "монолита" лежит на обожженном слое этой камеры. Изучение подмазки на стенках верхней камеры показало, что было три слоя подмазки, т.е. три ремонта, а значит - печь функционировала не менее трех сезонов /2/.

Вся верхняя камера была завалена камнями. Создается впечатление, что с юга (со стороны ската) печь была защищена каменной стенкой. Она служила, видимо, оградой, отводившей печи стекавшую сверху воду. Очевидно такая защита была недостаточна . Напор воды был очень сильным (особенно талых вод), об этом свидетельствует не только обрушившаяся каменная оградка, но и факт значительного размыва южных стенок мастерских и сушилки, описанных выше.

Для того, чтобы обезопасить производственный комплекс от систематических затоплений гончары соорудили значительно более эффективную "линию обороны", а именно - дренажную канаву. Мы уже говорили, что склон, на котором располагались мастерские, был пересечен прослеживающимися на поверхности "окопами". Раскопки показали, что первый из них с севера, т.е. самый нижний представлял собой неглубокий, вырытый в гумусном слое до материка или врезанный в материк не более чем на 0,I м ровик с отлогими стенками и плоским дном (рис.2 и 3). Максимальная глубина его от древней поверхности не превышает 0,5 м, ширина дна - 0,7 м, по верху I,4 м. Выкид из ровика был уложен на его северный, т.е. внутренний бортик, являясь дополнительным препятствием (запрудой) для стекающей сверху воды. Интересно, что концы ровика упирались в овражки, а значит вода стекала из них вниз - сток был обеспечен несколько выпуклой поверхностью участка, приподнятой в середине и плавно спускающейся к боковым овражкам в обе стороны (на восток и на запад).

Все это сооружение в целом было защитой от воды, но служило также и своеобразной оградой для мастерских и мастеров, которые, как и всякие средневековые мастера, были склонны оружать свое дело таинственностью, безусловно имели секреты ремесла и не желали, чтобы каждый желающий ходил по их территории.

В пределах очерченного ровиком участка помещена восточнее второй мастерской всего на 2 м еще одна мастерская (рис. 3 и 7). Пятно ее котлована темно-серое: заполнение гумусированная земля с примесью меловой крошки и щебня. В отличие от второй мастерской, эта не сгорела, а была заброшена. Особый интерес представляет тот факт, что постройка эта была засыпана в древности и даже успела зарости дерновым слоем до сооружения дренажного ровика (рис.7, см. профиль В).

Несмотря на небольшую хронологическую разницу постройка в целом ничем не отличается от двух предыдущих мастерских, только ориентировка ее не сторонами, а углами по странам света. Размеры ее 3,9 х 3,6 м, глубина юго-восточной стенки в материке I,5 м, северо-западной - 0,4 м. По конструктивным особенностям она особенно близка первой мастерской. Корыто с производственной глиной расположено справа от входа и углублено в материковый меловой пол на 0,25 м (размеры I,8 х I м). Слева от входа, в небрежно выкопанном углублении был помещен небольшой "тарелкообразный" очаг с обгоревшим полом и краями (диаметр 0,4 м), восточнее очага располагались гончарные круги, от которых сохранились только пять квадратных в плане ямок в меловом полу от осевых колов. Оси расшатывались и, видимо, поэтому менялось их местонахождение.

Скорее всего здесь работал всего один гончар на одном круге. Вся южная половина постройки совершенно пустая с гладким полом. Как и в двух первых мастерских она служила, очевидно, сушилкой. Следует отметить, что эта мастерская сделана значительно небрежнее предыдущих: стенки котлована не выровнены, углы закруглены, внутреннее углубление оборудовано также значительно менее тщательно, чем в других мастерских, особенно в первой.

Находки в заполнении - исключительно обломки керамики, их одинаково много и в нижнем слое завала постройки, и в верхнем - древнем дерне: это соответственно - 752 и 935.

Сооружением, видимо, одновременным данной мастерской яв-

ляется гончарная печь 2, предпечная яма которой была перерезана тем же дренажным ровиком (рис.3 и 8).

Размеры ямы 2,4 х 2,8 м, форма в плане прямоугольная с закругленными углами, ориентирована она почти точно сторонами по странам света. Стенки вертикальные. Пол ровный, горизонтальный. Северо-восточный угол сильно изуродован подкопом, образующим как-бы неглубокую нишу в стенке, пол перед нашией тоже слегка углублен. И это углубление,и ниша были забиты темносерой гумусированной и углистой землей и золой. Видимо, сюда при функционировании печи, выбрасывали из нее золу и угли. Вход в печь находился в южной стенке предпечной ямы. Он выше ее пола на 0,5 м - от него на пол опускается "язык" материкового останца (длина "языка" - Iм, ширина 0,6-0,8 м). Размеры входа: 0,4 х 0,45 х 0,4 м. От печи сохранилась только ее нижняя часть - топка. В плане она круглая, диаметр ее I,8 м, под ниже входа на 0,5-0,6 м.

Стенки обработаны небрежно, они были обмазаны глиной сильно обожженной, и сейчас почти всюду осыпавшейся. Под печи тоже прокален. Следы поперечной перегородки, отделяющей топку от обжигательной камеры, не сохранились даже по краям. Причина этого - полное разрушение и даже специальная "подчистка" ее стенок, проведенные в древности.

Весьма показательна разница в заполнении предпечной ямы и самой печи. Предпечная яма заполнена слоями гумусированной земли, смешанной с глиной или золой, слоями обожженной глины, являющейся оббитой обмазкой, меловым щебнем и т.д. Характер заполнения печи совсем иной: на полу лежит ровный слой золы толщиной до 0,4-0,5 м. На уровне входа этот слой перекрыт слоем глины толщиной в 0,2 м. Выше печь заполнена двумя слоями более или менее гумусированной земли как обычная постройка на раскопе (рис.8А).

Разница в заполнении объясняется, как нам представляется, следующим образом:

Предпечная яма была заполнена землей, глиной, обмазкой, золой, выброшенными из печи. Видимо, печь, отслужив срок была превращена в новую предпечную яму, а старая была тщательно заровнена и поверх ее была проведена канавка-дренаж.

Дном новой предпечной ямы служил слой глины, перекрывающий золу. От этой ямы в две стороны (на юг и запад) отходят топки еще двух печей, на характеристике которых мы остановимся ниже, поскольку они относятся к другому периоду существования этого ремесленного района.

Следует сказать, что заполнения печи 2 и предпечья "насыщены" огромным количеством обломков разнообразной керамики, Там, в заполнении предпечья было обнаружено I853 обломка, в печи (ниже глинистой подмазки - I306).

Таким образом, третья мастерская и печь 2, перекрытые ровиком, очевидно относятся к более раннему времени сравнительно с остальными описанными постройками, которые были синхронны дренажному ровику, защищавшему участок от внешних вод.

Была ли какая-либо защита у ранних построек - сказать трудно. Во всяком случае второй, прослеживаемый по поверхности ровик был вырыт, очевидно, не ради них, а для прикрытия мастерской и печей, расположенных выше по склону (рис.2 и 3).

Второй ровик не был нами исследован полностью. На поверхности он выделялся интенсивно зеленой полосой травы, буквально "окаймлявшей" южный край нашего раскопа. В раскоп он заходит небольшим "языком", хорошо заметным в светложелтом материке темносерым заполнением. Благодаря ему мы можем говорить о том, что и этот ровик был направлен восточным концом в овраг, углубляясь восточным концом в материк для увеличения ската дна. Другой конец этого ровика в настоящее время упирается в неглубокую продольную лощинку на склоне большого оврага. Во времена существования мастерских эта промоина выглядела вполне внушительным овражком, к которому был подведен западный конец дренажного ровика.

На участке склона, ограниченном вторым ровиком, основным сооружением была обширная гончарная мастерская (рис.9). Ее котлован выделялся на современной поверхности в виде широкой западины - "ступени", заросшей густой травой. Размеры пятна котлована на уровне материка 5,2 х 4,5 м. Южный край его сильно оплыл и обвалился, частично оплыли также и боковые (западная и восточная) стенки. Первоначальные размеры котлована 4,2 х 3,7 м, глубина от поверхности материка в южной части

I,3 м, в северной - 0,4 м. Ориентировано помещение сторонами по странам света с небольшим отклонением (20^0). Внутренняя планировка его фактически идентична планировке трех предыдущих мастерских. Северная наиболее углубленная часть помещения прямоугольная в плане, размеры ее 2,5 х 3 м. Это главная рабочая часть постройки. В северной ее стенке находился вход, справа от него - прямоугольное корыто - сбитая из досок или плах рама, поставленная на выровненную поверхность пола, внутри которой замешивалось тесто для изготовления сосудов. Размеры корыта 0,8 х I,7 м. По сохранившемуся коричневому тлену можно определить, что толщина плах не превышала 8 см. Качество и характер замешенной глины аналогичны глине, обнаруженной в других мастерских этого ремесленного района. В центре углубленной части мастерской находился довольно большой тщательно вырезанный в полу "тарелкообразный" очаг, углубленный в меловой пол на 0,2 м. Поверхность его обожжена, на дне сохранились зола и угольки. С севера и юга рядом с ним располагались гончарные круги (ямки в виде полусфер с квадратными ямочками от осей, вбитых в центре). Вдоль восточной стенки рабочего помещения прослежены еще три полушаровидные ровные ямки, возможно, служившие основаниями для больших сосудов с круглыми донцами (амфор?), в которых была налита вода, необходимая в гончарном производстве. Впрочем для воды, а вернее для резервуаров с водой служили, вероятно, ямы у северной стенки помещения между входом и корытом. Около них заметны следы разливов желтой отмученой глины. Следы производственной коричневой глины, кроме корыта, обнаружены были только у гончарных кругов.

Южная часть мастерской, как и в остальных мастерских, была, видимо, сушилкой. Пол у нее ровный, без подмазки, только у границы южной и северной частей постройки на полу сохранились остатки какой-то слепленной из глины загородочки, расплывшейся на поверхности пола. Конструкция ее невосстановима.

Следует сказать, что в верхней части заполнения этой постройки было довольно много больших меловых камней, сосредоточенных в основном вдоль южной стенки. Возможно и здесь, как у печи I, была вдоль южного края постройки поставлена каменная стенка, служившая, как и ровик, защитой от стекавшей сверху воды. В отличие от всех предыдущих построек, в заполнении котлована этой мастерской было обнаружено очень немного обломков керамики - всего I20, причем большинство - мелкие, "обкатанные", явно попавшие в котлован вместе со сползшей в него сверху землей.

Печь 3, в которой обжигалась продукция этой мастерской, располагалась к северо-востоку от нее на расстоянии 2-3 м. Предпечной ямой для этой печи служила очищеная от золы, обожженных и ошлакованных стен и перегородки печь 2. Весь "мусор" из нее, как говорилось, был сброшен в ее предпечную яму.

Печь 3 соорудили к западу от предпечной ямы (рис.I0). Вход (топка) прямоугольный, размеры его 0,6 х 0,4 м. Он выше пола предпечья на 0,7 м. Котлован печи круглый в плане диаметром в 2,2 м и глубиной у нижнего (северного) края I,2 м, у верхнего (южного) - I,8 м. Под ровный меловой, горизонтальный, стены вогнутые с отчетливо прослеживающимся перехватом, позволяющем установить место перемычки между двумя камерами: нижней - топочной и верхней - обжигательной. Таким образом мы можем говорить о том,что высота топочной камеры равнялась 0,8 м. Высота верхней камеры невосстановима. Очевидно, она не возвышалась над древней дневной поверхностью, а значит и не превышала в высоту I-I,2 м. Уровень дна печи 3 выше дна предпечной ямы на 0,6 м. Обмазка стен почти не сохранилась. Только напротив входа в вогнутости свода нижней камеры были расчищены небольшие куски сильно обожженной двуслойной глиняной обмазки.

Весьма интересно заполнение этого котлована. От пола на высоту 0,3 м прослеживаются 4 прослойки золы (толщиной I0 см), перемежающиеся тонкими прослойками обожженной глины (толщиной в 2-3 см), которых также четыре. Создается впечатление, что это следы своеобразных ремонтов, вернее "подновлений" печи. После того, как пол в результате подмазок поднялся на 0,3 м, печь была заброшена. На последней подмазке сохранился неровный и довольно толстый слой угля и золы, частично перемешанных с гумусированной черной или серой землей. В этом слое обнаружены остатки человеческого скелета, разъединенного в ос-

новном на две кучки. В южной - находились кости ног: два бедра, берцовая кость и несколько ребер, в северной обнаружены часть позвоночника с ребрами, лопатки, ключица, кости согнутой в локте правой руки, а также кусок черепа и вторая берцовая кость. Расположение костей свидетельствует о том, что отчлененная верхняя часть скелета (кроме черепа) явно была соединена мышцами при ее захоронении или перезахоронении. Выше этого слоя на уровне перегородки между камерами прослежен толстый слой (0,2 м) обожженой глины, перемешаный с необожженой. Видимо, это слой рухнувшего свода верхней камеры. Сверху он перекрыт слоем черной гумусированной земли, заполнившей яму после разрушения печи. На границе этого заполнения и рухнувшего свода найдено несколько брошенных или сползших с края в яму крупных камней (как в печи I). Среди них попалось несколько обломков деформированного черепа (часть его была найдена в кучке костей на 0,6 м ниже). Как попал в эту яму расчлененный труп человека - неясно. Возможно, это было какое-то ритуальное погребение? Погребение, которое также можно считать частью какого-то обряда, было обнаружено в гончарных мастерских салтово-маяцкой культуры на селище у с.Подгаевка /3, с.277-278/. Там скелет не был расчленен, труп был уложен скорчено на правом боку в неглубокой яме, выкопанной на развале печей. Не исключено, что в обоих случаях это было что-то вроде "искупительных жертв" в заброшеный и разрушившийся комплекс.

В верхней части заполнения печи, в заплывшем в яму гумусированном слое, было обнаружено более 500 обломков сосудов, из которых половина - мелкие неопределимые типологически. Так и в обвалившуюся мастерскую эти обломки, очевидно, попали не в результате сбрасывания в ямы керамического лома, а из культурного слоя или с его поверхности, по которой ходили люди, вдавливающие обломки посуды в слой, естественно ломающие их на все более мелкие части.

Печь 4 была помещена к югу от той же предпечной ямы (сооруженной из печи 2). Входное отверстие в топку квадратное, размеры его 0,6 х 0,6 м (рис.I0). Котлован печи круглый в плане, диаметр его I,8 м, глубина от поверхности материка у южного края 2 м. Под печи выше пола предпечья на 0,9 м. Он

тщательно выровненный, меловой. Что касается стенок котлована, то в верхней половине они плотные глиняные, нижняя же часть котлована была выдолблена в материковом щебне. Поэтому стенки неровные, осыпающиеся, потерявшие первоначальную форму, Верхняя камера, опирающаяся на сыпучие нижние стенки, также оползла вниз.

Никаких следов обмазки стен или обжига поверхностей не прослежено. Нет в этой печи ни углей, ни золы ни на полу топки, ни в заполнении котлована. Самое заполнение отличается большой однородностью - от уровня материка до пола котлована это довольно рыхлая темносерая земля с включениями щебня, глиняной прослойки и в нижней части нескольких крупных кусков материковой глины. У стен количество щебня увеличивается поскольку стены осыпались внутрь печи, а в устье топки лежало несколько больших камней. Создается впечатление, что строители не кончили сооружение этой печи. Материковые стенки из щебня стали осыпаться, видимо, сразу же, как котлован был выкопан, свод из глины без опоры рухнул. Подмазку просто не успели произвести. Естественно, не провели ни одной топки. Яма была оставлена недокопанной и постепенно затянулась культурным слоем. В нем, как и в двух предыдущих комплексах, обломки керамики отличаются малой величиной и "обкатанностью" (затертостью). Обнаружено их около 300, причем только 80 - поддаются типологическому определению.

Южнее этой неудавшейся и недостроенной печи на поверхности материка отчетливо выделилось темное пятно в виде двух соединенных перешейком овалов (рис.2). Поскольку сверху они были идентичны пятнам печей 3 и 4, мы приняли их за выходы верхних заваленных гумусом камер следующих печей, расположенных на склоне своеобразным "каскадом", в котором расположенная ниже печь становилась предпечьем печи, сооруженной выше, т.е. так, как печь 2, ставшая предпечьем, соотносилась с печью 4. Такой каскад печей был исследован в мастерских селища Подгаевка /3, с.268/.

Однако, наши раскопки показали, что пятна были фактически только шурфовкой материка. Строители печей благодаря этой шурфовке выяснили состав материкового грунта. Дело в том, что

для сооружения печи им необходима была плотная светложелтая глина. Строительство печи 4 показало, что этот слой глины, перекрывающей меловой монолит уже на глубине 0,8 м сменился на этом участке материковым рыхлым щебнем, непригодным для сооружения печи. Выше, на уровне двух следующих за печью 4 пятен слой щебня поднимается, слой же глины становится тонкой прослойкой в 0,2-0,4 м. Удостоверившись в непригодности материка, строители забросили этот участок: восточнее пятен они вообще ничего не строили, ничего не копали.

Следует сказать, что восточная часть участка, ограниченного вторым (более южным и верхним) ровиком выше западного его края на 2 м. На западную понижающуюся часть и в овражек за нею гончары бросали производственный брак и лом, сыпали золу, угли из печи и очага. Всего здесь в слое, толщина которого доходила до 0,85 м было обнаружено около 1000 обломков различных сосудов, причем половина - в слое, образовавшемся в период функционирования мастерской.

К тому же времени относится расположенная на этом участке довольно большая "двучленная" яма, углубленная в материк на 0,6 м. Стенки у нее неровные, форма обеих частей корытообразная в разрезе. Назначение ямы в том виде, который дошел до нас, определению не поддается. Создается впечатление, чт здесь что-то начали сооружать и по непонятной причине бросили. В заполнении ямы и в слое над ней, т.е. в верхней части заполнения обнаружено очень большое количество обломков посуды буквально свалка керамического лома (862 обломка).

Обломки керамики верхних напластований культурного слоя попали сюда, видимо, из мастерских, расположенных выше по склону.

Неровности вышележащего склона: ступени или выемки в нем, намечающаяся третья линия "канавки"-ровика дают основания считать, что постройки, аналогичные описанным, стояли и выше по западной стороне склона этого холма, а также соседнего, отделенного от него в настоящее время лощинкой. Дальнейшие работы по исследованию этого производственного района были прекращены, поскольку склон хорошо задернован и комплексам не угрожает разрушение.

Период застройки исследованного нами участка этого ремесленного района ограничен очень небольшим отрезком времени. Как мы видели, печи 1 и 3, ремонтировавшиеся, как правило, каждый сезон, функционировали всего три-четыре года, поскольку подмазка стен и пода проводилась в них три-четыре раза. Не более трех лет выдерживали напор бурных вешних вод и осенних дождей дренажные ровики. Следует учитывать, что печь 1 синхронна ровику 1, а печь 3 - второму ровику. Очевидно печь 3, мастерская 4 и второй ровик были сооружены после того, как первый ремесленный комплекс, состоявший из мастерских 1 и 2, печи 1, сушилки и ровика 1 были заброшены. До этого комплекса здесь существовал еще один - мастерская 3 и печь 2, который был разрушен при проведении первого ровика. Был ли он защищен каким-либо устройством от стока воды неизвестно. Вполне возможно, что дренажный ровик был выкопан очень мелкий (в гумусном слое) и поэтому с течением времени, в периоды двух последующих строительств полностью затек и выявить его фактически современными доступными нам средствами и методами было невозможно.

Как бы там ни было, ясно, что в целом время жизни всех открытых последовательно сменяющихся комплексов не превышает 10-12 лет.

Сменяемость и "очередность" их подтверждается не только стратиграфически, но и наблюдениями за распространением многочисленных керамических обломков на территории раскопанного участка.

Прежде чем обратиться к анализу этих материалов (топографии находок) попытаемся выявить и рассмотреть их весьма значительное типологическое разнообразие. Мы уже говорили, что все обломки сосудов свидетельствуют о том, что сосуды не были в использовании. На них нет следов нагара, донца у них с нестершимися отпечатками среза "ниткой", хлеймами или слоем песка, подсыпавшегося на круг. Не попалось ни одного лощеного обломка со следами ремонта сосуда (на селище часто попадаются обломки с дырками по краю - сосуд буквально сшивался). Орнаментация также четкая, без стертости, венчики не оббиты. Таким образом, создается впечатление, что весь громадный керамический материал является производственным ломом. Следова-

тельно все типы сосудов, встреченные на этом участке, производились и обжигались в открытых нами мастерских и печах.

Здесь изготовлялась как простая кухонная посуда, так и столовая-лощеная, в том числе лощеная-тарная.

I. Кухонная посуда представлена тремя видами, выделенными по назначению и способу употребления. Все они сделаны из прекрасно промешанного глиняного теста. Основная примесь - очень мелко дробленые шамот и дресва.

Первый вид - большие горшки с диаметрами венчика и наибольшего расширения тулова соответственно I6-20 см и 24-30 см. Высота их доходит до 30-33 см. Толщина стенок -около I см. (рис.IIа-в; рис.I2е-к). Примерно у 50% горшков этого вида наибольшее расширение тулова - на середине высоты, у другой половины - наибольшее расширение - в верхней трети. Однако и те и другие имеют в целом устойчивую яйцевидную форму. Столь же устойчива орнаментация - по краю венчика - неглубокие насечки, изредка - отпечаток штампа. По тулову сплошь до дна нанесен очень неглубокий и небрежный (прерывистый) линейный орнамент. Иногда этот орнамент производился плоской палочкой (шириной около 2 мм , чаще - острозубым штампиком, который как бы "процарапывал" поверхность сосуда. Горшки такого размера обыкновенно использовались в качестве кухонной тары, поэтому мы сочли возможным выделить их в отдельный вид.

Второй вид - малые горшки почти не отличимы от горшков первого вида. Форма, орнаментация венчика и тулова абсолютно идентичны, размеры же несколько меньше: диаметр венчика не превышает I5 см, тулова I6-20 см, высота I4-20 см. Толщина стенок обычно 5-7 мм, но бывают и довольно толстостенные горшочки, в которых стенки такие же, как у больших горшков первого вида (рис. IIа-в; рис.I2а-д). Все эти сосуды употреблялись для варки пищи. На поселениях, и на Маяцком селище - это основной вид посуды. Как правило, все они несут на себе следы частого пребывания в очагах, нередко на них сохраняется нагар от "сплывшей" пищи. Интересно, что обломки больших горшков попадаются со следами "починки", т.е. с дырочками по краю излома, малые горшочки при поломке просто выбрасывались - в качестве тары они никогда не использовались. Починенный большой горшок продолжал служить тарой для сухих продуктов. Следует сказать, что оба вида горшков широко распространены на памятниках лесостепного (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры /4, с.II0, рис.26 /.

Третий вид кухонной посуды - котлы с внутренними ушками. О форме их нижней части мы судить не можем, поскольку не было найдено ни одного обломка, который бы дал нам полный профиль сосуда. Однако часть сосудов этого вида сохранилась на две трети высоты (только без дна) и это дает нам основание говорить, что в целом они представляют собой обычные кухонные крупные горшки. Среди массы обломков не было обнаружено ни одного округлого днища, которое можно бы было считать донцем котла. Это является косвенным доказательством того, что котлы были плоскодонными, как и горшки. Кроме того, на селище, в постройке 24 прямо в очаге был обнаружен разбитый котел с плоским дном /5, с.I06, рис.7 /. Надо сказать, что горшковидные котлы - самый распространенный вид в степных восточноевропейских памятниках IX-X вв. /6, с.222, рис.I0 /. Характерны они и для болгар Подунавья /7, с.35, рис.9; с.I07, рис.33б; 8 /, известны в Молдавских памятниках и в Предкавказье /9, с.23I, рис.5; I0 /. Поэтому тот факт, что в мастерских на Маяцком селище делали плоскодонные котлы не является необычным исключением. Наоборот - такие котлы были самой типичной формой для сосудов этого вида. По форме тулова и ушек мы делим котлы на три типа.

К первому относятся горшковидные котлы с ушками в виде продолговатого налепа с двумя дырочками (рис.I2л). Налепы сделаны на внутреннем сгибе венчика, т.е. на горловине сосуда напротив друг друга.

Второй тип - также горшковидные котлы, часто с крутыми плечиками, на которые и приходится наибольшая ширина сосуда. Венчики у них по краю часто орнаментированы насечками. Как и в первом типе, на горловине изнутри сделаны выступы-утолщения с одной дырочкой (рис.I3). Такие "однодырочные" ушки до сих пор не были известны. Видимо, это местный вариант ручек, возможно, даже характерный для изделий одного мастера. Это вполне вероятно, т.к. все котлы с однодырочными уш-

ками идентичны по пропорциям и орнаментации.

Третий тип котлов отличается от двух предыдущих формой ушек, венчика и, видимо, в какой-то степени - формой тулов Ушки имеют вид налепленных снаружи у венчика "раковин" (ри I4). Внутри этих "ракововидных" налепов в стенке сосуда, н расстоянии 2-3 см от края венчика проткнуты две дырочки. Т в этом типе решался вопрос защиты ремня или веревки, на ко рых подвешивался котел над очагом, от действия огня, Венчи у таких котлов вертикальные, очень низкие, слабо выделенны или же совсем отсутствуют: тулово заканчивается косо среза ным краем. Тулово у этих котлов шаровидно-приплюснутое, в можно, некоторые из них могли быть и круглодонными , однак котел из постройки 24 с ракововидными ушками, как уже гово рилось, плоскодонный.

Изготовление котлов, как нам представляется, является одним из признаков активного оседания рядового (бедного) н селения. Кочевники с трудом привыкали к оседлому быту. В ж лищах они предпочитали привычную для них форму отопления - очагом, над которым естественно было вешать сосуд. Богачи пользовались металлической посудой - казанами, а для менее обеспеченной части населения служили для этой цели обычны горшки с приспособлением для подвешивания (внутренними ушк ми или раковиновидными, фактически внешними налепами). Сле дует сказать, что горшковидные котлы делались, повидимому, в начальный период освоения их производства, позднее оседа ющие кочевники стали изготовлять казановидные котлы, подра жающие формой и даже орнаментацией (имитацией заклепок) м таллическим казанам. Это наблюдение, сделанное на материал Предкавказья и Молдаваии, где казановидные котлы относятс к X-XI вв, позволяет нам говорить о том, что маяцкие мастер находились на первой стадии освоения производства этих ори гинальных сосудов.

2. Подавляющее большинство обломков лощеной керамики принадлежит пифосам и пифосообразным сосудам, так называем пифосам-кувшинам /4, с.I2I, рис.3I/ .

Пифосы представлены очень большими горшковидными сосу дами со сравнительно узкой горловиной, резко отогнутым плос

ким венчиком, крутыми плечиками и стройным конусовидным туловом (рис.I5а,б; рис.I6а,б).

Диаметры венчиков колеблются от 20 до 30 см, наибольший диаметр тулова (плечики) - 40-55 см, высота 45-65 см. Обжиг поверхности этих сосудов преимущественно темносерый, но попадаются отдельные экземпляры со светложелтой или даже оранжевой поверхностью. Лощение нанесено прямыми вертикальными полосами от плечиков до дна. Плечики и венчик чаще покрыты горизонтальными лощеными полосками. На некоторых экземплярах попадалось сплошное лощение, состоящее из сливающихся лощеных полос. Ширина лощеной полосы - 3-4 мм. Наносились эти полосы специальными лощилами, сделанными из кусков кости или камней. В мастерской I были обнаружены три сильно стертые камешка из крепкого мела (рис.I5д-ж). Их грани и уголки, очевидно, служили лощилами крупных сосудов типа пифосов. Такие же крупные лощила (гальки) использовались в мастерских Канцерки/ II, с.I45, рис.55/ . Мелкими костяными орудиями делать это было много труднее и дольше. Характерной особенностью орнаментации пифосов являются налепные треугольные в разрезе узкие валики. Обычно они гладкие, но иногда их декорировали насечками; что придавало им очень нарядный (кружевной) вид. Обычно валики опоясывали сосуд по плечикам, от них вниз по тулову опускались вертикальные прямые валики или изогнутые "гирляндообразные". Орнаментация валиками была очень широко распространена в степях, начиная еще с гуннского времени (гунны лили бронзовые котлы, украшенные и укрепленные валиками-жгутами). Безусловно великолепные большие нарядные сосуды не были обычной хозяйственной принадлежностью. Это была парадная посуда, подававшаяся к столу с вином или брагой.

То же назначение имели и пифосы-кувшины. Формой тулова и размерами они не отличались от пифосов. Может быть, только отдельные экземпляры этих сосудов имели более округлую форму, т.е. наибольшее их расширение было не на плечиках, а несколько ниже - в верхней трети тулова или изредка - на середине высоты. К горловине тулово этих сосудов резко сужается и переходит в более или менее высокое горлов (от 7 до I0 см). Горло заканчивается венчиком со сливом (рис.I5в,г; рис.I6в-е).

К горлу почти у венчика прикреплена довольно массивная ручка, опускающаяся другим концом к плечикам. Две другие такие же массивные ручки расположены примерно на середине высоты тулова. Интересен способ закрепления их на сосуде: в нем протыкались два отверстия, в которые вставляли суженные концы ручки, затем все это тщательно замазывалось глиной. Сосуды вместе с содержимым были очень тяжелые и просто примазанная ручка сразу же отвалилась бы от тулова. Ручка, вставленная в тело сосуда была органически связана с ним, поэтому, как правило, мы редко на поселениях находим одни отломанные ручки пифосов-кувшинов, обычно они отламывались вместе с частью стенки, в которую были "врезаны".

Судя по дошедшим до нас обломкам, в мастерских изготовляли два типа этих сосудов, основным отличием их друг от друга являлась высота горла.

К первому типу мы относим пифосы-кувшины высота горла которых меньше его диаметра (рис.I5в,г; рис.I6в,г). Все они как правило, темносерые, с глубокими вдавленными ободками (обычно двумя) в месте соединения тулова с горлом. Лощение на горле - вертикальными небрежно проведенными полосками, а на тулове - пучками таких же полос.

Целый сосуд такого типа был обнаружен в тризне X на Маяцком могильнике. Он был украшен налепными валиками, уложенными на тело сосуда в виде шести высоких арок. Внутри каждой арки лощение было сетчатое мелкое. Арки опирались на валик, опоясывавший сосуд на уровне трети его высоты/ I2, рис.26/ .

Второй тип пифосов-кувшинов представлен сосудами с горлом, высота которого больше его диаметра (рис.I6д-е). Такие сосуды изготовлялись, видимо, реже, поскольку обломков их попадается много меньше. Поверхность у них только слегка подлощена горизонтальными короткими ("рвущимися") полосками. Цвет поверхности часто бывает желтый. Украшения в виде валиков, по-видимому, отсутствуют.

Помимо больших сосудов здесь же, те же ремесленники производили и мелкую самую разнообразную лощеную посуду.

Это прежде всего кружки с приземистым туловом и высоким

цилиндрическим горлом, высотой вдвое превышающим тулово. Ручки у них изображают предельно схематизированную фигурку пасущейся лошади (рис.I7 а,б).

Кубышки приземистые с ручками, иногда налепами в виде "сосочков" (рис.I7 в,г,д)

И те и другие сосуды тщательно залощены, часто сплошным лощением, обжиг - разный: от светлосерого до оранжевого.

Уникальной находкой является обломок оранжевого сосуда с длинным "носиком". У него узкое (I0 см) невысокое горло и, судя по обломку, раздутое шаровидное тулово (рис.I7ж). Очевидно, это водолей-умывальник? До этой находки подобные сосуды не были известны в салтовском керамическом комплексе, который, как свидетельствуют материалы даже одной ремесленной группы, значительно разнообразнее и развитее, чем это принято считать в настоящее время, когда громадные материалы годами не издаются и гибнут (чаще всего депаспортизируются) в провинциальных музеях. Правда, в Плиске (Болгария) в комплексе IX в. был обнаружен аналогичный сосуд, названный Л.Дончевой-Петковой "чайником" / 7, с.77, рис.20, табл.XУШ, 247/ . Однако он менее эффектен, т.к. поверхность его не залощена, а обжиг - серо-желтый.

Среди многих десятков лощеных сосудов помимо описанных встречались и обломки больших горшков-корчаг, сделанных на ножном круге, и обломки непонятных сосудов (возможно мисок?) с ручкой в виде какого-то изогнувшегося зверька с большими ушами (рис.I7е), и, безусловно, обломки обычных для "салтовской культуры" кувшинов. Однако, следует отметить, что последних было очень немного, как, впрочем, и всей лощеной посуды "малых форм".

Одной из редких на салтовских памятниках находок являются крышки. В районе четвертой мастерской была обнаружена среди керамического лома плоская круглая крышка диаметром 9 см с высокой трапециевидной ручкой в центре (с отверстием у основания). Внешне крышка напоминает обычное "салтовское" зеркало (рис.I7 з). На внутренней ее стороне отпечатано клеймо: два концентрические круга диаметрами в 8,5 и 7,5 см, внутри которых расположен кружок с крестообразно отходящими

от него четырьмя отростками. Аналогичная крышка с клеймом в виде кружка с отростками-лучами была найдена на селище экспедицией Н.Е.Макаренко еще в 1909 г./ 13, с.42, рис.48/.

Мы так подробно остановились на описании этой крышки и клейма на ней не только потому, что крышки - редкая находка, а крышки с клеймом - уникальны, но и потому, что клеймо в виде кружка с радиально отходящими от него отростками - самый распространенный знак мастера на исследованном нами ремесленном участке.

Всего таких клейм с характерным легким изгибом (отклонением) одного из отростков-лучей обнаружено 12. Большинство (8) - в заполнении котлована мастерской 1 и рядом с ней, а также около мастерской 2. Три - в заполнении печи 3 и одно - у мастерской 4. Помимо этого клейма встречено клеймо в виде креста (1 - в заполнении мастерской 1 и 3 - у мастерской 4), крест в круге (рис.17и) и тамгообразный знак (рис.17 л) были найдены также вблизи мастерской 4. Делать какие-либо определенные выводы о размещении на раскопанном участке построек, принадлежавших разным мастерам, имевшим разные знаки, пока преждевременно, поскольку обломки керамики "сползали" вместе со слоем вниз по склону и попадали в заполнения нижележавших заброшенных котлованов. Тем не менее, естественно предположить, что окружающая мастерскую земля и вместе с ней разбросанный вокруг производственный лом попадали в котлован в первую очередь. Следовательно связывать этот лом и соответственно клейма с конкретной мастерской, вокруг которой они найдены, все-таки возможно. При этом только следует учитывать и случайность попадания отдельных клейм, действительно скатившихся с верхних участков. Таким образом, первая и вторая мастерские прочно связаны с клеймом первого типа (кружок с отростками-лучами). В четвертой мастерской наряду с мастером, обладавшим этим клеймом, появился еще один, метивший свои изделия крестообразным знаком. Остальные клейма попали сюда, видимо, сверху, так же, как из окружения четвертой мастерской скатился в заполнение первой обломок дна с крестообразным знаком. Интересно отметить, что он был найден в самом верхнем слое заполне-

ния, что также служит как-будто косвенным подтверждением высказанной нами гипотезы о попадании производственного лома в заброшенные постройки: сначала сползал туда близлежащий слой, затем накатывались сверху более отдаленные слои гумуса.

Таким образом распространение на раскопе клейм подтверждает относительную датировку отдельных мастерских, вернее отделенных разными дренажами участков: нижний (северный) с клеймами кружочком с отростками - более ранний, южный - с появившимся дополнительно крестообразным знаком, по-видимому, был отстроен и функционировал после того, как нижний участок был заброшен.

При характеристике отдельных комплексов всюду указывалось количество обломков керамики в заполнениях котлованов. Мы видели, что в нижних (северных) котлованах их значительно больше, чем в южных (в частности, в мастерской 4 и печах 3,4). Это обстоятельство может быть свидетельством того, что нижние котлованы забрасывались "мусором" при функционировании верхних мастерских, а верхние перестали существовать и уже не восстанавливались: производственный гончарный район погиб вместе со всем Маяцким поселением. Так в верхние мастерские попал не выброс "мусора", а просто затекший со временем окружавший их культурный слой и гумус. Аналогичные процессы прослеживаются обычно на селищах при исследовании заполнения хозяйственных ям. Часть из них буквально бывает забита обломками керамики и костей. Это - бывшие хозяйственные ямы заброшенные и ставшие свалками-помойками. Другая часть ям бывает заполнена натеками земли с небольшим числом находок в ней. Эти ямы прекратили существование в связи с гибелью поселения. Изредка на поселениях встречаются и заброшенные, превращенные в помойки котлованы жилищ - тогда они также бывают буквально забиты обломками разбитой посуды, костями животных и другими предметами попадающимися обычно в помойках /14, с.28/ .

Используя более или менее крупные обломки керамики, дающие представление о типах сосудов, мы попытались восстановить общий облик керамического комплекса, изготовлявшегося в исследованных нами мастерских. Следует признать, что ас-

сортимент лощеной посуды был много разнообразнее. В него входили кувшины, корчаги, небольшие горшочки с ручками, кружечки других вариантов, миски и пр. Однако достоверно выявить их по дошедшим до нас мелким обломкам не представляется возможным. Подсчеты керамического лома по группам, видам и типам также могут дать ответ на то, какие преимущественно типы посуды изготовляли местные гончары. Так, естественно, большие сосуды (пифосы и пифосы-кувшины) давали большее количество обломков стенок (просто лощеных 2379, с "валиками" II58), но количество обломков горлышек и венчиков этих сосудов (тех и других около сотни) говорит о том, что каждый большой сосуд рабивался примерно на I00 обломков (считая, что каждый венчик и горло в среднем разбиты на четыре части). Таким образом, оказывается, что за все время существования мастерских здесь разбито было всего 20 пифосов и 20 пифосов-кувшинов (подсчеты даны в округленных цифрах).

Подсчитать, сколько обломков в среднем давали средние и мелкие лощеные сосуды не представляется возможным. Всего на раскопе было обнаружено более 3000 обломков таких сосудов. Интересно отметить, что подавляющее большинство их обнаружено в комплексах раннего периода: в заполнении мастерской 3, предпечья и печи 2 (всего I700 обломков). Видимо, в первый период мастерская специализировалась в основном на изготовлении массовой лощеной посуды, причем ремесленники освоили всевозможные типы посуды, даже такой необычной формы как "водолей с носиком" (найден на поду печи 2).

Кухонная посуда: большие и средние горшки, котлы можно уверенно отличать только по венчикам. Стенки практически неотличимы, т.к. в разных местах сосуда их толщина может быть разной. Всего стенок кухонных сосудов обнаружено около 2000 обломков венчиков крупных горшков около 200, а средних и мелких - 350. Если считать, что венчики ломались, как и у пифосов, на четыре-пять частей, то оказывается крупных горшков было в процессе производства сломано всего штук 40, а средних - 70-90. Из всей этой массы битой посуды выделяются внутренними ушками 23 венчика котлов от 22 сосудов. Чем объясняется сравнительно небольшое количество разбитых сосудов этого

вида? Возможно, их изготовляли в значительно меньшем количестве или же более бережно относились к этим "усовершенствованным" горшкам, на производство которых уходило больше сил и времени, а значит они были более дорогостоящими сравнительно с обычными горшками. И то и другое предположения вероятны и в равной степени представляют интерес для исследования товарных отношений гончаров с окружающим населением.

Функционировавшие в гончарном районе одновременно несколько мастерских снабжали керамическими изделиями разных типов, видимо, не только собственно Маяцкое поселение, но и синхронные с ним большие или мелкие окрестные поселки. Ассортимент керамических изделий и отдельные типы посуды в целом находят многочисленные аналогии на памятниках лесостепного аланского варианта салтово-маяцкой культуры. Однако следует учитывать, что на них фактически не попадается сосудов, сделанных на ножном гончарном круге (срезанных с круга ниткой) и обожженных к тому же до оранжевого цвета (до звонкости). Здесь же такие сосуды составляют примерно десятую часть, причем эта пропорция возможно занижена, т.к. ведется из подсчетов "лома", а прекрасно сформованные на усовершенствованном кругу и ровно обожженные оранжевые сосуды ломались безусловно много реже обычных.

Сосуды оранжевого обжига известны в Саркеле, в слое, относящемся ко второй половине IX-началу X вв. и позднее, вплоть до середины XI в./ 6, с.2I4,2I5,262; I5, с.60/ . Очевидно Маяцкие мастерские мы можем также датировать довольно поздним временем - вплоть до первых десятилетий X в. Этой дате не противоречит и датировка всего Маяцкого комплекса: городища, поселения и могильника/ I6, с.I9; I2, с.I97; I7, с.54-55/ .

В настоящее время на территории распространения салтово-маяцкой культуры известно уже около десятка гончарных мастерских, аналогичных открытым на Маяцком мысе. Самыми западными являются печи, обнаруженные на поселениях Лимбарь-Кэпрэрия в Молдавии/ I8, с.I4I-I46/ ,[I] а также знаменитые мастерские у

I Мы не указываем здесь синхронные и идентичные печи, известные вне СССР (в Болгарии, Чехословакии, Югославии и пр. /7, с.30, рис.7/.

балки Канцерка, в течение ряда лет исследовавшиеся А.Т.Смиленко / II, с.I20-I56 / и относимые ею к значительно более раннему времени - к УI-УП вв. Надо сказать, что конструкция печей, мастерских, ассортимент орудий-лощил и сосудов (в основном пифосов-кувшинов с лощением и валиками) настолько близки маяцким, что представляется необходимым пересмотреть дату Канцерки, тем более, что там нет предметов, которые позволяли бы относить этот памятник к раннему времени. Впрочем, вопросы передатировки памятников эпохи Хазарского каганата не могут быть решены на материалах одного-двух памятников и не являются темой данной статьи. Очень близки конструкциями и размерами печи, раскопанные К.И.Красильниковым на поселениях Рогалик и Подгаевка. Однако там печи врезаны в стенки мастерской / 3, с.268, рис.I; I3, с.62, рис.2/ . Для них не рылись специальные предпечья, как делалось это в Канцерке и на Маяцком. Тем не менее, прием использования в качестве предпечья старой печи был известен гончарам как на поселениях Среднедонечья, так и Маяцкого гончарного района. Весьма существенен тот факт, что Канцерка и Маяцкое выделились в специализированные гончарные районы. Мастерские, хоть и отапливались, не были одновременно и жилищами, поскольку, как уже говорилось, там не было обнаружено ни обломков обожженных сосудов, ни костей животных, т.е. в постройках не готовили, не жили, а только работали. На Дмитриевском поселении такой специализированный район располагался на окраине, но все-таки входил в общий абрис поселка, здесь же гончары полностью выделили свое производство из жилого массива. Вероятно, это был первый решительный шаг в отделении ремесла. Характерно, что в отличие от Дмитриевского поселения, в жилищах которого были обнаружены следы ручных гончарных кругов, на которых изготовлялась грубая кухонная посуда, в жилищах Маяцкого селища гончарных кругов не было / 5 / . Возможно, это означает, что производство керамики здесь уже прочно перешло из рук женщин-хозяек в руки ремесленников-мужчин. В таком случае вполне естественно выделение гончарных мастерских в изолированный специализированный район. Существовали такие мастерские при крупных поселениях типа Маяцкого и при поселениях городского типа, например, у Саркела /20, с.23; 6, с.244 /

в Таманских приморских городах /2I, с.64/ и т.п. В регионах, отдаленных от больших центров, мастерские по-прежнему ставились среди жилых построек. Так было на поселениях, раскопанных К.И.Красильниковым на территории бассейна Среднего Донца. Они были почти синхронны Маяцким - погибли они в период нашествия печенегов примерно в конце IX в /I9, с.68/ , т.е. в то же время, когда было заброшено Маяцкое поселение. Однако отдаленность региона от экономически развитых центров сказалась на некотором отставании в развитии ремесла, что выявилось не в качестве продукции или качестве орудий труда, а во включении ремесленного производства - мастерских в общую планировку поселения.

Ремесло становилось отдельной отраслью хозяйства, а это наряду с письменностью, которая непрочтенными пока знаками и строками пестрит блоки и стены крепости, свидетельствует о едином высоком государственном уровне экономики и культуры населения, создавшего культуру, получившую в начале XX в название "салтово-маяцкая". В настоящее время мы с полным основанием можем связывать ее с Хазарским каганатом.

I. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М., I989.
2. Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии // Тр. ИЭ, 42. М.-Л., I959.
3. Красильников К.И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. I976. № 3.
4. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., I967.
5. Винников А.З. Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища (результаты раскопок I975, I977, I978 гг.) // Маяцкое городище. Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции. М., I984.
6. Плетнева С.А. Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75. М-Л., I959.

7. Дончева-Петкова Л.Българска битова керамика. През ранното средневековие, София, I977.
8. Дончева-Петкова Л. Средневековне глиняни съедове с вътрешни уши // Археология, I979. Кн.4.
9. Постикэ Г.И. Глиняные котлы на территории Молдавии в раннесредневековый период // СА. I985. № 3.
I0. Кузнецов В.А. Глиняные котлы Северного Кавказа // КСИА. I964. вып.99.
II. Смиленко А.Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (П-ХШ вв). Київ, I975.
I2. Флеров В.С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. М., I984.
I3. Макаренко Н.Е. Археологические исследования I907-I909 гг. // ИАК. I9II. вып.43.
I4. Русанова И.П., Тимощук Б.А. Кодын - славянские поселения У-УШ вв. на р.Прут. М., I984.
I5. Флеров В.С. Лощеная керамика Саркела-Белой Вежи // СА. I976. № 2.
I6. Плетнева С.А. Маяцкое городище // Маяцкое городище. М., I984.
I7. Афанасьев Г.Е. Исследования южного угла Маяцкой крепости // Маяцкое городище. М., I984.
I8. Рикман Э.А., Рафалович И.А., Хынку И.Г. Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев, I97I.
I9. Красильников К.И. Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Северском Донце // КСИА. I980. № I60.
20. Артамонов М.И. Саркел-Белая Вежа // МИА. № 62. М.-Л., I958.
2I. Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло Тмутаракани. М., I963.

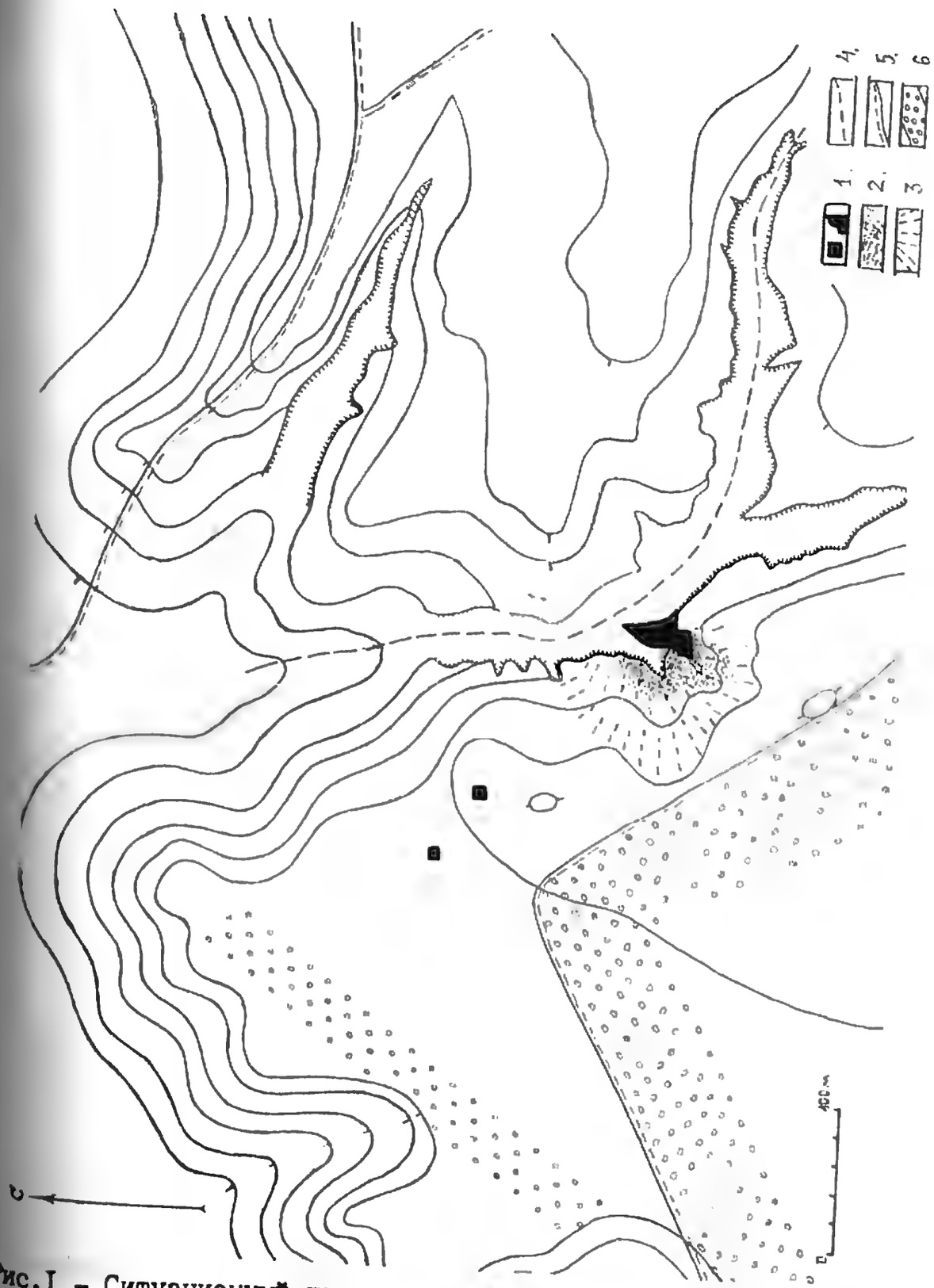


Рис.I - Ситуационный план расположения гончарных мастерских. Условные знаки: I - раскопы, 2 - территория, занятая мастерскими, 3 - "амфитеатр", 4 - русло ручья, 5 - дорога, 6 - лесополосы.

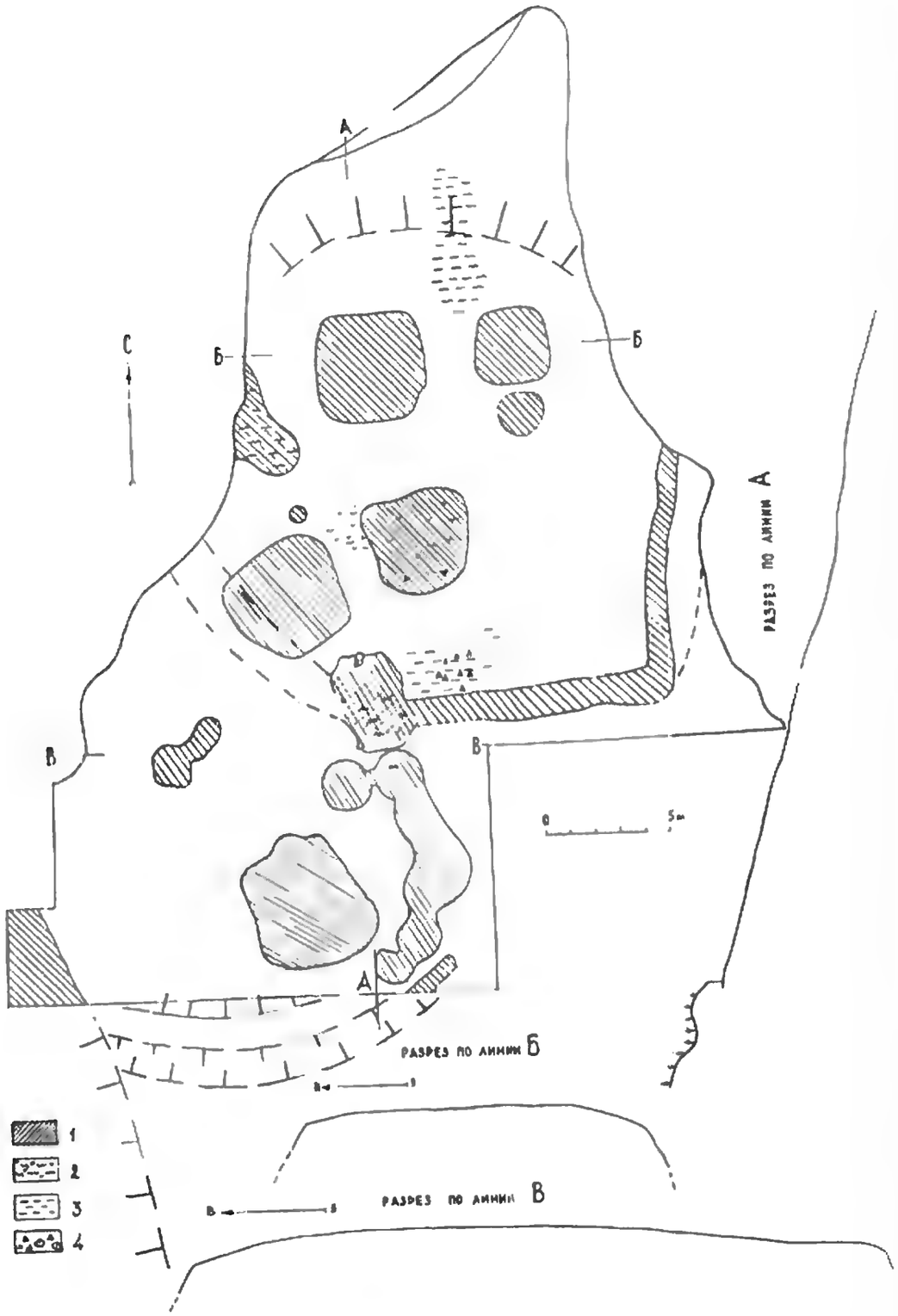


Рис.2 - План пятен котлованов на уровне материка и разрезы мыса: А - продольный, Б,В - поперечные. Условные знаки: I - гумусированная темная земля, 2 - зола и угли, 3 - глина, 4 - щебень и камни.

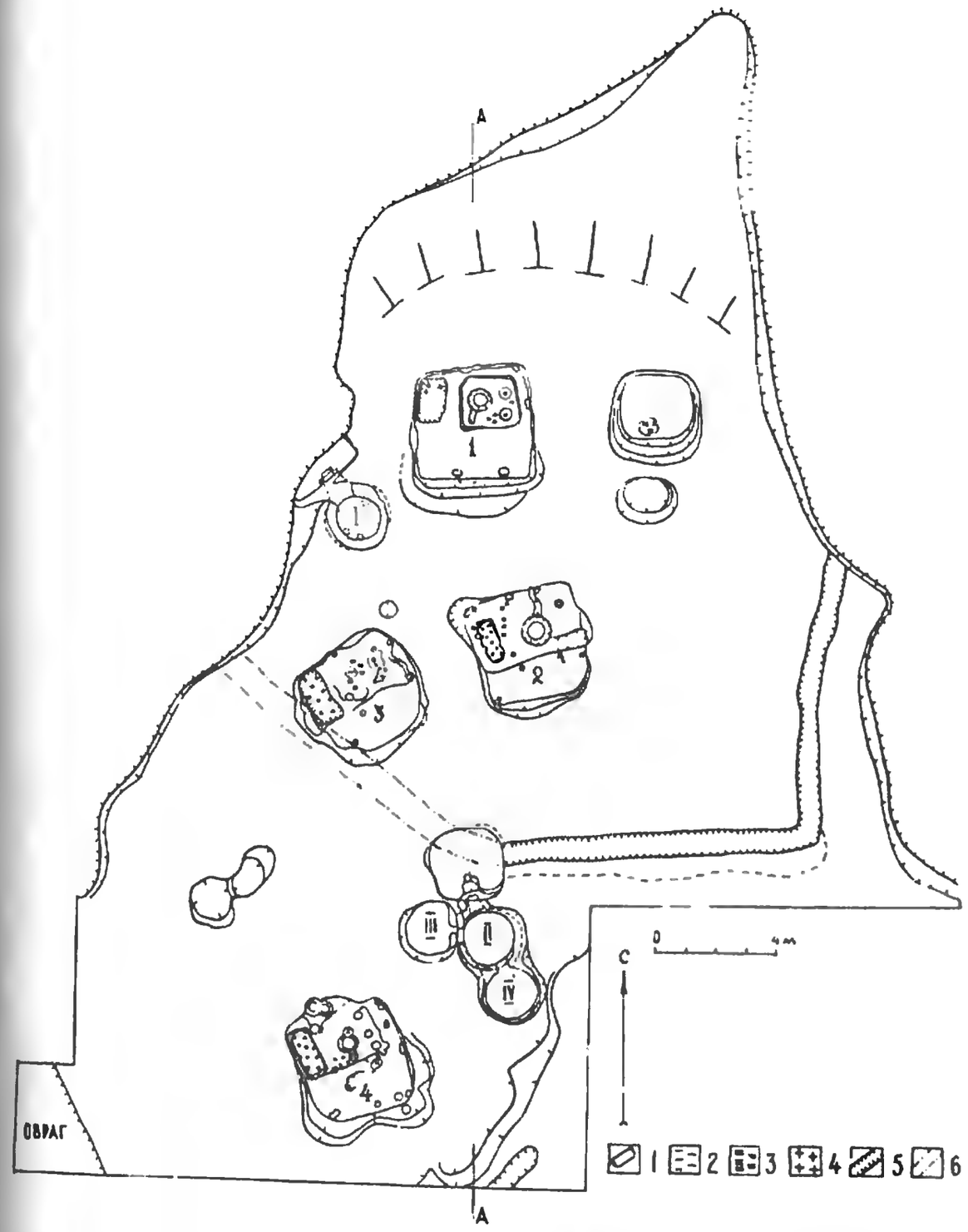


Рис.3 - План ремесленного гончарного района после расчистки (мастерские, печи, дренажные ровики). Условные знаки: I - сгоревшее или истлевшее дерево, 2 - глина, 3 - обожженая глина, 4 - производственная глина, 5 - дренажный ровик, вырытый в материке, 6 - направление дренажного ровика в культурном слое.

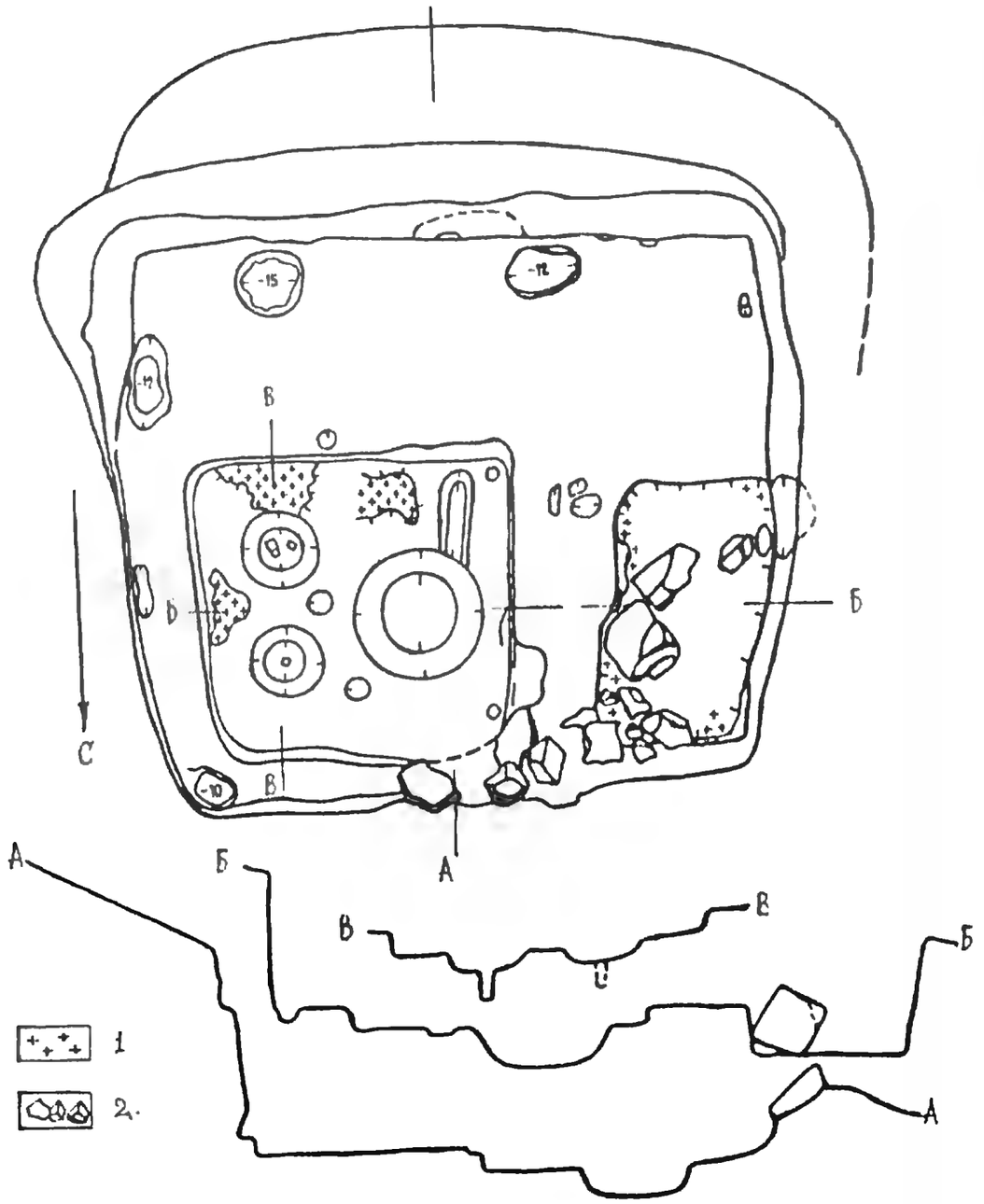


Рис.4 - План и разрезы мастерской № I. Условные знаки: I - производственная глина; 2 - камни.

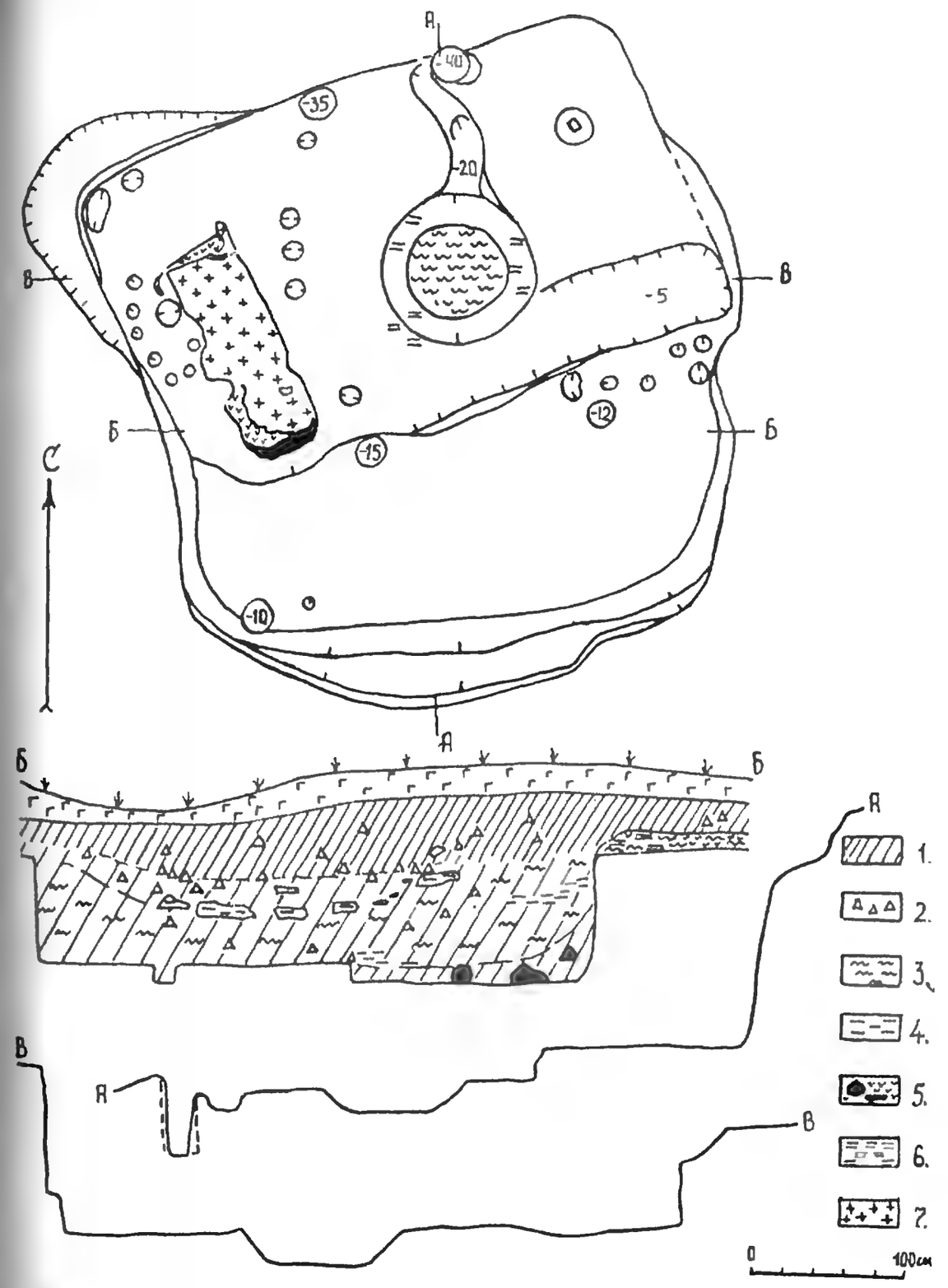


Рис.5 - План, разрезы и профиль заполнения мастерской № 2. Условные знаки: I - гумусированная земля, 2 - щебень, 3 - зола, 4 - глина, 5 - уголь, 6 - обожженая глина, 7 - производственная глина.

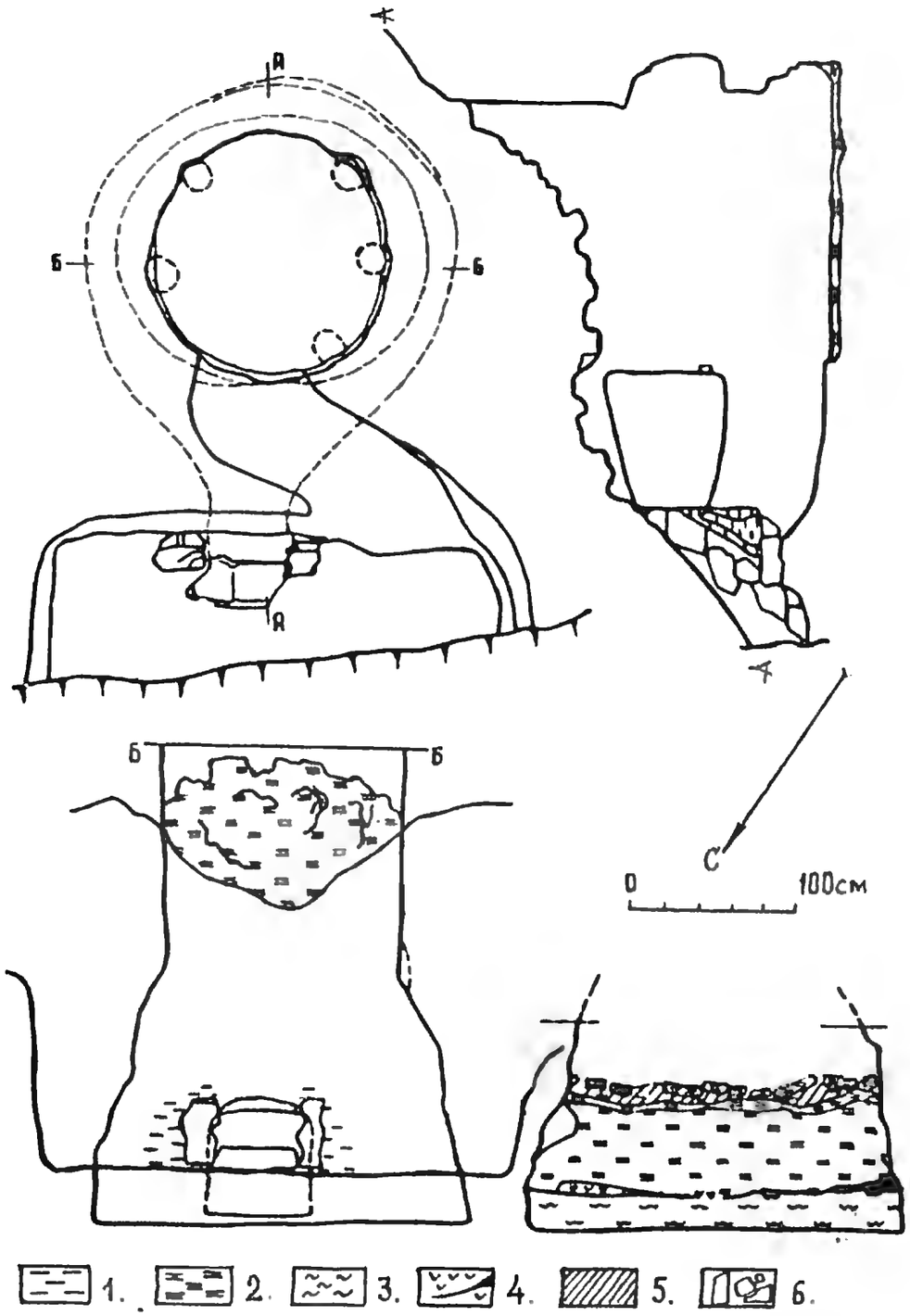


Рис.6 – План, разрезы и профиль заполнения гончарной печи № I. Условные знаки: I – глина, 2 – обожженая глина, 3 – зола, 4 – уголь, 5 – черная гумусированная земля, 6 – камни.

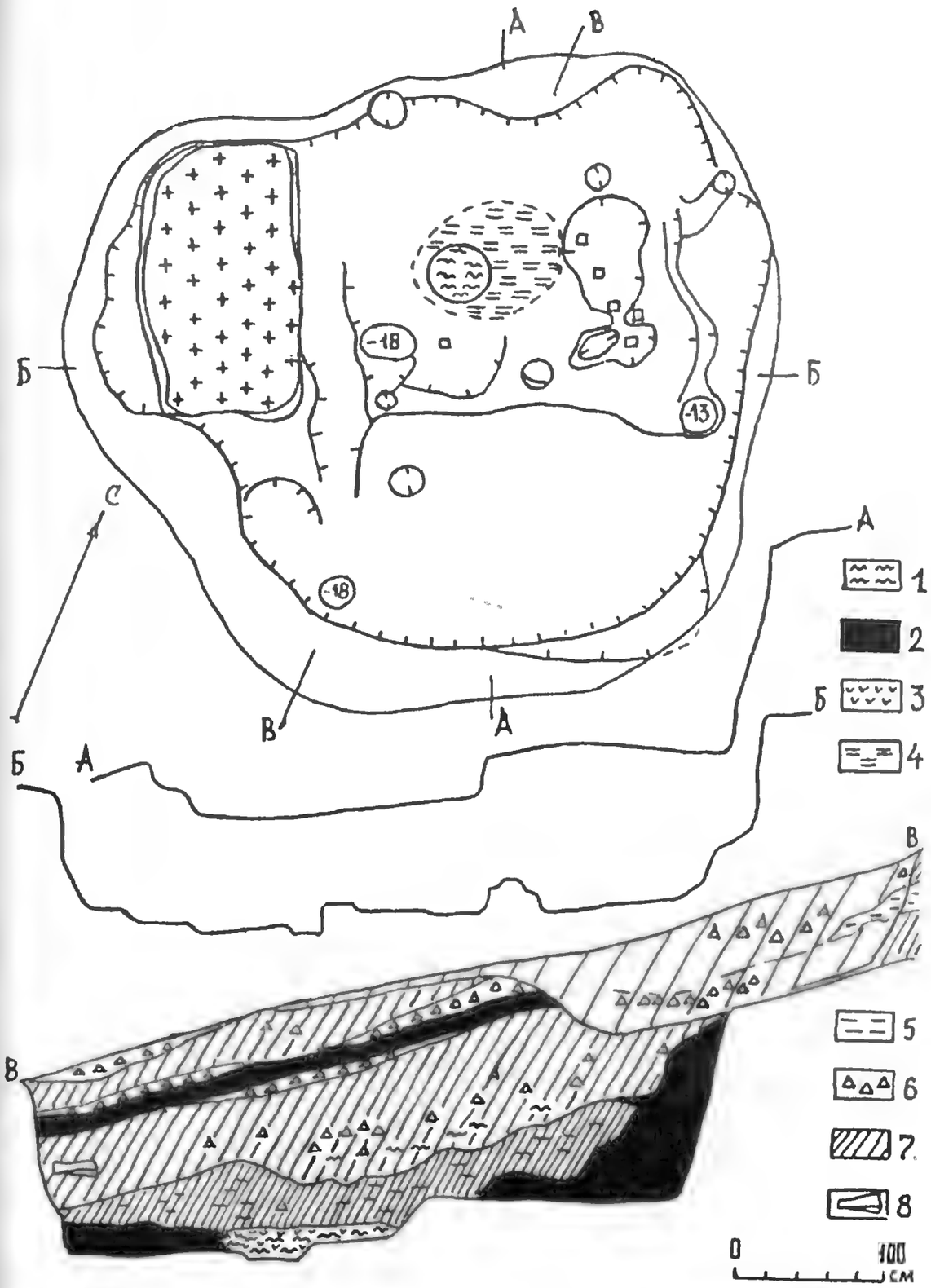


Рис.7 – План, разрезы и профиль заполнения мастерской № 3. Условные знаки: I – зола, 2 – слой, насыщеный углем, 3 – уголь, 4 – обожженая глина, 5 – глина, 6 –щебень, 7 – гумусированная земля, 8 – камни.

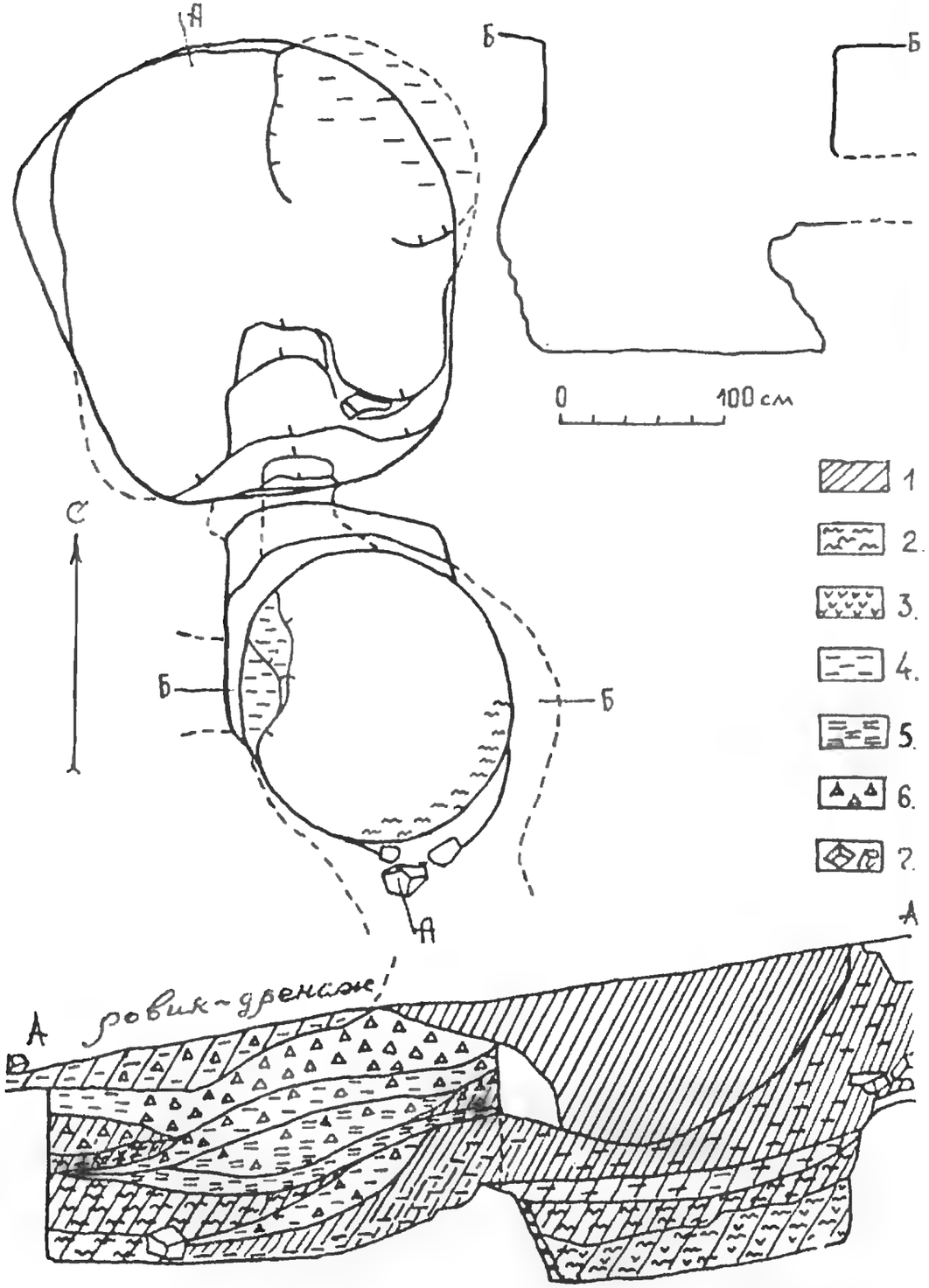


Рис.8 - План, разрез и профиль заполнения печи и предпечной ямы № 2. Условные знаки: I - гумусированная земля, 2 - зола, 3 - уголь, 4 - глина, 5 - обожженая глина, 6 - щебень, 7 - камни.

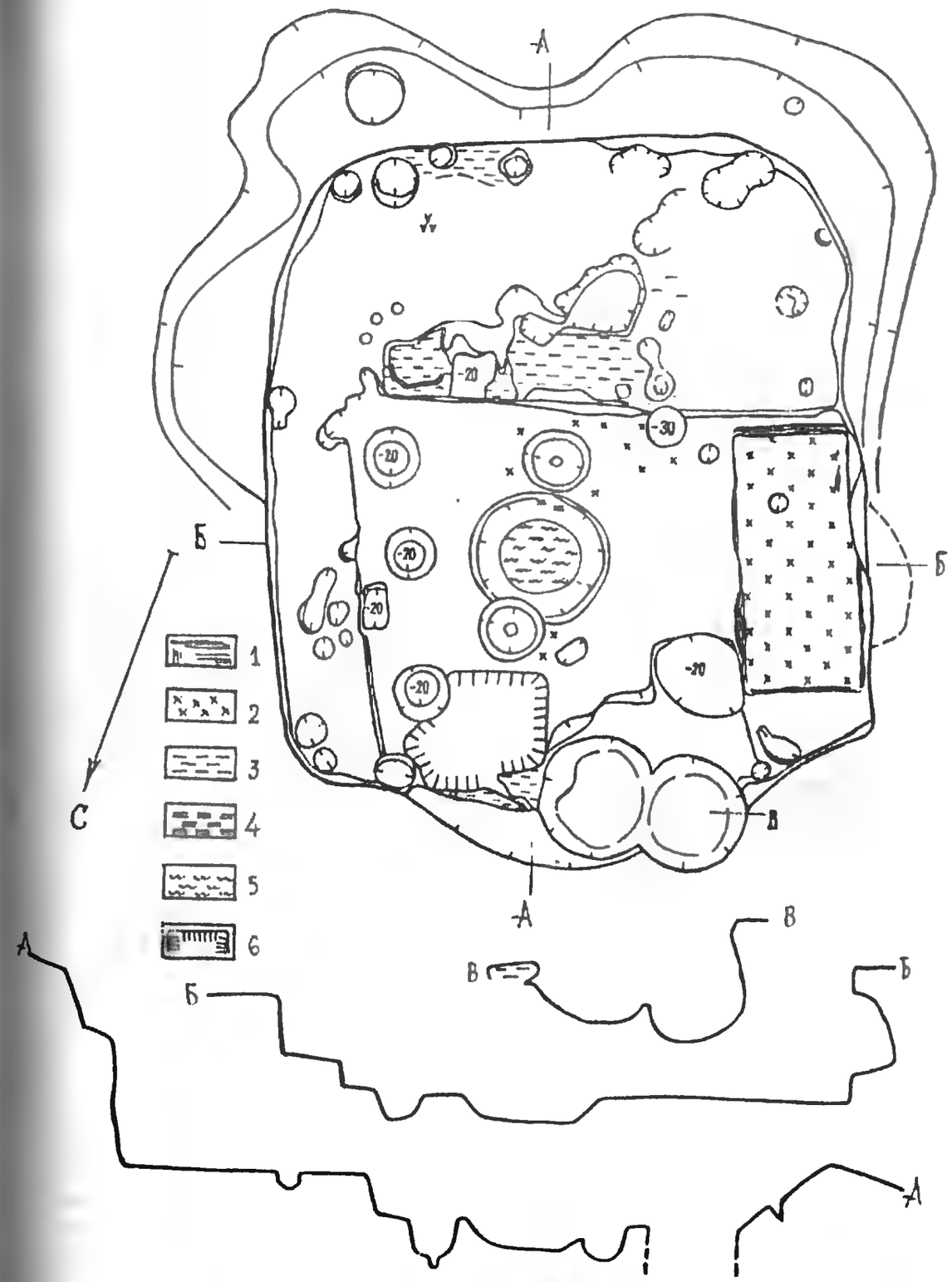


Рис.9 - План и разрезы мастерской № 4. I - древесный тлен, 2 - производственная глина, 3 - глина, 4 - обожженная глина, 5 - зола, 6 - грабительский шурф.

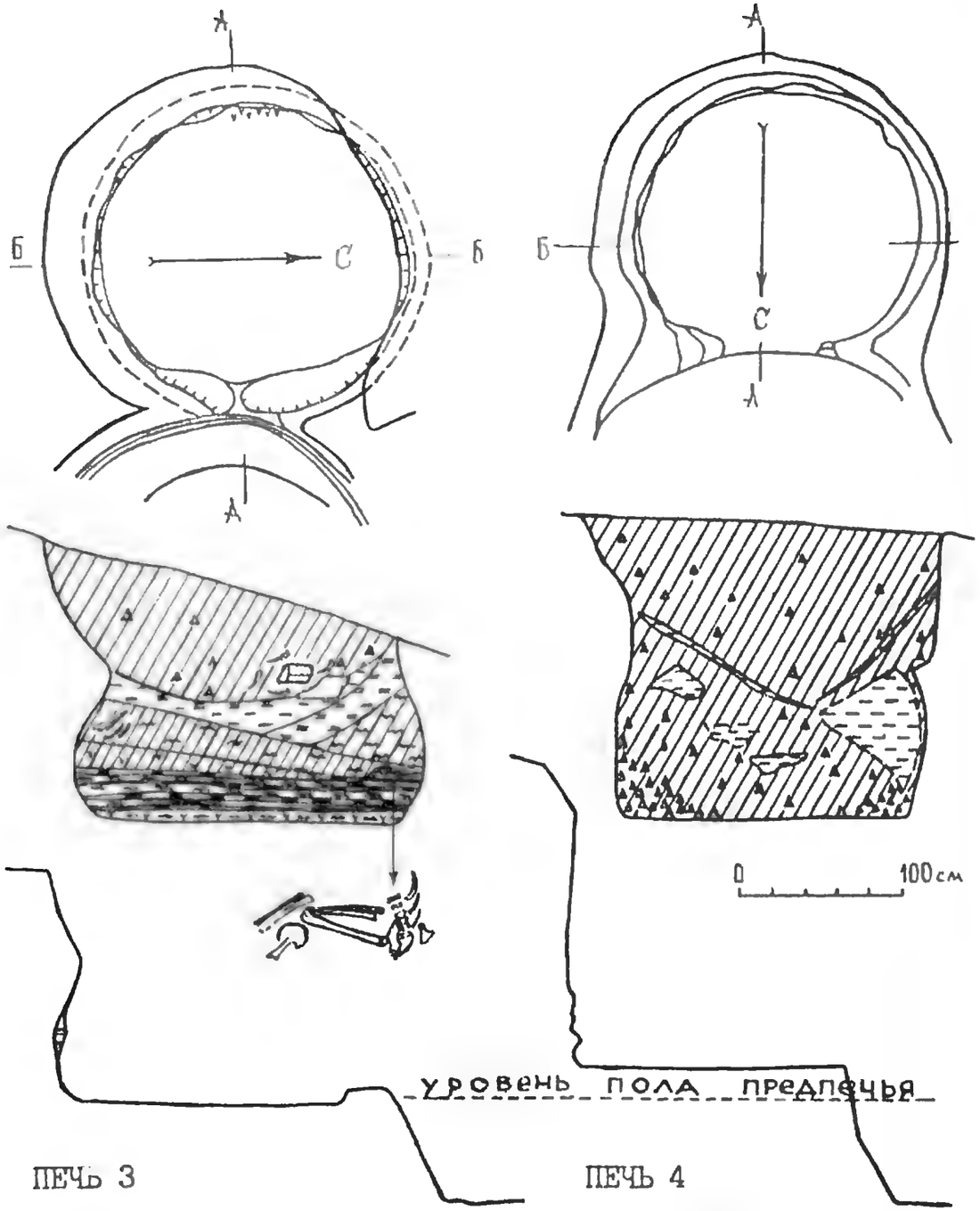


Рис.IO - Планы и разрезы гончарных печей 3 и 4. I - гумусированная черная земля, 2 - меловой щебень, 3 - глина, 4 - обожженая глина, 5 - зола, 6 - уголь, 7 - камни.

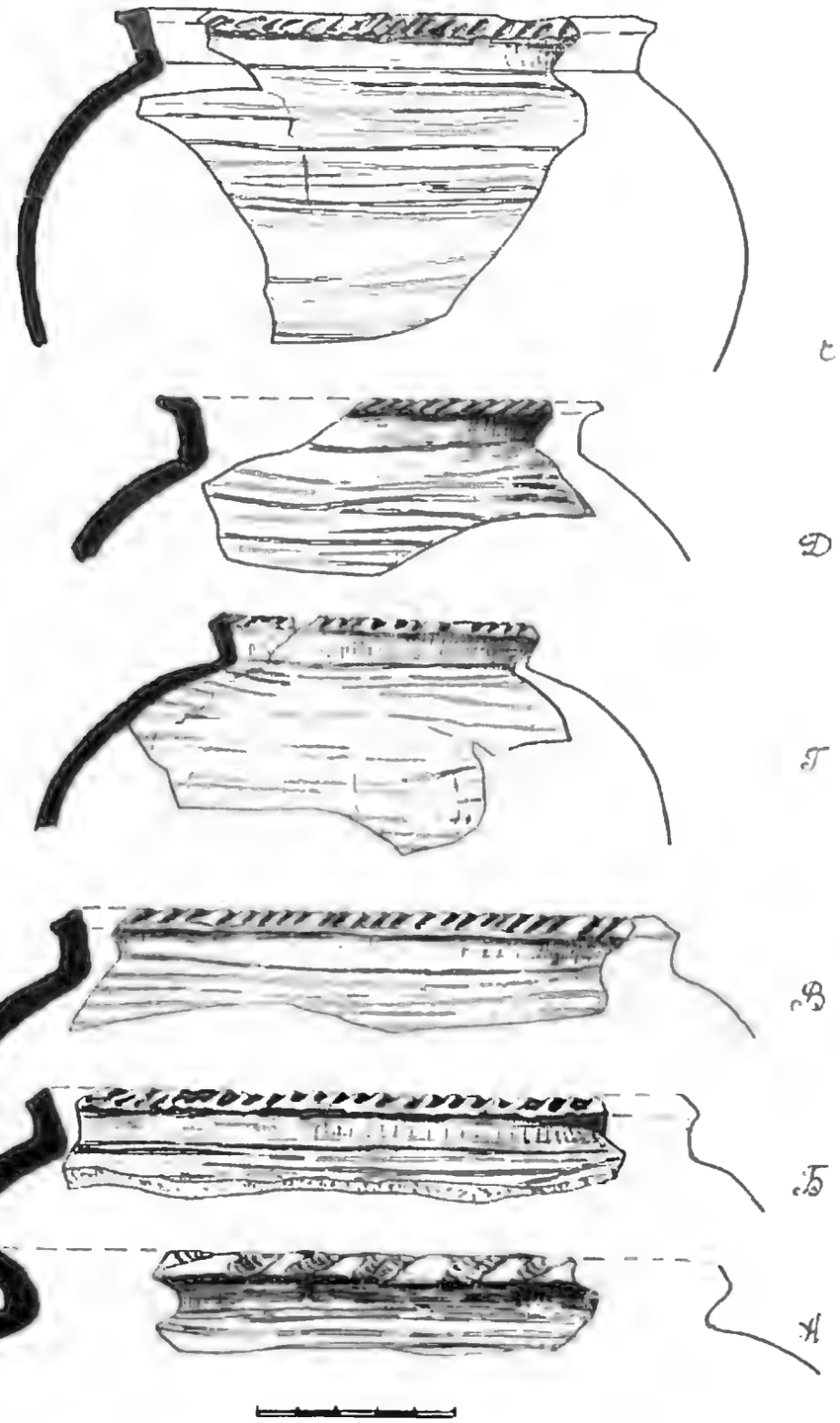


Рис. II.- Венчики кухонных горшков: А,Б,В - вид I, Г,Д,Е - вид 2.

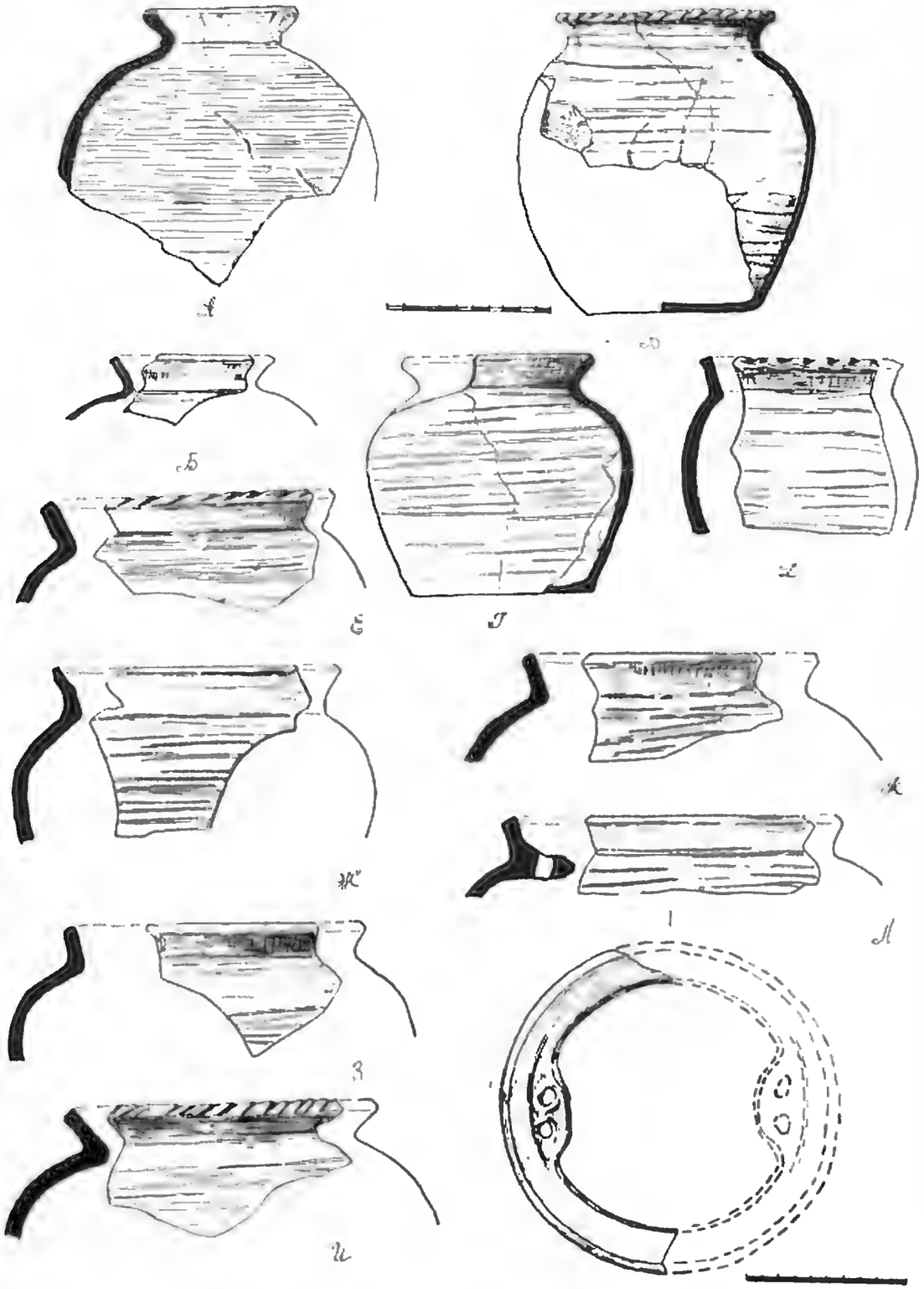


Рис.I2 - Кухонные горшки: Е,Ж,З,И,К - вид 2, А,Б,В,Г,Д - вид I, Л - венчик котла с внутренними ушками - тип I.

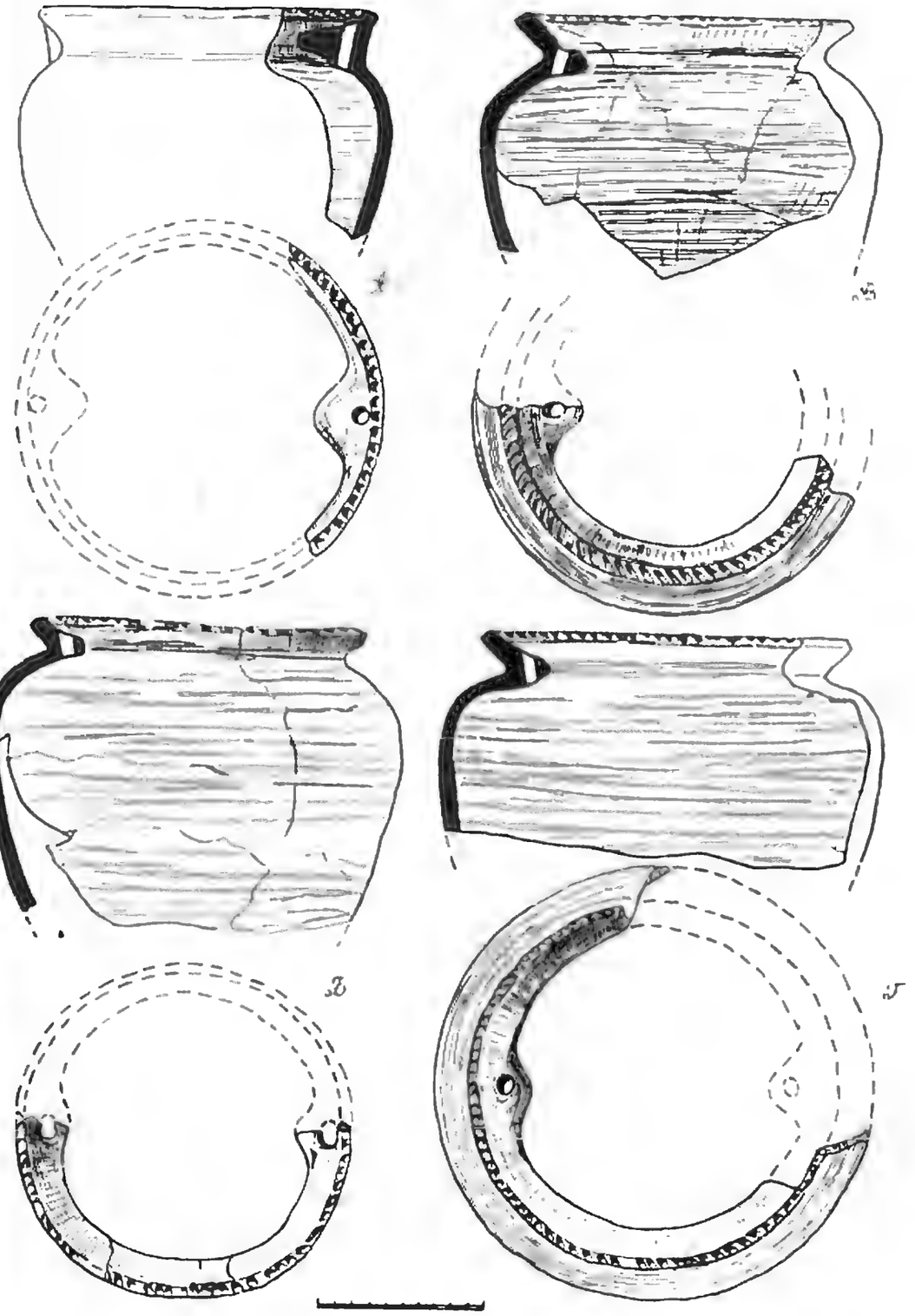


Рис.I3 - Венчики котлов с внутренними ушками. Тип.2.

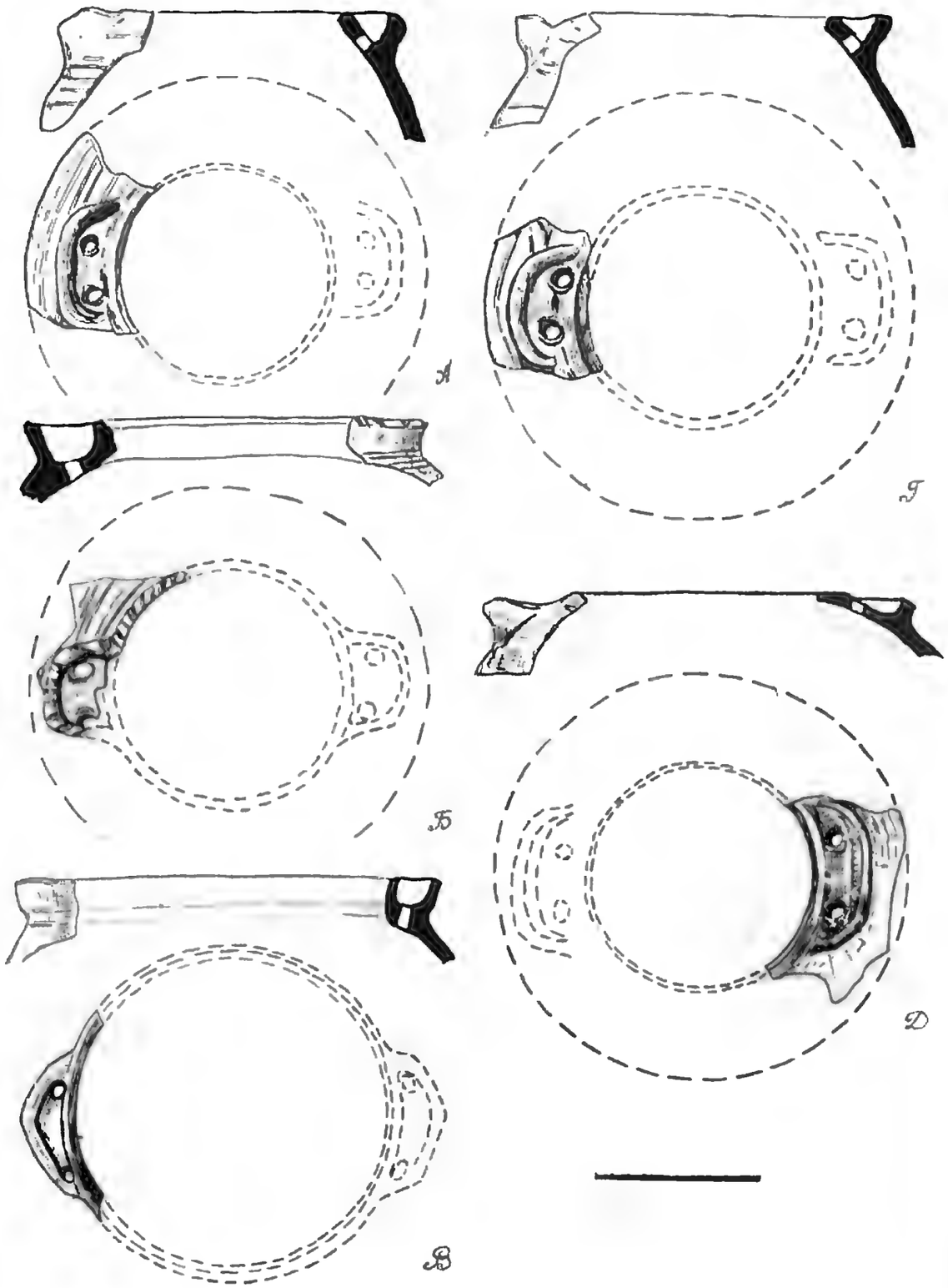


Рис.I4 – Венчики котлов с внутренними ушками. Тип 3.

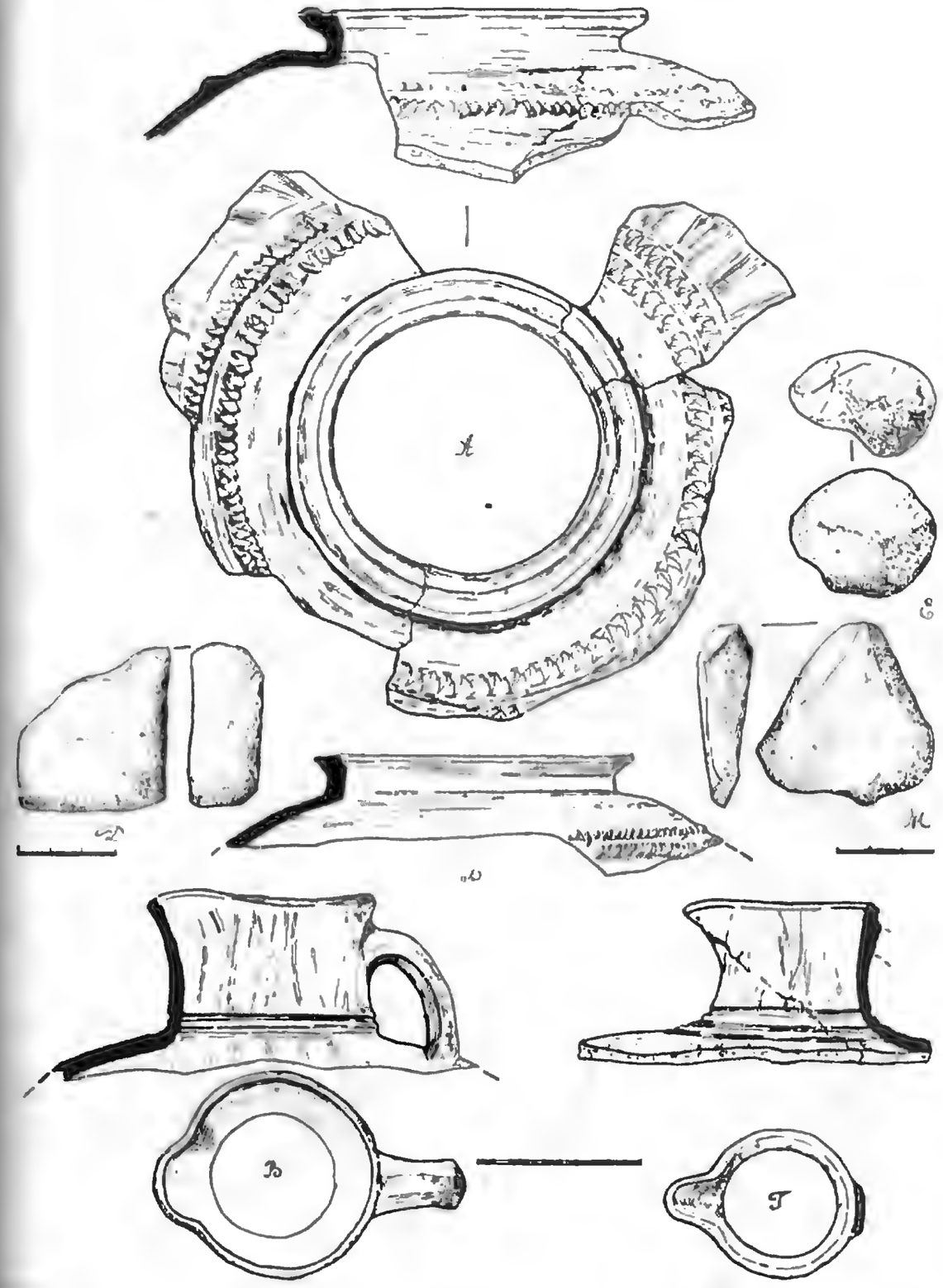


Рис.I5 – Лощеная посуда. А,Б – венчики пифосов, В,Г – горлышки кувшинов (трехручных), тип I, Д,Е,Ж – лощила из меловых камешков.

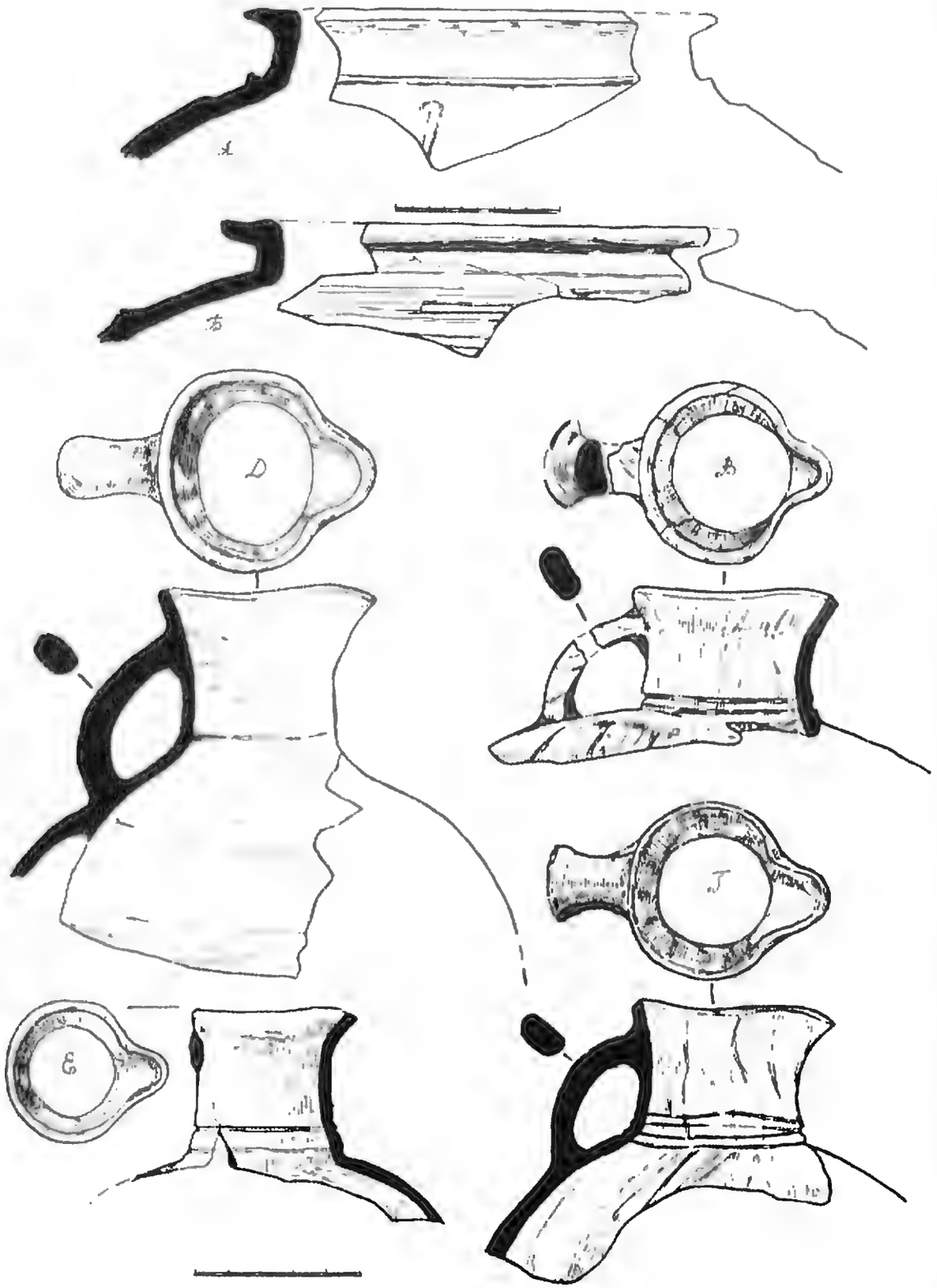


Рис.I6 – Лощеная посуда. А,Б – венчики пифосов, В,Г – горлышки пифосов-кувшинов, тип I, Д,Е – горлышки пифосов-кувшинов, тип 2.

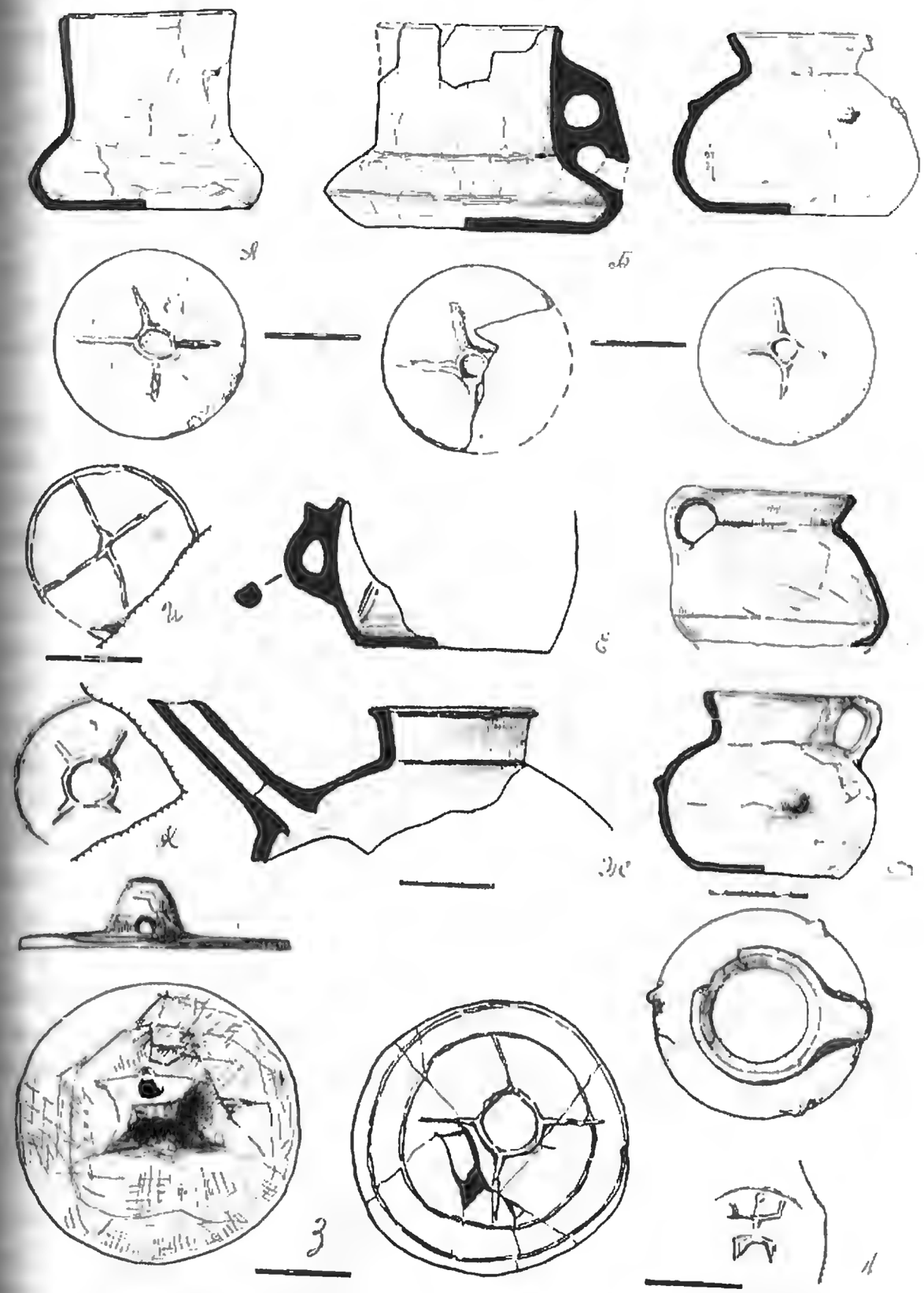


Рис.I7 – Лощеная керамика. А,Б – кружки и клейма на их донцах, В – кубышка и клеймо на ее донце, Г,Д – кубышки, Е – обломок кружки или миски, Ж – обломок "водолея" (чайника), З – крышечка с клеймом, И,К,Л – клейма на донцах сосудов.

В.С.Флёров

Маяцкий могильник (раскопки 1979 года)

Советско-Болгаро-Венгерская экспедиция исследовала Маяцкий могильник в течение семи полевых сезонов (1975, 1977-1982 гг.). За это время было вскрыто 134 погребальных сооружения, из которых раскопанные в 1975, 1977-1978 гг. (№ 1-7 уже опубликованы/ 1/ . К моменту публикации на могильнике ли открыты только катакомбные погребения, что дало основан считать его исключительно катакомбным. В последующем, помим новых катакомб, было открыто несколько ямных и подбойных с каменными закладами погребений, однако их расположение среди массива катакомб явно свидетельствует об их "подчиненном" характере. К тому же обряд и инвентарь в этих погребениях те же, что и в катакомбах. Таким образом, открытие на Маяцком могильнике нескольких погребений иного типа не меняет общую характеристику могильника как катакомбного. В связи этим отмечу, что и среди погребений на Маяцком селище катакомбы преобладали (обычные катакомбы в хозяйственных ямах и стенах жилищ).

Все катакомбы из раскопок 1979-1982 гг. имеют ту же конструкцию (короткий дромос с горизонтальным дном и неболь камера), что и открытые ранее. Аналогичен и сам погребальный обряд: преобладание одиночных погребений, редкость парных и полное отсутствие коллективных; господство обряда обезвреживания умерших, выражавшееся в разрушении скелетов погребенных; малочисленность инвентаря. Ориентация катакомб никак не связывается со сторонами света и зависела исключительно от направления склонов оврага, в котором располагался могильник. Это характерно для всех без исключения катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры. Зато для погребенных в катакомбах Маяцкого могильника устойчив иной признак: умер-

шие всегда укладывались головой влево по отношению входа в камеру, причем мужчины вытянуто на спине, женщины - на боку с подогнутыми ногами. Вообще, катакомбы Маяцкого могильника и погребальный обряд удивительно единообразны на всех его участках. Естественно, здесь могут быть открыты и какие-то новые типы погребальных сооружений, как это произошло с ямами и подбоями, или катакомбы с конструктивными особенностями, однако уже не вызывает сомнений, что преобладающее большинство членов маяцкой общины погребались по единому обряду с сходных по размерам и строению катакомбах.[1]

Что касается инвентаря, то его многообразие на могильнике пока даже трудно представить. Каждый сезон раскопок расширяет его номенклатуру и типы. Достаточно указать, что среди публикуемых здесь вещей 1979 года не были ранее известны топоры, некоторые типы пряжек и бляшек мужских поясов, тип копоушки и коробочка из кости из катакомбы 85 и некоторые другие предметы. Будет пополняться и набор типов и категорий керамики. Вопрос об инвентаре, как и о некоторых других аспектах в изучении Маяцкого могильника будут рассмотрены в последующих работах. Настоящая же преследует иные цели: более детально, нежели в первой публикации, ознакомить с самим могильником на примере катакомб, исследованных в 1979 году. В статье 1984 года был произведен подробный разбор и анализ всей совокупности исследованных за три года катакомб, обобщены данные по их строению, по погребальному обряду; но опубликованы были только планы погребальных камер, в то время как дромосы, и самое главное, стратиграфия катакомб даны только в описа-

---

[1] В 1987 году раскопки могильника продолжила воронежский археолого М.И.Лылова. Из 16-ти раскопанных ею катакомб 15 оказались аналогичны нашим. В то же время открыта катакомба с камерой в боковой стенке дромоса и погребение с глиняной обмазкой, в основе которого опять-таки лежит схема катакомбы. Выражаю признательность М.И.Лыловой за информацию.

тельных и аналитических разделах. Этот пробел восполняется теперь. Полагаю, что непосредственная публикация всей совокупности графической документации, хотя бы по нескольким катакомбам, и их подробное описание значительно конкретизирую представление о погребальном обряде на могильнике в целом послужат иллюстрацией и доказательством сделанных ранее выв дов.

Маяцкий могильник оказался первым среди известных кат комбных могильников, в котором обряд обезвреживания погреб ных путем разрушения их скелетов охватил практически всех гребенных. Естественно, это не могло не повысить интереса к этому обряду, а вместе с тем и вызвало у ряда исследовател сомнение в его существовании. Суть заключается в том, что доказательством бытования данного обычая является не только и даже не столько сам факт наличия в погребениях разрушенных скелетов, а вся совокупность признаков, характеризующих эти погребения и, прежде всего, особенности стратиграфии заполн ния дромосов. Именно стратиграфические наблюдения впервы вели на мысль о трактовке состояния скелетов Маяцкого могильника как результата преднамеренной нарушенности. Это в свою очередь повлекло совершенствование методики раскопок и бол строгой фиксации всех признаков, характеризующих катакомбы разрушенными скелетами /I, с.I80; 2/. Установлено, что дромосы катакомб с нарушенными скелетами имеют определенную п стоянно повторяющуюся в каждой стратиграфию: к торцовой задней стенке примыкает лежащий на дне дромоса "треугольник" плотно утрамбованного суглинка - это остатки первоначального заполнения, засыпанного в дромос после совершения погребения к передней стенке, где расположен вход в камеру, примыкает более рыхлое смешанное заполнение, часто слоистое. Это вторичное заполнение, засыпавшееся в частично раскопанный при совершении обряда разрушения дромос. Дело в том, что при проникновении в дромос для разрушения скелета первоначальн заполнение (суглинок) извлекалось не полностью, а лишь настолько, чтобы сделать доступным вход в камеру. Итак, основным признаком стратиграфии дромосов с разрушенными скелетами является наличие двух массивов заполнения, граница между

которыми проходит сверху вниз от задней торцовой стенки ко входу в камеру (см. на рисунках 2-I7 продольные разрезы катакомб). В некоторых катакомбах граница между первоначальным и вторичным заполнением дромосов отмечена лежащими между ними обломками или целыми закладными плитами (катакомбы 7I, 83) или плахами (катакомбы 74, 77). В дромосе катакомбы 8I на поверхности останца первоначального заполнения лежал череп лошади и угли. Аналогичные находки встречались на могильнике и ранее.

Ниже предлагается описание всех раскопанных в I979 году катакомб (№№ 45, 7I-85). Антропологическая характеристика погребенных дана Т.С.Кондукторовой /3/. Публикуются и все найденные в этих катакомбах предметы за исключением бус, которым будет посвящено отдельное исследование.

В качестве коментария к публикуемым продольным стратиграфическим разрезам несколько слов о методике и процессе раскопок, о чем, к сожалению, кроме как в методических пособиях /4/, писать не принято. Во-первых, после неудачного опыта, мы полностью отказались от использования в раскопках техники для снятия перекрывающего могильник грунта. Это позволило замечать дромосы еще до выхода на уровень коренной породы - суглинка. Во-вторых, это предохранило от разрушения (или просто уничтожения) так называемые тризны, которые представляли на могильнике неглубокие ямки, содержавшие то или иное количество фрагментированной керамики. Что касается непосредственно заполнения дромосов и погребальных камер, то оно исследовалось исключительно послойно, то есть до полного извлечения всего вышележащего слоя не затрагивался подстилающий его. Там, где это было возможно, у стенок дромосов оставлялись стратиграфические колонки. Так же послойно извлекалось заполнение и их камер. Это, естественно, создавало значительные трудности в самом процессе раскопок и сильно замедляло его, однако результаты полностью оправдали это. Чертежи разрезов выполнялись непосредственно в процессе раскопок, а не после их завершения по дневниковым записям или крокам (как это часто бывает). В целях корректности исследования отмечались все, к счастью редкие для могильника, следы деятельности грызунов. В процессе расчистки костных останков погребенных особое вни-

мание обращалось на сохранение их на месте обнаружения. допускалась подвижка при расчистке даже таких мелких кост как фаланги пальцев рук и ног. То же требование относится ко всем находимым предметам. Понятно, что в условиях моги ника, где кости подавляющего большинства скелетов находи в хаотическом состоянии, это требование также значительн затрудняло и замедляло работу.

В процессе исследования могильников с разрушенными летами повышенные требования должны предъявляться и к ка ву зарисовки костей. Опыт показал, что наиболее целесообр но выполнять чертежи погребений в масштабе I : 5, что п ляет впоследствии определять все кости по их изображениям Что касается их определения и подсчета, то они должны пр водиться непосредственно на месте. Напомню, что в соотв вии с требованиями обряда обезвреживания погребенных многи кости удалялись из катакомб или преднамеренно переламывал / I, с.I84-I86 / . Кроме того, среди костей человека изред встречаются кости животных (собаки, барана, свиньи и других В хаосе перемещенных костей человека они могут остаться не опознанными. При соблюдении всех требований раскопки одн катакомбы занимали 3-4, а иногда и более дней.

Катакомба 45 (рис.2). Дромос, ориентированный по ли СЮ, выявлен на глубине 0,7-0,8 м от современной поверхности в виде темного пятна. Его длина - I,45 м, ширина у задней стенки - 0,7 м, у передней - на уровне материка 0,8 м. Л вая стенка имеет небольшой выгиб, правая - почти прямая. Глубина от уровня материка у задней стенки - 0,75 м, у пе редней - 0,88 м. Дно горизонтальное. Передняя стенка ко дну расширяется и достигает 0,9 м, приобретая трапециевидные тания.

У дна дромоса в передней его стенке расположен вход в камеру. Высота входного отверстия - 0,58 м, максимальная ши рина - 0,50 м. Боковая левая стенка входа почти вертикальна; округлый свод плавно переходит в выгнутую правую стенку. Ди дромоса крутым склоном спускается ко дну камеры. Перепад ме ду ними равен 0,6 м, то есть является довольно значительным по сравнению с другими катакомбами могильника.

Вход ведет в левую часть камеры. Последняя в плане имеет овальные очертания с небольшим сужением вправо, к ногам погребенного. Размеры камеры - I,80 x I,I5 м. Боковые и задняя стенки камеры вертикальны. Свод неправильными уступами понижается вправо от входа, где его максимальная высота равняется 0,88 м, в то время как у правой стенки всего 0,44 м. Дно имеет довольно равномерный наклон также в сторону правой стенки, так что перепад пола между боковыми стенками достигает 0,I0 м.

Заполнение дромоса состояло из довольно рыхлой гумусированной супеси, заполнение камеры из смеси супеси с комками суглинка, а непосредственно у дна из более темной сильно гумусированной супеси.

В камере находилось погребение мужчины 30-35 лет.

Погребенный лежал вытянуто на спине вдоль центральной оси камеры. Как и все скелеты могильника он подвергся ритуалу обезвреживания, хотя степень разрушения здесь менее значительна, чем у большинства погребенных на могильнике. В то же время следует обратить внимание на то, что разрушены самые важные части "тела" погребенного: голова и грудная клетка, вмещавшая наиболее жизненно необходимые органы. Череп и нижняя челюсть отброшены к задней стенке камеры, перемешаны ребра, к задней стенке отброшены и кости правой руки. Обращает внимание и положение ног в характерной для связывания схеме - перекрещены у щиколоток, при этом правая лежит поверх левой.

Вещи в дромосе и камере отсутствовали.

Катакомба 7I (рис.3). Дромос выявлен на глубине I,00 м от современной поверхности.

Ввиду того, что его конец уходил в стенку раскопа, он был вскрыт на длину I,4 м, т.е., судя по длине большинства дромосов на могильнике, его длина должна равняться I,8-I,9 м. В плане он имеет довольно неправильные удлиненные очертания. При средней ширине 0,7-0,75 м у входа в камеру он расширяется до 0,88 м. Глубина здесь от уровня материка I,I м. Боковые стенки вертикальные. У катакомбы нет характерного лаза - дромос непосредственно переходит в камеру. Передняя стенка

камеры прямая, наклонная. Правая боковая стенка вертикальная, а левая почти вертикальная.

В полу камеры, перед входом устроена выемка неправильных очертаний (рис.2,А). Её ширина составляет 0,68 м, глубина 0,07 м. О возможном назначении таких выемок я уже писал /I, с.I55-I56/.

Стратиграфия заполнения катакомбы 7I является типичной для могильника (рис.2,В). Оно четко делится на две различные по составу и плотности части. На дне дромоса лежит массив плотного суглинка, опускающийся от задней торцовой стенки дромоса в направлении к камере. Он обрывается в данном случае непосредственно у порога камеры. Это остатки первоначального заполнения дромоса, засыпанного (а затем и утрамбованного) после совершения погребения. При вскрытии дромоса для проникновения в камеру с целью разрушения скелета (т.е. обезвреживания погребенного) суглинок из передней части дромоса был выкинут. После разрушения скелета и совершения всех связанных с этим обрядовых действий, о содержании которых можно лишь догадываться, дромос засыпался окончательно. Вместе с ним теперь засыпалась и камера. Вторичное заполнение уже не утрамбовывалось, оно более рыхлое и состоит из серой супеси с включением суглинка (его пласты хорошо видны в заполнении камеры). На массиве первичного заполнения в дромосе лежит обломок известняковой закладной плиты, ранее, до разрушения скелета, закрывавший свободную от грунта камеру. После "обезвреживания" погребенного и заполнения камеры грунтом необходимость в плите отпала.

В камере находилось парное погребение мужчины 50-55 лет и женщины того же возраста. Оба скелета были полностью разрушены. Первоначального положения не сохранила ни одна из костей. Хотя значительная часть женских и мужских костей оказалась перемешанной, все же на полу камеры более или менее четко выделяются две груды костей: ближе ко входу сконцентрированы в основном кости мужчины, а у задней стенки кости женщины. Благодаря этому можно предположить, что в таком же порядке лежали и сами погребенные.

На полу камеры,начиная от входа и кончая задней стенкой,

в полном беспорядке были разбросаны вещи (рис.I8, I-I0). Из них мужчине принадлежали: топорик железный с узким обушком и широким лезвием; два обломка железного ножа плохой сохранности; поясной набор, состоящий из бронзовой пряжки со щитком, покрытым растительным орнаментом, пяти трехлепестковых бляшек с колечками, одной трехлепестковой без колечка и трех трехлепестковых маленьких с прорезью, все бляшки бронзовые. Женщине принадлежали: золотая серьга, от которой сохранился только шестигранный стержень; набор бус; одна веретенообразная черная с белыми поперечными полосками, две черные глазчатые (глазки синие с черно-белыми ободками), бусы с металлической прокладкой (семичастная - I, трехчастные - 6, четырехчастные - 2, двухчастные - 6, одиночные - 5), голубые бусы с серебрянной прокладкой (четырехчастная - I, двухчастные - 2, одиночная - I), голубая четырехгранная. Кроме указанных предметов в камере находились медные кольцо и перстень, которые в равной степени могли принадлежать как мужчине, так и женщине. В левом переднем углу камеры лежали остатки деревянного предмета в виде плоской плахи длиной 0,33 м и шириной 0,I0 м. Вдоль нее проходил один желобок, а поперек два.

Под деревянной плахой лежали несколько позвонков барана (?) - это единственная из находок в камере, сохранившая свое первоначальное положение, о чем можно судить по аналогичным находкам в других катакомбах могильника.

Катакомба 72 (рис.4). Дромос выявлен на глубине I,00 м от современной поверхности в виде темного пятна на фоне желтого материкового суглинка. Очертания дромоса в плане удлиненно-трапецевидные. Длина по уровню материка - 2,I0 м, ширина - задней стенки 0,58 м, передней - 0,80 м. Задняя стенка имеет незначительный наклон, пол - горизонтальный, параллельный уровню материка. Передняя стенка отвесная. Ко дну она постепенно расширяется до 0,95 м.

В камеру ведет вход в виде округлого лаза высотой 0,48 м и шириной 0,58 м. Вокруг входа устроена сплошная выемка для закладной плиты высотой до 0,7 м (рис.4,Б). Подобные выемки встречаются на могильнике неоднократно/ I, с.I5I, рис.4, с. I52, рис.5/ . Самой плиты в дромосе не оказалось.

Дромос вел в левую половину камеры, имеющей удлиненно-овальные очертания. Длина камеры - 2,23 м, максимальная ширина (перед входом) - I,43 м. Слегка провисающее дно камеры плавно переходит по всему периметру в стенки, а последние в уплощенный свод. Дно камеры лежит на 0,40 м ниже пола дромоса. Максимальная высота свода приходится на левую часть камеры и составляет 0,85 м. К ногам погребенного свод равномерно понижается. В полу камеры перед входом расположена выемка длинной I,6 м, шириной 0,5 м и глубиной до 0,05 м (рис.4,А). Аналогичная выемка имелась в камере катакомбы № 7I.

Стратиграфия и структура заполнения катакомбы типичны для могильника: задний "треугольник"дромоса состоит из светлого плотного суглинка с примесью меловой крошки - остатки первоначального заполнения. Часть дромоса, примыкающая к камере и сама камера заполнены довольно однородной смесью темного гумусированного сыпучего грунта с меловой крошкой - вторичное заполнение.

Вдоль задней стенки камеры, головой влево от входа в вытянутом на спине положении был погребен мужчина 25-35-тилетнего возраста. Скелет подвергся значительному разрушению. Череп, нижняя челюсть, кости правой руки, правая лопатка и часть позвонков отброшены к левой стенке камеры, ближе ко входу. Разрушена верхняя часть грудной клетки. Правая бедренная кость оказалась у задней стенки камеры, а обе берцовые на месте костей предплечья правой руки. Лучше всего сохранили анатомический порядок кости левой руки и левой ноги, однако, и они несколько смещены.

На месте живота, слева от позвоночника лежал нож. Вероятно, он был подвешен к кожаному поясу, пряжка которого лежала слева от таза (рис.I8, II-I2). Данный тип пряжки встречен на могильнике впервые.

В левом переднем углу камеры обнаружены три сочлененных позвонка барана (?).

Катакомба 73 (рис.5). Дромос этой катакомбы по ряду причин раскопать не удалось. Камера не имела характерного входа - лаза, так как объем дромоса переходил непосредственно в объем камеры, а передняя часть дромоса, точнее его передняя стенка нависала над ней. Дно дромаса лежит на уровне I,80 м от современной поверхности и на 0,35 м ниже уровня материка. Такая малая заглубленность в материк и объясняет отсутствие лаза. Камера имеет овальные очертания с незначительным сужением к ногам погребенного. Ее длина - 2,I0 м, ширина против дромоса I,50 м. Горизонтальный пол камеры лежит на 0,55 м ниже дна дромоса. Стенки вертикальные с незначительным наклоном. Свод фактически отсутствует, опять же из-за незначительной заглубленности в материк и непрочности последнего на данном участке могильника.

Заполнение камеры однородно - темный гумусированный грунт с приместю меловой крошки. Таково же заполнение примыкающей к камере части дромоса.

Лежавший на полу камеры скелет мужчины в возрасте 40-45 лет подвергся значительному разрушению. Первоначально погребенный лежал вдоль продольной оси камеры, несколько ближе к ее задней стенке, в вытянутом на спине положении. Сохранившие первоначальное положение, берцовые кости находятся в скрещенном положении. Соответственно in situ и кости стоп. Незначительно сдвинута правая бедренная кость. Все остальные кости находятся в полном беспорядке в левой половине камеры, то есть на месте верхней части корпуса погребенного. Череп теменем вниз лежит в переднем левом углу камеры, нижняя челюсть в районе грудной клетки. Многие кости надломлены, в том числе ряд костей рук и ног. Впрочем, механическое повреждение костей могло быть связано в данном случае и с большим давлением грунта, так как свода камера не имела.

Единственная находка в камере - железный нож, лежавший слева от погребенного (рис.I8,I3).

Катакомба 74 (рис.6). По строению она близка предыдущей. Дромос выявлен на глубине I,60-I,70 м от современной поверхности под пластом древнего оползня. Он имеет нечеткие трапециевидные очертания, причем его правая стенка отделена от камеры небольшим выступом. В поперечном разрезе дромос представляет полуовал. Дно горизонтальное, длиной I,80 м. Длину дромоса по уровню материка определить практически невозможно, так как камера не имеет свода. Заглубленность в ма-

терик незначительна: дромоса 0,58 м, камеры - 0,70 м. Это исключало устройство свода. Боковые и задняя стенки камеры имеют небольшой наклон к центру. Передняя стенка фактически отсутствует.

Камера очень невелика (длина - I,44 м, ширина - I,05 м), она овальная в плане, причем, в отличие от большинства камер могильника, расширение приходится на правую ее половину, что определялось, видимо позой погребенного.

Задний треугольник дромоса был заполнен суглинком со значительной примесью меловой крошки и щебенки; передняя часть дромоса и камера заполнены более комковатым суглинком в смеси и с более крупной меловой щебенкой. Непосредственно в камере суглинок чередуется с пластами темного грунта, имеющими общий наклон к задней стенке.

В камере был погребен мужчина 55-60 лет. В отличие от всех мужчин, погребенных на могильнике, этот лежал не вытянуто на спине, а, вероятно, в скорченном положении на боку, что объясняется болезнью позвоночника: на многих позвонках имелись сильные костные наросты, что препятствовало его гибкости. Скорченность позы объясняет небольшие размеры камеры. Отметим, что у погребенного отсутствовала значительная часть зубов.

Скелет был подвергнут разрушению. Полностью разрушена грудная клетка, перемещены кости рук и ног, отделен череп, а от него нижняя челюсть, В относительном анатомическом порядке остался лишь позвоночный столб.

Рядом с левой костью таза лежала железная прямоугольная пряжка плохой сохранности (рис.I8,I4).

Катакомба 75 (рис.7). Ее дромос выявлен на глубине I,20 м на фоне суглинка. Он имеет округленные углы и слегка расширяется в направлении к камере. Длина на уровне материка - I,78 м, ширина у задней стенки - 0,80 м, около передней - I,03 м. Задняя и боковые стенки наклонные, передняя, нависающая над входом в камеру, вертикальная. Дно горизонтальное, глубина от уровня материка 0,88 м.

Камера имеет значительно более овальные очертания нежели большинство камер могильника. Ее размеры - I,63 х I,30 м. Расположена на 0,50 м ниже дна дромоса. Стенки круто поднимаются к упрощенному своду, максимальная высота которого (перед входом) составляет I,02 м. В камеру ведет овальный вход, высота которого составляет всего 0,34 м, а ширина - 0,58 м.

Заполнение дромоса типично для могильника. Оно и здесь четко делится на остатки первоначального (суглинок у задней торцовой стенке) и вторичное (рыхлый гумус перед камерой). Камера заполнена значительно более рыхлым суглинком, включающим пласты темносерой супеси. Плита перед камерой отсутствует (рис.7,В).

В камере находилось двойное погребение. Скелет, лежавший у задней стенки (погр. П), принадлежал девушке I2-I5 лет, Скелет подвергся значительному разрушению. Более-менее близкое к первоначальному сохранили свое положение кости ног, таза и нижняя часть позвоночного столба. Судя по ним, погребенная лежала на правом боку головой влево от входа. Ноги были слегка согнуты в коленях. Позже верхняя часть скелета была полностью разрушена, а кости оставлены здесь же на месте.

Второй скелет, лежавший ближе ко входу (погр.I) оказался разрушенным настолько, что ни одна из костей не сохранила прежнего положения, что исключает всякую возможность реконструкции позы. Разрушенным оказался и череп, а также кости таза. Неудовлетворенной оказалась и сохранность костей вообще. Все это затрудняет определение пола второго погребенного. Можно лишь предположить, что им был мужчина. Основанием для этого могут служить найденные среди костей этого скелета железный нож и пряжка (рис.I9,I,4). Что касается возраста, то судя по росту (здесь не мог быть погребен в вытянутом положении человек ростом выше I40 см), а также плохой сохранности костей погребенный едва ли был намного старше лежавшей здесь же девушки.

Кроме упомянутых в камере найдены следующие вещи. Влево от входа небольшой цилиндрический свинцовый предмет со сквозным отверстием (высота 25 мм, диаметр 24 мм) (рис.I9,2).

Среди женских костей найдены бронзовая пуговица из двух спаянных половинок (рис.I9,3) и набор бус: округлые лиловые -

2, двухчастная золотистая пронизка - I, бисерина с голубым покрытием, золотистые бисерины - 2, бисерины черные с поперечными белыми полосками - 3, реберчатые бисерины неопределенного цвета - 2, бисерины печоночного цвета - 4, бисерины желтые непрозрачные - 4, бисерины голубые непрозрачные - II.

Катакомба 76 (рис.8). Дромос выявлен на горизонтальной поверхности материка, задний его конец - на глубине I,I5 м, а передний - на глубине I,55 м от современной поверхности. Длина дромоса на уровне материка равна 2,4 м. От задней стенки в направлении ко входу он резко расширяется с 0,52 м до I,I0 м. Углы закруглены. Задняя и боковые стенки наклонные. Передняя нависает над входом в камеру. Благодаря этому длина горизонтального дна дромоса составляет всего I,90 м, а ширина у заднего торца и входа соответственно 0,32 и 0,84 м. В камеру ведет овальный вход, ширина его равна ширине дромоса в месте их соединения. Высота по вертикали - 0,60 м, однако из-за того, что пол входа имеет наклон в сторону камеры, фактическая его высота равна 0,70 м. На пороге перед камерой лежала плоская известняковая плита (0,30 х 0,60 х 0,I0 м). Ее размеры 0,30 х 0,60 м, толщина 0,I0 м. Она является частью заслона, закрывавшего в свое время вход в камеру. Рядом с плитой лежал небольшой обломок мела, служивший ей подпоркой. Дно дромоса наклонной стенкой спускается к полу камеры. Перепад составляет 0,55 м.

Камера в плане правильно овальная. Длина камеры - I,85 м, ширина - I,35 м. Потолок и боковые стенки образуют свод, высотой 0,98 м. Задняя и нижняя часть заполнения дромоса состояла из плотного суглинка. Его массив начинался на уровне материка на расстоянии 0,70 м от торцовой стенки и затем равномерно спускался к уже описанной плите. Остальной объем камеры, примыкающий к передней стенке состоял из темного гумусированного грунта, переходящего в заполнение камеры: резко опускающихся слоев меловой крошки и щебенки в смеси с суглинком и более тонких слоев того же темного грунта. В центре этого заполнения находился плотный слой мелового раствора (?) толщиной до 0,20 м.

В камере находилось погребение женщины 30-35 лет. Скелет оказался разрушенным с такой тщательностью, что восстановить первоначальное положение и позу погребенной невозможно. Большинство костей в полном беспорядке: отдельными кучками они лежали в правой половине камеры (обычно кости разрушенных скелетов концентрируются в левой). Набор костей неполный, ряд костей поломан.

Большинство находок также были обнаружены в правой половине камеры среди костей человека. Лишь несколько бус и фрагменты керамики лежали на полу камеры против входа. Керамические обломки представлены тремя обломками чернолощенного кувшина, двумя - сероглиняной кружечки, одним - серолощенного сосуда неопределимой формы. В набор бус, находившихся в виде отдельных скоплений, входили: черная бочковидная с глазами в белом ободочке, синяя бочковидная с глазками, половинка голубой глазчатой (глазки сине-белые), трехчастная реберчатая пронизка синеватого цвета, одна с золотой прокладкой, разноцветный бисер - 27 шт.

Немногочислены и прочие находки: пуговица с петелькой, (спаяна из двух медных полушарий и позолочена, рис.I9,5); петелька от такой же пуговицы (рис.I9,6); серебряная обойма в виде реберчатого колечка (рис.I9,7); серьга составная, от которой сохранилось золотое кольцо с диском и золотая шестигранная трубочка-подвеска (рис.I9,9); амулет из кости животного с отверстием для подвешивания (рис.I9,8).

Примечательна находка в камере нескольких костей собаки. Кости собаки неоднократно встречались в катакомбах Маяцкого могильника, в частности, в камере катакомбы 30 /I, с.I58, рис.9 /.

Катакомба 77 (рис.9). Дромос выявлен на уровне материкового суглинка на глубине I,4 м (у передней стенки) и 0,80 м. (у задней торцовой). Как и у катакомбы 76, он резко расширяется в направлении от торцовой стенки к камере, причем передняя стенка дромоса нависает над входом в камеру. Длина дромоса по уровню материка 2,30 м, ширина торцовой стенки - 0,52 м, ширина перед камерой, где дромос делает небольшой изгиб вправо (к северу) равна 0,98 м. Торцовая стенка прямая, передняя

скруглена. За счет значительного наклона задней стенки (I5 , а также боковых, особенно правой (северной), размеры дромоса на уровне дна значительно меньше, нежели на уровне материка. Длина - I,66 м, ширина у торца - 0,36 м, ширина у входа - 0,70 м.

Объем дромоса непосредственно переходит в объем камеры Вход типа лаза отсутствует: дно дромоса плавно переходит в пол камеры, лежащий ниже его всего на 0,I6 м. Камера имеет неправильные очертания, в правой части расширяется. Размеры ее невелики: длина - I,40 м, ширина перед входом - 0,95 м, а у правой боковой стенки - I,09 м. Стенки круто поднимаются к уплощенному своду, наибольшая высота которого - I,06 м - приходится на правую часть камеры.

Характер заполнения прежний. К торцовой задней стенке примыкает массив суглинка первоначального заполнения, верхний срез которого полого опускается ко входу в камеру. На суглинке лежат остатки плах, закрывавших камеру до разрушения скелета (рис.I9,В). Остальная часть дромоса заполнена темным более рыхлым грунтом, а большая часть камеры комковатой смесью суглинка и темного грунта. Подкупольная часть камеры заполнена более гумусированным грунтом.

В камере находился полностью разрушенный скелет женщины 30-40 лет. Незначительная длина камеры, а также сохранившая первоначальное положение часть позвоночного столба позволяет предполагать, что погребенная лежала в скорченной позе, головой влево, лицом ко входу. Большинство костей свалено в одну груду в центре камеры. Череп с отдаленной нижней челюстью лежали в левом переднем углу. В разных местах пола камеры находились отдельные мелкие кости (фаланги, позвонки).

Среди основной груды костей находились следующие вещи: костяной амулет с отверстием для подвешивания (рис.I9,I0), аналогичный амулету катакомбы № 76, и набор бус: голубые прозрачные шестигранные - 5, двучастные пронизки с позолотой - 5, трехчастные пронизки с позолотой - 2, двухчастная пронизка с голубым покрытием, серебряная двухчастная пронизка, реберчатая двухчастная пронизка неопределенного цвета, золоченые бисерины - 2, неправильно-овальные из раковины (?) - 3.

Катакомба 78 (рис.I0). Ее дромос выявлен на глубине I,40-I,55 м от современной поверхности. Длина его на уровне материка составляет I,95 м, ширина у торцовой стенки 0,90 м, в направлении к камере он неравномерно расширяется, достигая к концу I,30 м. Торцовая и боковые стенки наклонные, причем первые плавно переходят в плоскость горизонтального дна, длина которого составляет I,45 м. Передняя стенка нависает над камерой.

Пол входа наклонен в сторону камеры, шириной он равен дромосу, высота его по вертикали равна 0,60 м, фактическая - по линии наклона - 0,70 м.

Камера, как и дромос обработана небрежно. В плане она удлиненно-овальная, длина - 2,05 м, ширина дромоса - I,I5 м. Пол на 0,48 м ниже дна дромоса и имеет незначительный наклон к задней стенке. Левая стенка почти вертикальная, круто переходящая в потолок. Последний постепенно понижается, смыкаясь с полом в правой стороне камеры. Максимальная высота потолка камеры - I м.

И в этой катакомбе мы сталкиваемся с уже знакомой стратиграфией заполнения. На дне дромоса лежит массив суглинка первоначального заполнения, обрывающийся на пороге камеры. Последняя заполнена рыхлой смесью супеси и суглинка.

В камере находился полностью разрушенный скелет мужчины 35-45 лет. Значительная часть костей отсутствовала. Оставшиеся разбросаны по центру камеры и у входа. Череп лежит у левой стенки камеры, здесь же нижняя челюсть. Ни одна из костей не сохранила естественного положения.

Среди костей найдено всего две вещи: полусогнутый нож и железная пряжка (рис.I9, II-I2).

Катакомба 79 (рис.II). Дромос, обнаруженный на глубине I,30-I,40 м от современной поверхности, невелик. Его длина равна всего I,50 м. От округлой торцовой стенки он постепенно расширяется в сторону камеры до I,I0 м. Торцовая, задняя стенка имеет небольшой наклон, дно горизонтальное, передняя стенка вертикальная, она находится в одной плоскости с передней стенкой камеры, благодаря чему стало возможным соо-

рудить в камеру характерный вход-лаз.

Вход в камеру имеет хорошо выраженные арочные очертания. Его высота 0,41 м, ширина по основанию арки - 0,58 м. Левая стенка лаза более крутая, правая - более пологая. У передней стенки дромоса по бокам от лаза имеются небольшие вертикальные выемки, служившие для более устойчивого крепления плах, закрывавших вход камеры после совершения погребения. Вероятно, две такие плахи были использованы вторично после разрушения скелета погребенного. Каждая из них имела ширину около 0,20 м и высоту не менее 0,40-0,50 м. Они были установлены в вертикальном положении по краям лаза, частично закрыв его. В оставшемся между ними пространстве на пороге камеры остриём в сторону дромоса на боку лежал железный топорик с трапециевидной боевой частью (рис.20,I). Во втулке сохранились остатки обломанной деревянной рукояти. Такое оформление входа после обряда обезвреживания погребенного единственное на могильнике. Нет сомнения, что оно связано с этим обрядом и вызвано, как мне представляется, какими-то особенностями личности погребенного или обстоятельствами его смерти. Не исключено, что данного погребенного особо опасались и топор на пороге должен был послужить дополнительным препятствием выхода его "духа" из погребальной камеры. Естественно, это только одно из возможных объяснений.

Камера имела в плане удлиненно-овальные очертания. Вход вел в левую, западную половину камеры. Вправо камера равномерно сужалась, длина камеры - 2,2 м, максимальная ширина - I,33 м. Пол имеет небольшой наклон к задней стенке, он ниже уровня дна дромоса на 0,48 м. Боковые стенки прямые, с небольшим наклоном поднимаются к потолку. Задняя стенка наоборот вогнутая. Наиболее небрежно выполнен свод камеры, состоящий из хаотично сочлененных плоскостей. Максимальная его высота над уровнем пола - I,I м.

В камере находилось погребение мужчины в возрасте 35 - 45-ти лет. Судя по длине камеры и по сохранившимся в близком к первоначальному положению ряду позвонков (учитывая имеющиеся аналогии других погребений), можно с достаточной уверенностью сказать, что погребенный лежал на спине с вытя-

нутыми ногами. Часть верхних позвонков и ребер правой стороны были перемещены незначительно. Череп был перевернут лицом к стене, а нижняя челюсть отброшена к левой стенке. Основная груда костей лежала у задней стенки. Несколько костей находились у правой стенки в самом дальнем от входа углу камеры. На дне камеры, особенно перед входом, лежали отдельные древесные угли.

Кроме упоминавшегося топора, в камере найдены следующие вещи: справа от входа две бронзовые бляшки поясного набора в форме щитка с подвижным колечком (рис.20,2); плохо сохранившиеся железные детали колчана (рис.20,4); также плохо сохранившийся железный наконечник стрелы (вероятно, трехлопастной) (рис.20,6); здесь же находились мелкие обломки плоских костяных пластин - детали лука или колчана; у правого плеча лежала костяная коробочка. Подобные изделия зачастую необоснованно называют горлышками бурдюка (рис.20,7). Ее поверхность украшена циркульным орнаментом. Кроме того, в камере найден обломок медной пластинки (рис.20,3) и стеклянная буса с металлической прокладкой.

Наличие топорика, колчана, наконечника стрелы и деталей поясного набора характеризуют погребенного как воина. Такие выразительные воинские наборы на могильнике встречаются не часто.

Катакомба 80 (рис.I2). Очертания дромоса этой катакомбы были замечены не на уровне суглинка, а в перекрывающей его темно-серой супеси, что удавалось на могильнике далеко не всегда. Благодаря этому, прослежены и зафиксированы новые детали строения дромоса, впервые замеченные при раскопках дромоса катакомбы 63 в I978 году/ I, с.I49 /. Речь идет об уступчатом строении продольных (боковых) стенок дромоса. В данном случае пологие ступеньки приходились на предматериковый слой (рис.I2,Б).

На этом уровне ввиду неустойчивости перекрывающего могильник темного гумусированного грунта, а также предматерика, дромос имеет довольно нечеткие очертания и скорее может быть назван ямой, а не коридором. Так длина его достигает на предматериковом уровне 2,6 м (!), а ширина I,6 м(!), и только

ниже дромос приобрел свои обычные очертания и размеры: длина дна составляет I,50 м, ширина - 0,70 м. Наиболее четко пологая ступенька прослежена на левой стенке дромоса. В связи с этим напомню, что четко выраженную ступеньку вдоль одной стенки имел дромос катакомбы 58 / I, с.I48 /.

Камера имеет в плане очертания близкие к правильной окружности. Несколько вытянутой оказалась только ее восточная сторона. Длина камеры - I,70 м, ширина - I,50 м. Пол, лежащий на 0,55 м ниже дна дромоса, довольно неровный, "провисающий" в центре. Боковые и задняя стенки круто поднимаются от пола, а затем с высоты 0,75 м плавно переходят в потолок. Последний достаточно хорошо обработан, на нем нет грубых уступов, ни впадин.

Заполнение по составу и стратиграфии типично для могильника. На дне дромоса лежит пласт суглинка первоначального заполнения. Интересно, что часть его сползла через порог в камеру. Сама камера до свода заполнена пластами смешанного состава, супеси и рыхлого суглинка. Верхняя же часть дромоса, примыкающая к камере, представляла собой рыхлую супесь.

В камере находилось захоронение женщины 20-25 лет. Скелет оказался полностью разрушенным, а кости вместе с черепом компактной кучкой свалены у левой стены. Лишь отдельные мелкие кости разбросаны по оставшемуся большому пространству камеры.

Погребенную сопровождали вещи, первоначальное положение которых также не поддается определению (рис.I9, I3-I9): нож относительно хорошей сохранности, длина его клинка I0 см; зеркало круглое диаметром 4,8 см, на обратной стороне петелька для подвешивания и орнамент в виде двух концентрически расположенных валиков с зигзагом между ними; обломок второго зеркала диаметром около 4 см; обломок бронзовой серьги (колечко с напаянным диском); пуговица (из белой бронзы - ?) литая с петелькой для подвешивания; браслет витой медный с несомкнутыми концами, диаметром около 5,5 см; трубочка свернутая из листика меди и набор бус, состоявший из округлой желтого непрозрачного стекла бусины, цилиндрической коричневой с поперечными полосками, двухчастной пронизки с металлической прокладкой, трехчастной пронизки черного стекла, такой же двухчастной, трехчастной голубой непрозрачной пронизки, пятичастной пронизки зеленого непрозрачного стекла, четырехчастной пронизки неопределенного цвета с металлической прокладкой, двух бисерин - голубой и зеленой непрозрачных.

Катакомба 8I (рис.I3). Темное пятно ее дромоса выявлено на светлом фоне суглинка на глубине 0,80-0,96 м от современной поверхности. Следует сразу отметить, что свод у камеры фактически отсутствует. Существует лишь небольшой карниз, идущий по периметру задней и боковых стенок. Таким образом, под дромосом в данном случае подразумевается как собственно дромос, длина которого по дну составляет всего I,90 м, так и верхняя часть камеры. Дромос постепенно расширяется от торцовой стенки, где его ширина равна 0,70 м, к камере, где его ширина над порогом достигает I,30 м. Линия стенок дромоса неровная, задняя стенка имеет скругления при переходе в боковые. Дно горизонтальное. Глубина дромоса от уровня материка составляет 0,80 м. В целом дромос выполнен весьма небрежно. Отчасти это связано с большой плотностью материка на данном участке могильника. Дно дромоса пологим спуском высотой 0,56 м соединяется с полом камеры. Последняя в плане овальная с заметным сужением вправо и влево от центра. Плоский ровный пол камеры имеет значительный наклон в сторону задней стенки (перепад высот достигает 0,I0 м). Боковые стенки выпуклые. Основная, для данной камеры, задняя стенка круто от пола поднимается вверх и обрывается всего в 0,30 м от верхнего горизонта суглинка. По вертикали ее высота составляет I,40 м. Говорить о высоте свода камеры не приходится, так как он фактически отсутствует. При столь незначительной заглубленности камеры в материк он не мог быть бы прочным.

В камере был погребен мужчина 45-50 лет, скелет которого был полностью разрушен. Нет ни одной кости в положении

Значительная часть костей отсутствует. Имеющиеся в наличии кости были разбросаны в центре и левой части камеры, ближе к задней стенке. О том, что погребенный первоначально лежал вытянуто на спине, можно судить лишь по значительной длине камеры в сравнении с ее шириной. План камеры

в целом характер для одиночных мужских погребений могильника.

На полу камеры попадались отдельные мелкие угольки. Некоторая их концентрация отмечается только у входа. Никаких вещей в камере после обряда обезвреживания не осталось.

В заключении остановимся на характеристике заполнения камеры и дромоса (рис.I3,В). В целом их схема характерна для могильника, но отличается некоторыми особенностями. Нижняя часть дромоса была заполнена плотно утрамбованной смесью светлого суглинка с меловой щебенкой - остатки первоначального заполнения. Его массив, начинаясь у торцовой стенки, постепенно опускался и частично сполз в камеру, расплывшись около передней стенки. Над порогом камеры на этом слое в перевернутом положении лежал череп лошади без нижней челюсти. Остальная, передняя часть дромоса и основной объем камеры заполнены такой же смесью суглинка с мелом, но менее плотной. В камере эта масса лежала на слое гумусированной супеси толщиной 0,I5-0,20 м, а последняя на мешанном слое суглинка с темным грунтом (толщиной также 0,20 м), лежавшем в свою очередь непосредственно на полу камеры. И наконец, все заполнение дромоса и камеры было перекрыто на уровне материка темной сыпучей гумусированной супесью - пласт в 0,I8-0,20 м.

Что касается черепа лошади, то он лежал в неестественном положении - на темени, нижняя челюсть отсутствовала. Надо полагать, череп сначала находился в камере вместе со скелетом человека, но после обряда обезвреживания был выброшен из камеры. Напомню, что отдельные кости лошади были встречены в камере катакомбы 3/I, с.I63, рис.II/. Примечательно, что черепа среди них не было.

Граница между двумя основными пластами заполнения, помимо черепа лошади, был отмечена древесными угольками (рис.I3, А,В).

Катакомба 82 (рис.I4). Очертания дромоса выявились на глубине 0,90 м от поверхности. На этом уровне его длина составляла I,40 м, ширина у торца - 0,65 м, у порога камеры 0,90 м, глубина от уровня суглинка 0,80 м.

Камера, как и у катакомбы 80 не имела входа типа лаза, поскольку передняя часть дромоса "прорезала" свод камеры.

Камера лежит на 0,64 м ниже дна дромоса. В плане она имеет удлиненные очертания. Задняя стенка круто поднимается вверх, сливаясь с передней стенкой дромоса. Боковые - округлые. Вправо, к ногам погребенного отмечается некоторое понижение потолка. Пол несколько приподнимается у стенок по всему периметру. В целом камера, как и дромос, сооружена довольно небрежно.

В камере находилось погребение мужчины 40-45 лет. Скелет подвергся разрушению, однако, первоначальная поза может быть восстановлена - вытянуто на спине головой влево по отношению дромоса. Близкое к первоначальному сохранили положение кости левой ноги и берцовые кости правой. Не исключено, что голени погребенного были скрещены. Однако, в связи с тем, что положение большой берцовой кости правой ноги оказалось несколько нарушенным, а малая вообще на месте отсутствует, утверждать с уверенностью этого нельзя. Верхняя часть скелета разрушена полностью, включая и таз. Кости свалены здесь же. Некоторый анатомический порядок сохранился у большей части позвоночника в сочленении с крестцом. Череп теменем вниз лежал в районе левого плеча, рядом с ним - нижняя челюсть.

Схема заполнения обычна. Нижний "треугольник" дромоса состоит из плотно утрамбованного светлого суглинка с примесью меловой щебенки. Вторичное заполнение слоистое и рыхлое (рис.I4,В).

В камере характерный для многих мужских погребений Майцкого могильника набор: железные нож и прямоугольная пряжка (рис.2I,I-2). Нож был отброшен к ногам погребенного, пряжка оставалась в районе пояса.

Катакомба 83 (рис.I5). Ее дромос выявился на глубине 0,78 м, длина его равна 2,32 м, а ширина на всей протяженности 0,60 м. В отличие от подавляющего большинства дромосов могильника, он имеет очень четкие контуры: его продольные стенки строго параллельны и в то же время вертикальны. Сомнительно, что такое строение дромоса имело определенную смысловую нагрузку, так как по остальным признакам (характер заполнения, состояние скелета, набор и типы вещей) ка-

такомба 83 ничем не выделяется среди прочих. Объем дромоса переходит непосредственно в объем камеры. Входа типа лаза здесь также нет.

Камера длиной I,80 м и шириной I,I0 м имеет очертания близкие к овалу. Пол камеры лежит на 0,48 м ниже дна дромоса и имеет небольшой наклон к задней стенке. Задняя стенка камеры крутая, боковые пологие с равномерным переходом в сводчатый купол высотой 0,84 м.

Нижняя часть дромоса забита светлым суглинком. Его пласт у задней стенки возвышается над дном на 0,60 м, а затем постепенно понижается в направлении к камере. Это уже знакомое нам первоначальное заполнение. На нем лежит раскололовшаяся закладная плита (рис.I5,A,B), закрывавшая в свое время вход в камеру с еще непотревоженным захоронением. В связи с данной находкой, я хочу еще раз обратить внимание на тот факт, что в тех случаях, когда плиты или плахи по каким-то причинам не были удалены из дромоса, они всегда, без исключений, лежат на останце первоначального заполнения.

Чрезвычайно выразительно в катакомбе 83 вторичное заполнение. В отличие от плотного светло-желтого останца первоначального, оно рыхлое, темное и однородное с одной сильно гумусированной прослойкой. Столь четкое различие двух разновременных массивов заполнения, подчеркнутое лежащей на их границе плитой, делает стратиграфию катакомбы своеобразным эталоном для могильника.

В камере находилось погребение женщины 30–40 лет. Скелет полностью разрушен, кости перемешаны, некоторые из них отсутствуют. Большинство оставшихся лежат грудой у задней стенки в правой половине камеры. Череп и нижняя челюсть - в правом заднем углу.

На полу камеры в беспорядке были разбросаны следующие вещи: обломки железного ножа с бронзовой обоймой (рис.2I, 3-4); обломок перламутровой пуговицы (рис.2I, II); половинка серебряного перстня с утраченной стеклянной вставкой, крепившейся четырьмя ложнозерневыми лапками (рис.2I,9); медные трубочки-ручки туалетных кисточек (рис.2I,5-6); фрагменты медной пуговицы-бубенчика (рис.2I,7-8). Кроме того, в ка-

мере находился набор бус: большая глазчатая (глазки синие в желто-белых ободочках), желтая с синими глазками в бело-синих ободочках, четырнадцатигранная синяя прозрачная, удлиненная полосатая неопределенного цвета, округлая с двумя противолежащими глазками, состоящими из красного ядра, желтого ободка и зелено-белых "ресничек", реберчатая пронизка, голубая прозрачная шестигранная, шесть синих непрозрачных бисерин.

Катакомба 84 (рис.I6). Ее дромос стал заметен на глубине I,05 м от современной поверхности. Длина дромоса по уровню материка 2,20 м, из них 0,54 м - над камерой. Очертания дромоса удлиненные с некоторым расширением в направлении к камере. Ширина его у торцовой стенки 0,52 м, над порогом камеры 0,80 м. Левый угол торцовой стенки срезан . Передняя стенка, нависающая над центром камеры, округлена. Дно дромоса длиной I,40 м имеет незначительный наклон в сторону камеры.

Камера овальная, небольшая. Длина - I,43 м, ширина - 0,95 м. Дно имеет резкий наклон к задней стенке, перепад составляет 0,I0 м. Боковые стенки овальные, плавно переходящие в пол, задняя - прямая с небольшим наклоном, на высоте 0,48 м под тупым углом переходящая в свод, высота которого - 0,75 м.

В камере находилось погребение подростка I0-I2 лет. Судя по довольно большому количеству бус, это девочка. О том же свидетельствует и реконструкция позы погребенной. Скелет в значительной степени разрушен, но положение остатков позвоночника, некоторых ребер, костей стоп, и даже смещенных длинных костей ног, погребенная лежала первоначально на правом боку головой влево, лицом ко входу. Эта поза характерна для взрослых женщин.

Предметы, найденные в камере, безусловно не подверглись перемещению: нож железный (рис.2I,I2) и бусы, лежали в районе пояса. Набор бус состоял из четырех четырнадцатигранных синих прозрачных и двух такого же стекла овальных.

Несмотря на весьма юный возраст, погребенная была подвергнута обряду обезвреживания, о чем свидетельствует стратиграфия катакомбы и состояние скелета. Надо полагать, что возраст в I0-I2 лет был для девочек аланского раннесредневеково-

го населения Дона той гранью, за которой оставалось детство и начинался переход в группу взрослых женщин. Об этом гово рит и поза погребенной. Вероятно, с этого времени она могла выступать в качестве невесты, а, возможно, могла быть и вы-дана замуж.

Катакомба 85 (рис.I7). Дромос удлиненных очертаний с незначительным расширением к камере выявлен на глубине 0,9 м. Торцовая и передняя его стенки овальные. Размеры на уро не суглинка: длина - 2,I м, ширина - 0,44 м, ширина над п рогом - 0,80 м.

В камеру ведет вход-лаз прямоугольного контура с окру лыми углами. Высота лаза 0,55 м по вертикали, но из-за тог что лаз сделан в наклонной плоскости передней стенки, факти ческая его высота равна 0,68 м, а ширина - 0,56 м.

Камера, как уже описанная в катакомбе 80, относится к типу овальных, характерных преимущественно для женских зах ронений/ I, с.I53, рис.6/ . Пол камеры лежит на 0,52 м ниж дна дромоса. В полу перед входом выемка глубиной 0,08 м и шириной до 0,40 м. Левая и задняя стены камеры наклонны, пр вая - до высоты 0,80 м почти перпендикулярна, а с указанной высоты резко переходит в свод. Свод камеры, вероятно, несколь-ко обвалился. В настоящее время его максимальная высота I,3 м. В целом, камера выполнена менее тщательно, чем дромос. Происходит это, надо полагать из-за ее значительных размеро длина I,90 м, ширина по осевой линии дромоса - I,70 м.

В камере была погребена женщина 30-35 лет. Первоначаль ную позу установить невозможно - скелет подвергся чрезвычай но тщательному разрушению: перемещенными оказались даже ф ланги пальцев ног, что отмечается весьма редко. Отсутствует значительная часть ребер и позвонков. Большинство костей свалено в левой половине камеры ближе ко входу: длинные кос-ти рук, кости таза, ребра, позвонки; здесь лежали в расчле ненном состоянии череп и нижняя челюсть. Фаланги пальцев рук свалены кучкой непосредственно перед входом, а ног - у пра-вой стенки (это единственное свидетельство тому, что погре-бенная лежала головой влево от входа, - положение обычное для могильника). Перед входом брошены одно ребро и малая

берцовая кость. В задней части камеры разрознено валялись бед-ренные кости, одна большая берцовая, крестец и несколько мел-ких костей.

Уже известная стратиграфическая схема маяцких катакомб повторяется в этой, последней из раскопанных в I985 году. Здесь, как и в катакомбе 84, она особенно выразительна. На дне дромоса мы вновь видим массив плотного суглинка - оста-нец первоначального заполнения, полого опускающийся от торцо-вой стенки ко входу в камеру. Камера, бывшая до разрушения скелета, свободной от грунта, заполнена рыхлой комковатой смесью суглинка и супеси с прослойками более темной гумуси-рованной супеси. Вторичное же заполнение дромоса состоит только из супеси.

Все находившиеся в камере предметы оказались, как и кос-ти скелета, в переотложенном состоянии. Они составляют типич-ный для женских погребений набор. Это плохо сохранившиеся нож (рис.2I,20) и железный пинцет; бронзовые зеркало и копоушка (рис.2I, I7-I8), пуговица-бубенчик (рис.2I,I6); перламутровая пуговица (рис.2I,I9); группа амулетов, состоящая из обломка раковины каури (рис.2I,I3); двух когтей и косточек мелкого животного (рис.2I,I4-I5).

Кроме того, по камере были разбросаны бусы: четырнадца-тигранная лиловая; четырнадцатигранные синие прозрачные - I0 шт.; неправильно-шестигранная голубая непрозрачная; синяя прозрачная цилиндрическая; кольцевидная зеленая прозрачная; цилиндрическая белая с восемью голубыми глазками; зеленая с глазками, состоящими из синего ядра и бело-желтых ободков; стеклянная цилиндрическая неопределенного цвета; двухчастная пронизка с позолотой; бисерина с позолотой; синие катушкооб-разные; двухчастная зеленая пронизка ; синие и черные биссе-рины - 22; каменная овальная; удлиненная лигнитовая;плоская округлая с боковыми выемками, из раковины; коралловые (?) - 2 шт.

* * *

Настоящая публикация всего шестнадцати катакомб не пред-полагает больших обобщений. Задача состояла в более деталь-ном ознакомлении с могильником, тем не менее некоторые выво-

ды могут быть предложены.

Половозрастной состав погребенных катакомб 45, 7I-85 отражает общую картину на могильнике. Из шестнадцати катакомб лишь две содержат парные, вероятно, супружеские погребения (катакомбы 7I и 75), остальные одиночные, причем количество мужских и женских погребений почти равно (соответственно 8 и 7). Одинаковое число погребенных мужчин и женщин, вообще, отличительная черта Маяцкого могильника.

Все без исключения погребенные подверглись "обезвреживанию", что отразилось как на состоянии их скелетов, так и в стратиграфии заполнения. Не имея возможности сравнивать погребальный обряд могильника и катакомб селища, отмечу лишь, что и на селище обряд обезвреживания представлен весьма широко. Причем в тех случаях, когда в катакомбах селища фиксировалась стратиграфия, она оказалась аналогичной стратиграфии катакомб могильника. Завершая тему стратиграфии, хочу указать, что в 1983-1986 гг. автору пришлось исследовать раннесредневековый катакомбный могильник Клин-Яр Ш под Кисловодском, где был зафиксирован тот же обряд обезвреживания погребенных, выразившийся в таком же разрушении скелетов и до деталей совпадающей стратиграфии /5, с.I3I/. Обряд обезвреживания встречен на Северном Кавказе не впервые, однако авторы предшествующих раскопок просто не опознавали его, принимая катакомбы с разрушенными скелетами за ограбленные. В качестве типичного примера укажем на могильник у села Терское под Орджоникидзе (6). Интересно, что такой знаток древностей Северного Кавказа как И.С.Каменецкий в подробном коде описания погребального обряда захоронения с "обезвреженными" скелетами не упоминает /7/.

Не сразу этот обряд был выявлен и в катакомбным могильниках салтово-маяцкой культуры. Впервые он был отмечен лишь в начале 60-х годов С.А.Плетневой на Дмитриевском могильнике /8, с.79-84/, хотя фактически такие погребения были известны много раньше, в частности, на Подгоровском катакомбном могильнике/ 9; I0/.

До разрушения скелетов погребальные камеры Маяцкого могильника оставались незасыпанными, а от проникновения грунта

из дромосов их защищали закладные плиты или плахи. Кости как полностью, так и частично нарушенных скелетов всегда лежат в одном горизонте непосредственно на полу камеры или в нескольких сантиметрах от него. Добиться перемещения буквально всех костей, вплоть до самых мелких, как это имело место во многих катакомбах (№№ 7I,76-80 и другие) в случаях, если бы камеры были засыпанными, было бы просто невозможно. Для этого потребовалась бы буквально археологическая тщательность расчистки. Не встречается в заполнении камер и никаких перекопов, о чем свидетельствуют стратиграфия и состав напластований. Особенно выразительны прослеженные в ряде камер ненарушенные прослойки, начинающиеся от входа и простирающиеся до задних стенок (катакомбы №№ 7I, 74-76, 80 и другие). Вообще стратиграфия заполнений единообразна как в катакомбах с полностью разрушенными скелетами, так и с частично перемещенными. Одноактно сформировавшаяся стратиграфия каждой отдельно взятой катакомбы никогда не имела каких-либо последующих нарушений или перекопов.

С обрядом обезвреживания связан и вопрос о составе вещей в катакомбах Маяцкого могильника. Обращает внимание, что во многих камерах вещи вообще отсутствуют, а там, где они есть - немногочисленны, а наборы их различны по составу. Все это наводит на мысль, что большинство вещей удалялись из погребений в ходе обряда обезвреживания. В камере оставались только те вещи, которые оказывались просто не замеченными. Примечательно, что это всегда очень мелкие предметы или даже их обломки (половинки пуговиц-бубенчиков, детали серег и подвесок). Крупные вещи, включая керамику, в камерах отсутствуют.

Малочисленность инвентаря отнюдь не говорит о бедности маяцкого населения. В камерах попадаются мелкие золотые и позолоченные, серебряные предметы или их обломки, значительные наборы вещей найдены в погребениях селища.

Примечательна чрезвычайная редкость предметов вооружения. Найденные в 1979 году топорики являются единственными на могильнике. В катакомбе 79 наличие топорика вызвано явно какими-то особыми обстоятельствами, о чем уже говорилось.

В катакомбе 7I топорик мог остаться случайно или по каким-то причинам, которые нам неизвестны. Колчан и лук из 79 катакомбы были без сомнения удалены, от них осталось только фрагменты (рис.20,4-5). Случайно забыт был в этой камере и наконечник стрелы (рис.20,6).

Вопрос об инвентаре требует дальнейшего изучения, многое пока остается неясным. В частности, требует объяснения частая встречаемость, как в женских, так мужских погребениях железных ножей (их видимо, специально оставляли?), Не известна судьба извлеченных из камер вещей. Есть основание предполагать, что керамика, бывшая в камерах или дромосах, разбивалась.

В завершение кратко об этнической принадлежности маяцкого населения, в связи с недавно появившейся гипотезой Г.Е.Афанасьева об отношении лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры к буртасам / II; I2, с.I55-I67 / . К ним Г.Е.Афанасьев относит и маяцкий комплекс памятников, в том числе и могильник / I3 / . Не разбирая построения этого автора в целом, укажу, что археологический материал Маяцких городища, селища и могильника пока не дает никаких оснований для конкретизации.

Могильник относится к аланскому (в самом широком толковании) варианту салтово-маяцкой, хотя массив аланского населения бассейна Дона, естественно, не был однородным, о чем свидетельствует многообразие форм катакомб и погребального обряда всех ныне известных могильников региона. Нельзя принять и толкование этнонима буртас (бурт/фурт-ас по Г.Е.Афанасьеву) как "сын асский". Во-первых, этнография, (в том числе кавказская) не знает подобных примеров внесения в этноним указания на прямые родственные отношения двух народов (племен и так далее). Во-вторых, вряд ли верно такое построение и методически. Не будучи лингвистом, сошлюсь на многочисленные методические примеры в работе Г.Дёрфера / I5 / , прекрасно показавшего всю сложность этимологических реконструкций.

И последнее. Существование обычая обезвреживания умерших на Маяцком могильнике (соответственно на могильнике Клин-Яр III и подобных) все еще вызывает сомнение у ряда исследователей. Так, Г.Е.Афанасьев продолжает считать нарушенность скелетов следствием ограбления - "К сожалению, большая часть погребений

(Маяцкого могильника - В.Ф.) оказалась разграбленной в древности, поэтому непотревоженные погребения редки" / I3, с.92 / . В подобных утверждениях Г.Е.Афанасьев не одинок. Существование таких необоснованных сомнений и побудило опубликовать по возможности полную документацию части наших раскопок.[I]

I. Флёров В.С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. М., I984.
2. Флёров В.С. О методике исследования погребений с обрядом обезвреживания у алан и болгар Восточной Европы // Тезисы докладов областного научно-практического семинара "Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе". Донецк, I987.
3. Кондукторова Т.С. Палеоантропологические материалы из Маяцкого могильника // Маяцкое городище. М., I984.
4. Плетнева С.А. Раскопки бескурганных могильников средневековых кочевников // Методика полевых археологических исследований. М., I983.
5. Флёров В.С. Кобанские и аланские памятники под Кисловодском // АО I983. М., I985.
6. Кореняко В.А. Аланские могилы УШ-IX вв. в Северной Осетии // СА. I976. № 2.
7. Каменецкий И.С. Код для описания погребального обряда (часть вторая) // Археологические открытия на новостройках. Вып.I. М., I986.
8. Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., I967.
9. Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобереж. в эпоху железа // МИА. I96I. № I04.
I0. Плетнева С.А. Подгоровский могильник // СА. I962. № 3.
II. Афанасьев Г.Е. Этническая территория буртасов во второй

[I] Помимо катакомб в I979 году были раскопаны тризны XX-XXI, представлявшие собой неглубокие ямки с разбитыми сосудами и отдельными фрагментами керамики.

половине УШ – начале X вв. // СЭ. I984. № 4.
I2. Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в УШ–X вв. // Археологические открытия на новостройках. Вып.2. М., I987.
I3. Афанасьев Г.Е. Исчезнувшие народы. Буртасы // Природа. I985. № 2.
I4. Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып.I. М., I986.

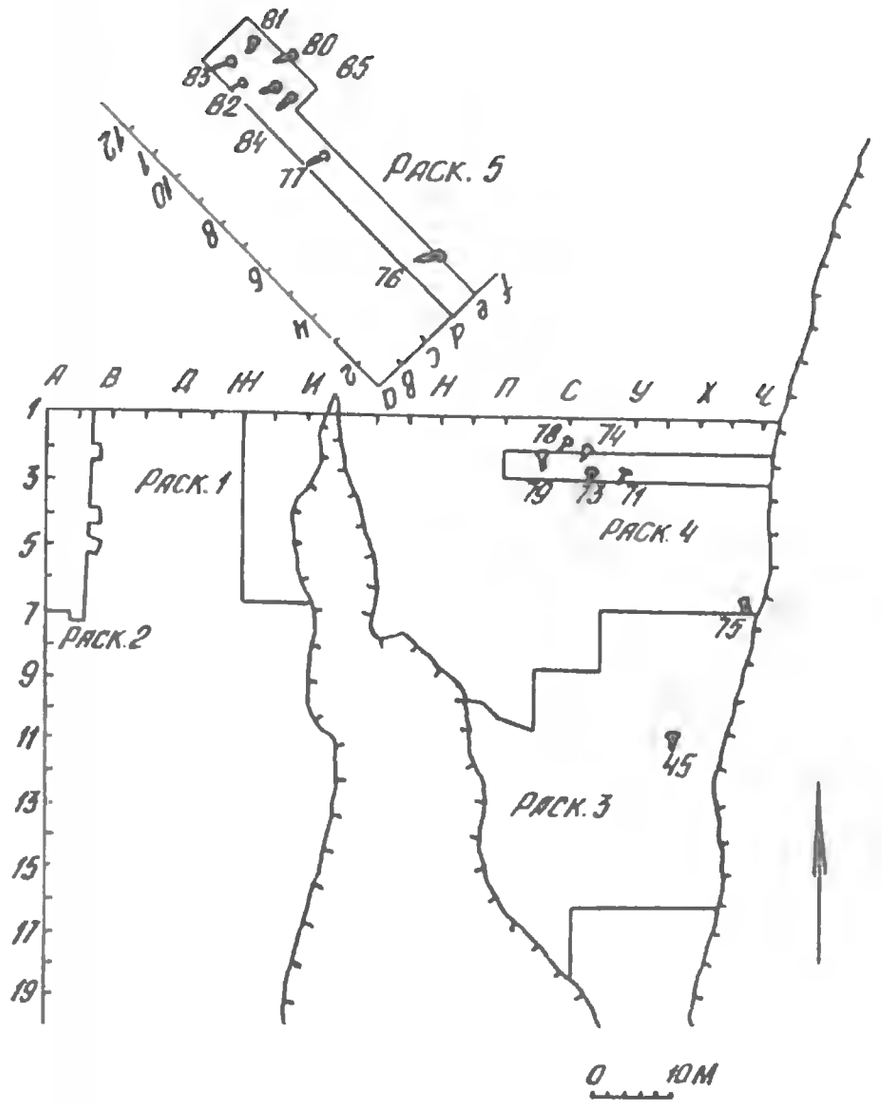


Рис.I – План Маяцкого могильника. Условные знаки: I – катакомбы, раскопанные в I975–I978 гг., 2 – катакомбы, раскопанные в I979 г., 3 – катакомбы, раскопанные в I980–I982 гг., 4 – границы раскопов, 5 – предполагаемая граница могильника, 6 – тризны, 7 – ямные захоронения.

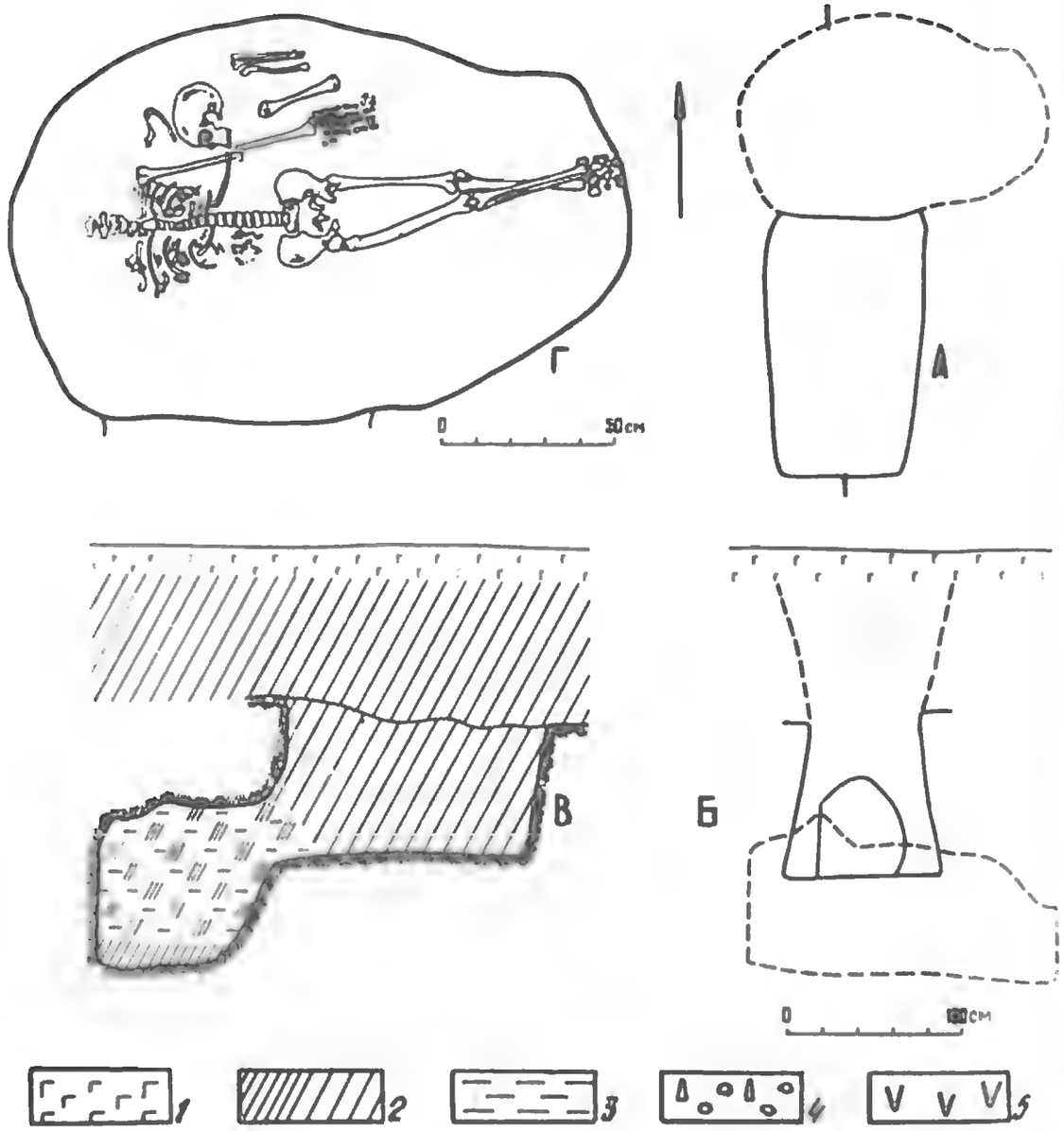


Рис.2 - Катакомба 45. Условные знаки для рисунков 2 - I7:
А - план катакомбы; Б - проекция поперечного разреза дромоса у передней стенки на поперечный разрез камеры; В - продольный разрез катакомбы; I - гумус, 2 - супесь, 3 - суглинок, 4 - известняковые крошка и щебень, 5 - древесные угли.

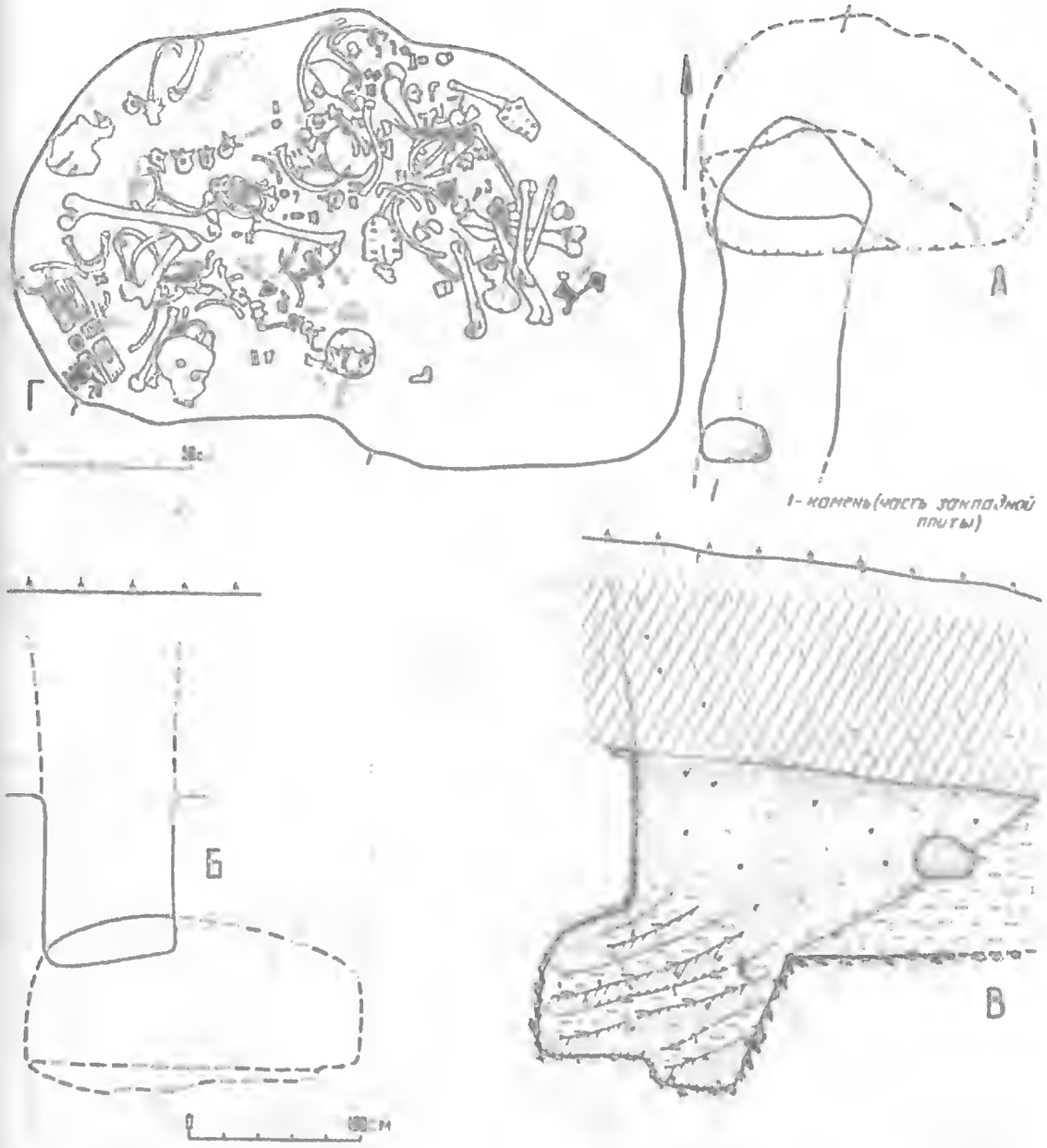


Рис.3 - Катакомба 7I. В камере обнаружены: I - пряжка бронзовая, 2 - фрагмент ремня, 3 - фрагмент ножа, 4 - кольцо бронзовое, 5 - кольцо бронзовое, 6 - бусы, 7 - буса глазчатая, 8-I2 - бляшки поясного набора, I3 - бусы, I4 - нож, I5 - топорик железный, I6 - серьга золотая, I7 - бусы, I8 - бусы, I9 - деревянный предмет, 20 - мелкий рогатый скот (поясничные позвонки - 2, хвост - 2). На плане погребения находки здесь и в остальных катакомбах обозначены цифрами.

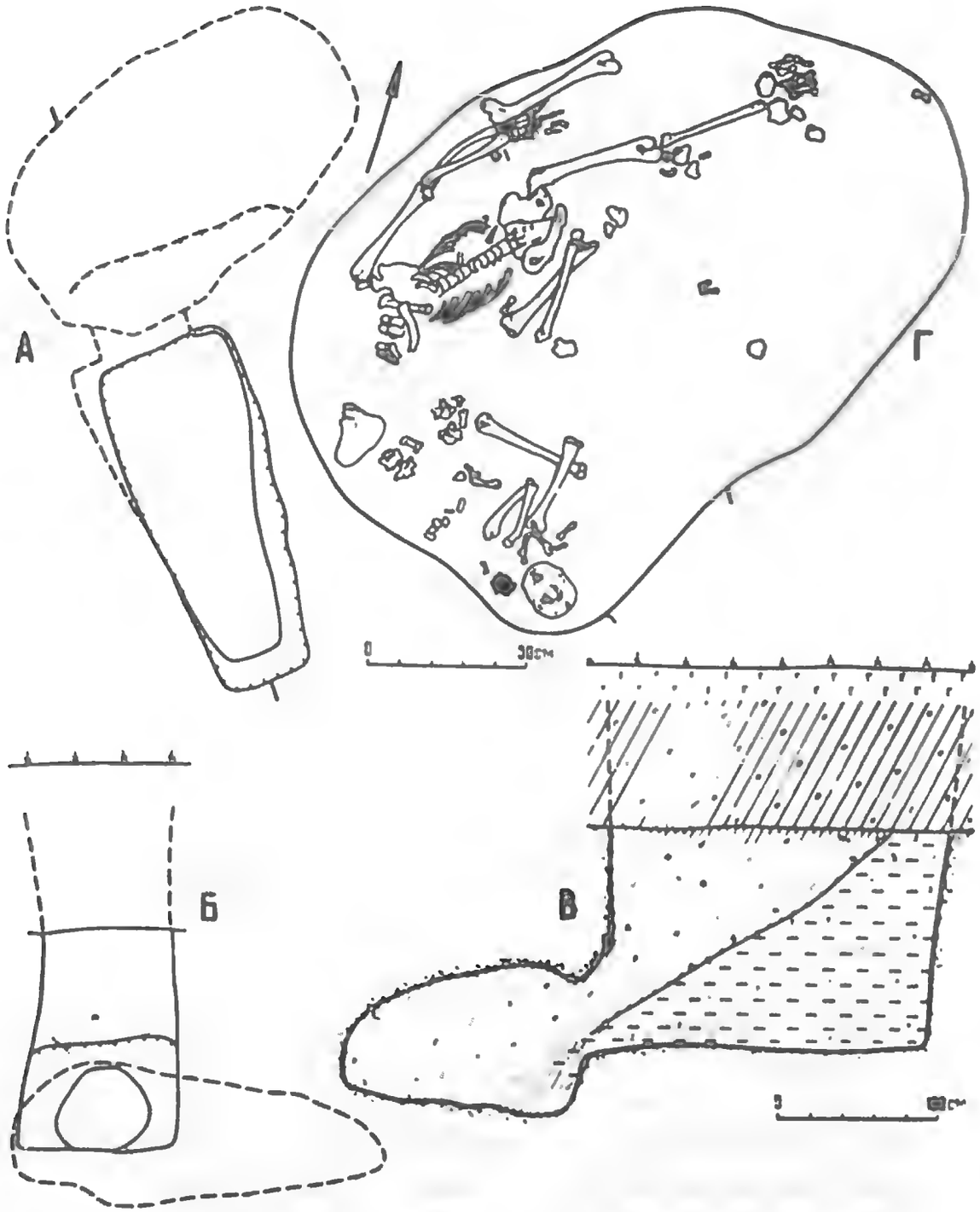


Рис.4. Катакомба 72. В камере обнаружены: I - пряжка бронзовая, 2 - нож железный, 3 - мелкий рогатый скот (позвонки хвоста - 4 шт).

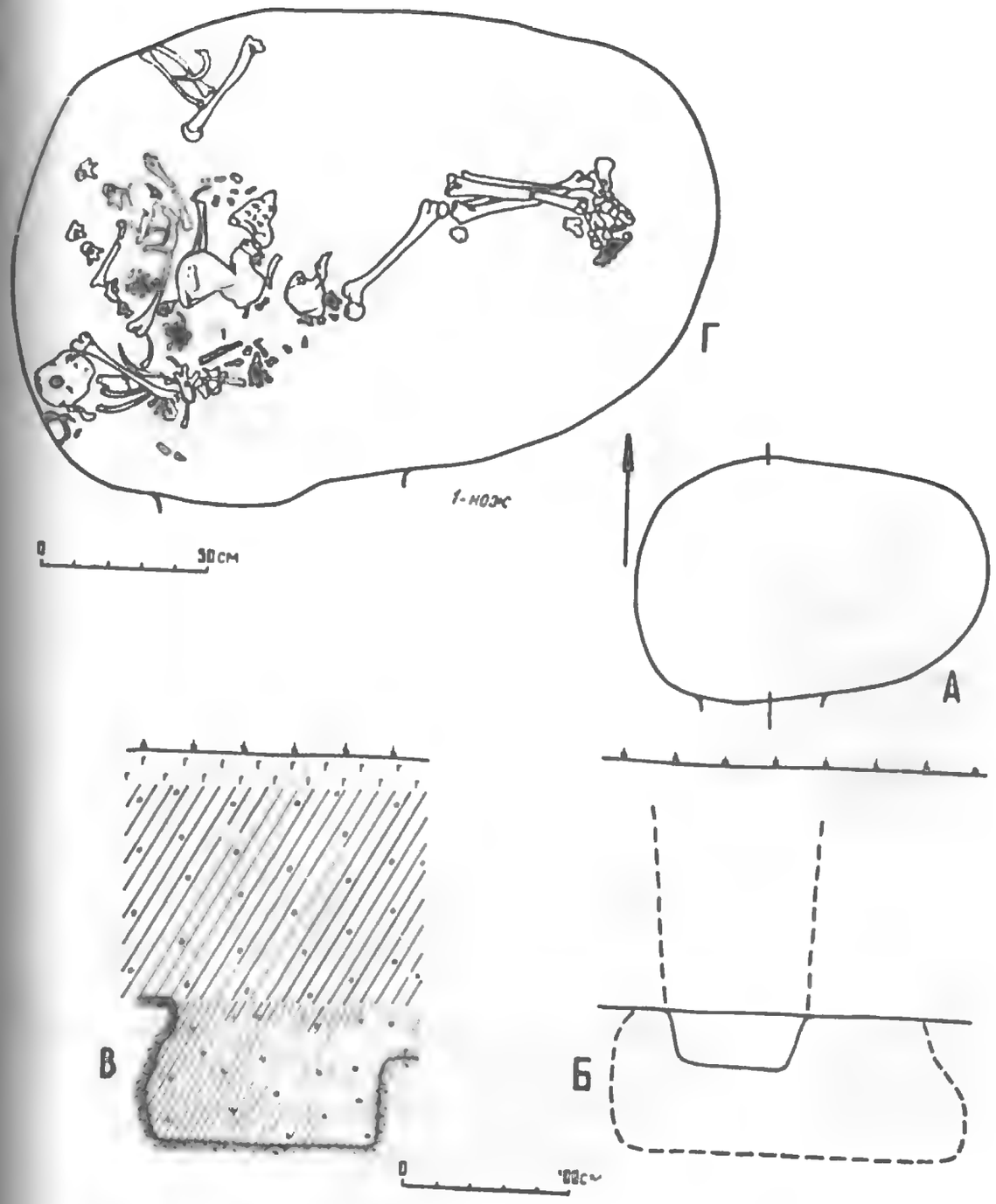


Рис.5 - Катакомба 73.

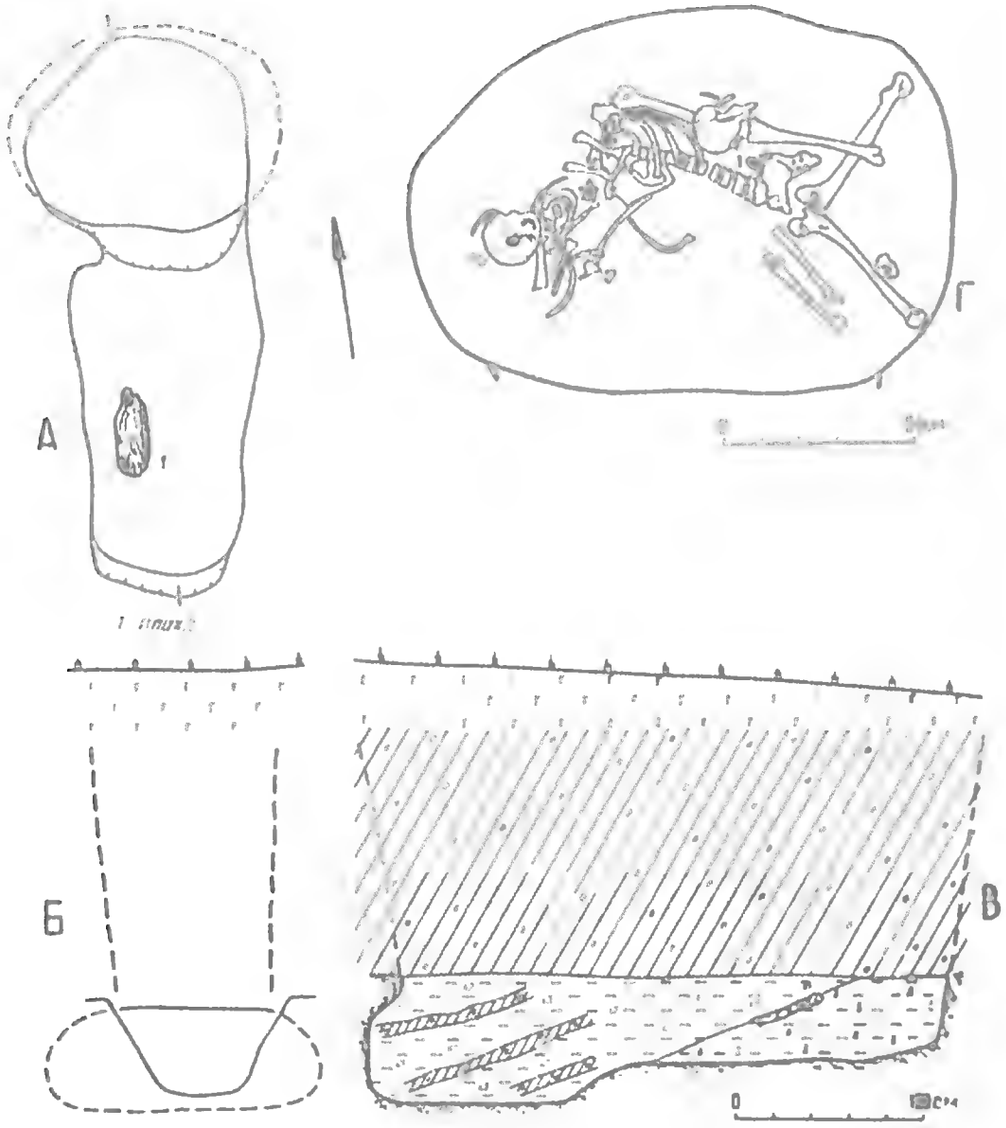


Рис.6 – Катакомба 74. В камере обнаружена: I – пряжка железная.

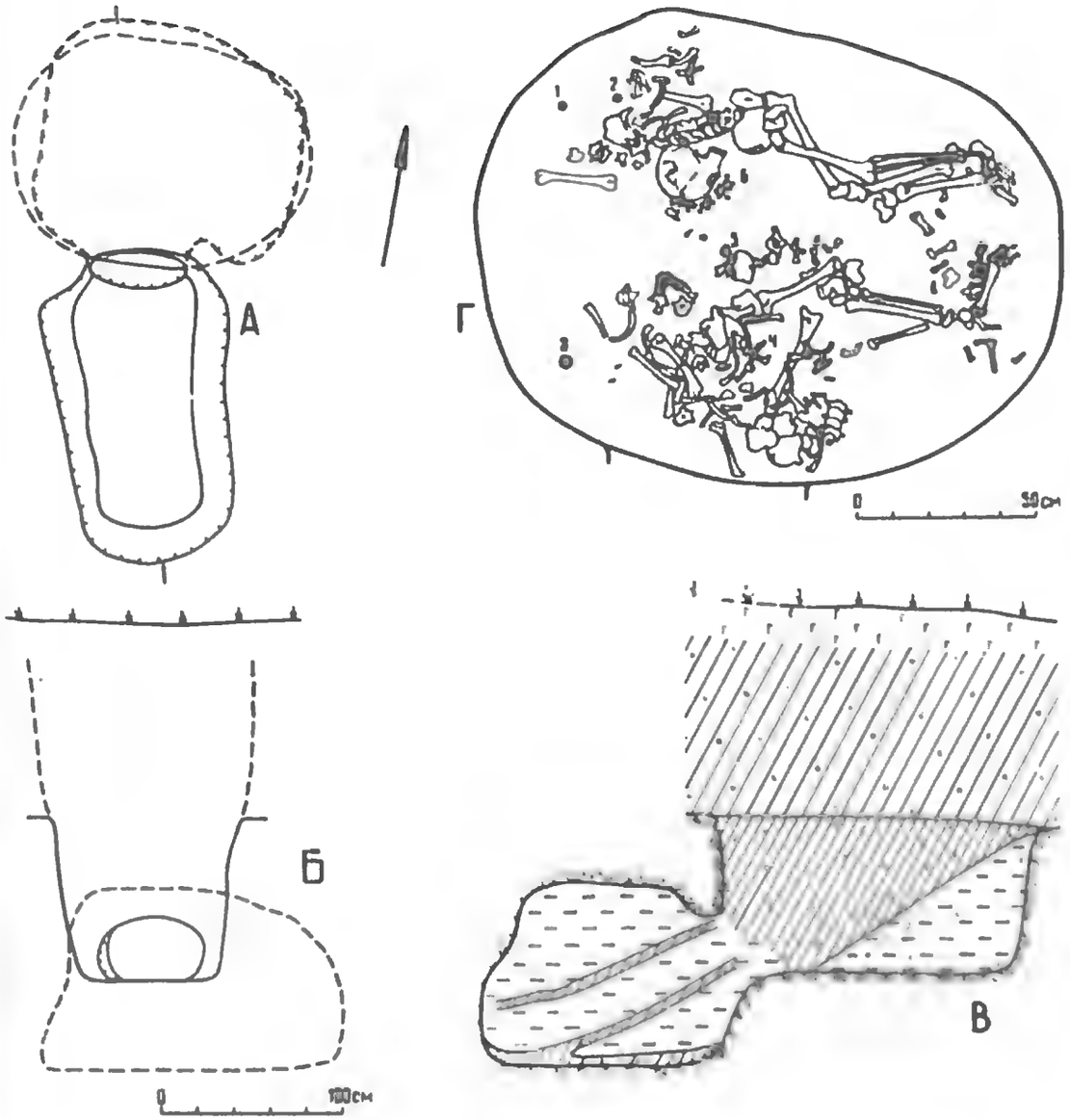


Рис.7 – Катакомба 75. В камере обнаружены: I,2 – два обломка от бронзовой пуговицы, 3 – свинцовый предмет со сквозным отверстием, 4 – нож с остатками деревянных ножен, 5 – обломок железной пряжки, 6 – бусы.

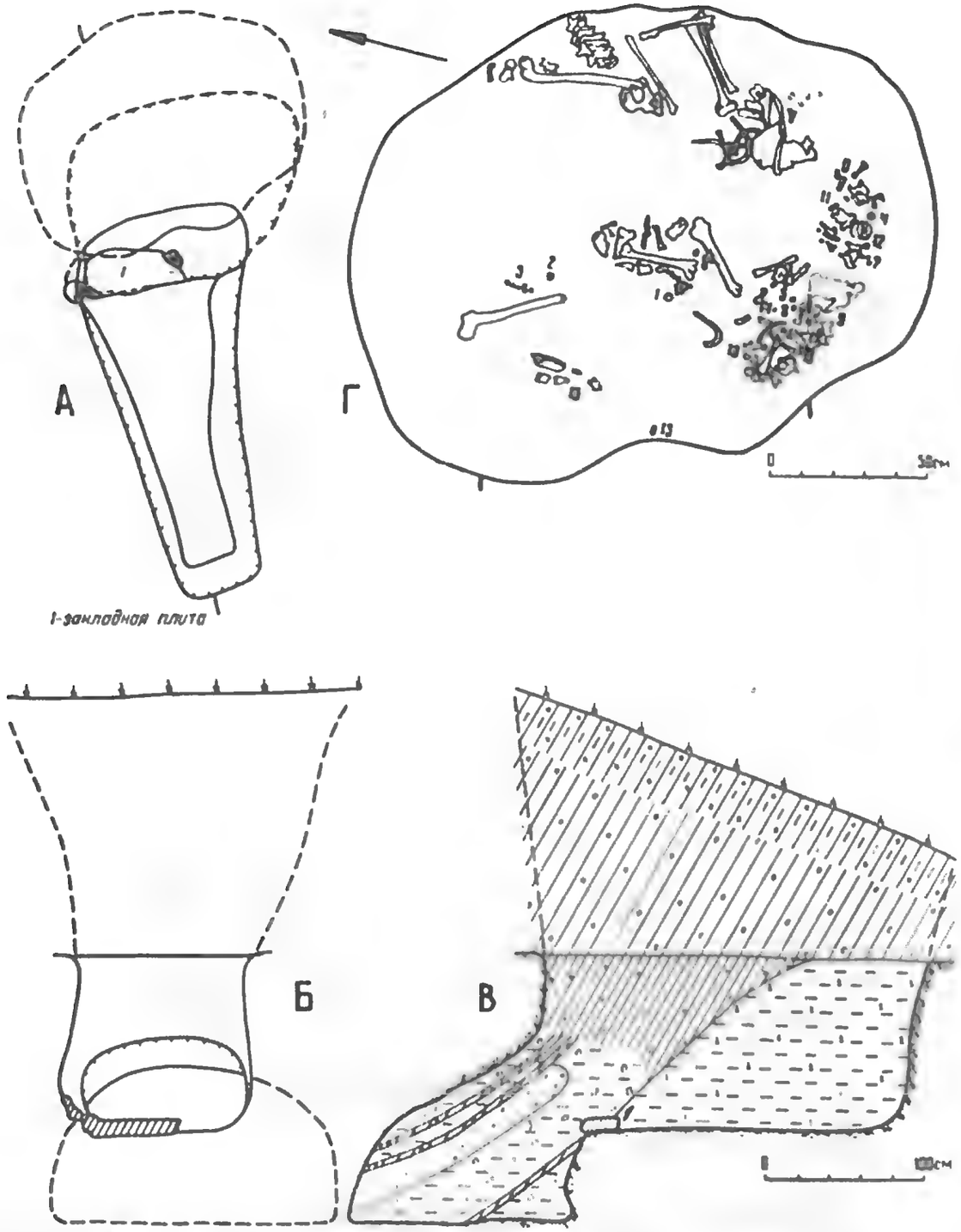


Рис.8 – Катакомба 76. В камере обнаружены: I – часть бусы, 2 – бубенчик, 3 – бусы, 4 – буса, 5 – бусы, 6 – серьга, 7 – бусы, 8 – бусы, 9 – кости собаки, I0 – обойма, II – буса трехчастная, I2 – буса, I3 – буса, I4 – ушко от бубенчика бронзового, I5 – амулет, I6 – фрагменты керамики.

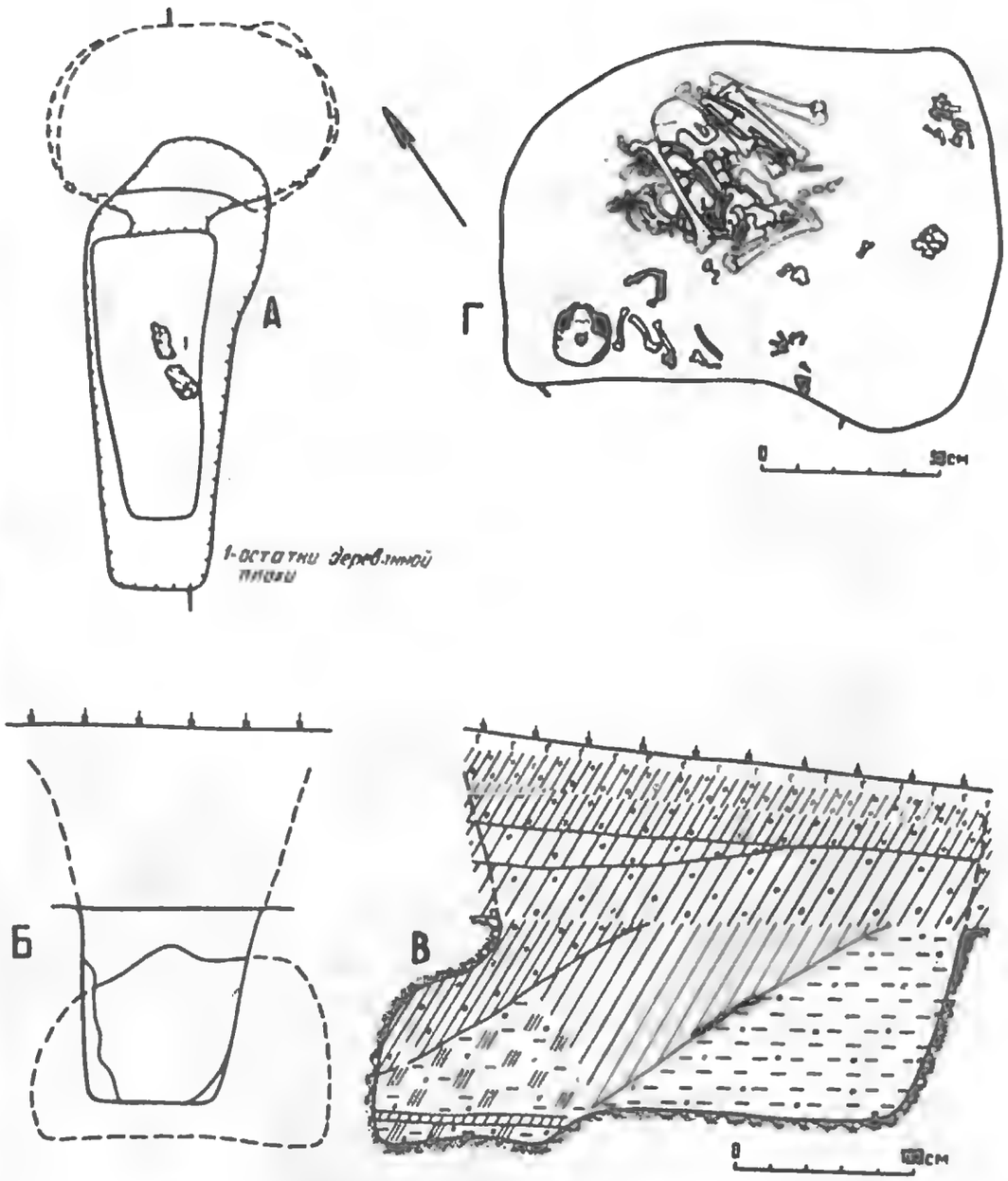


Рис.9 – Катакомба 77. В камере обнаружены: I – бусы, 2 – амулет из кости животного.

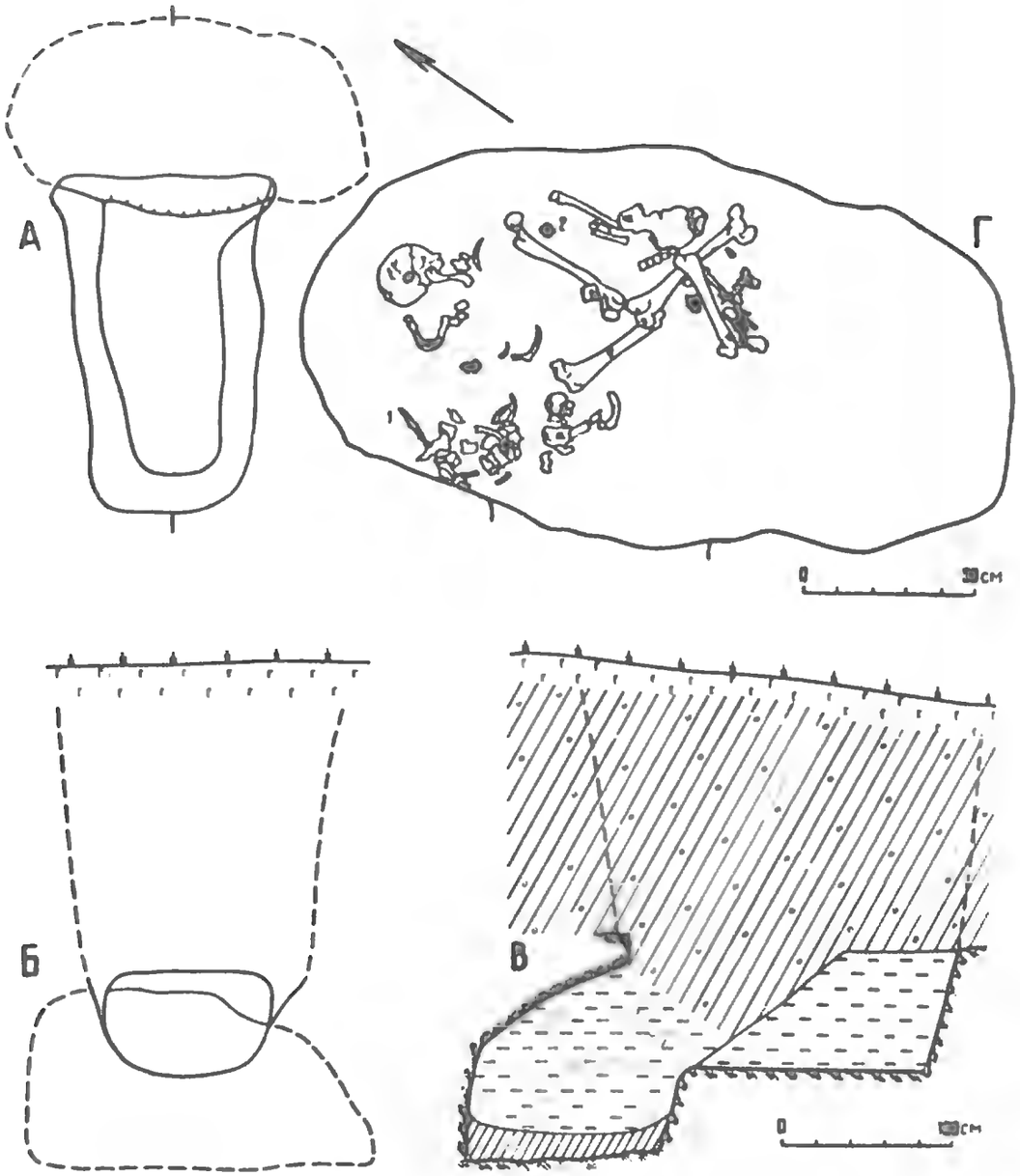


Рис.10.- Катакомба 78. В камере обнаружены: I - нож, 2 - пряжка.

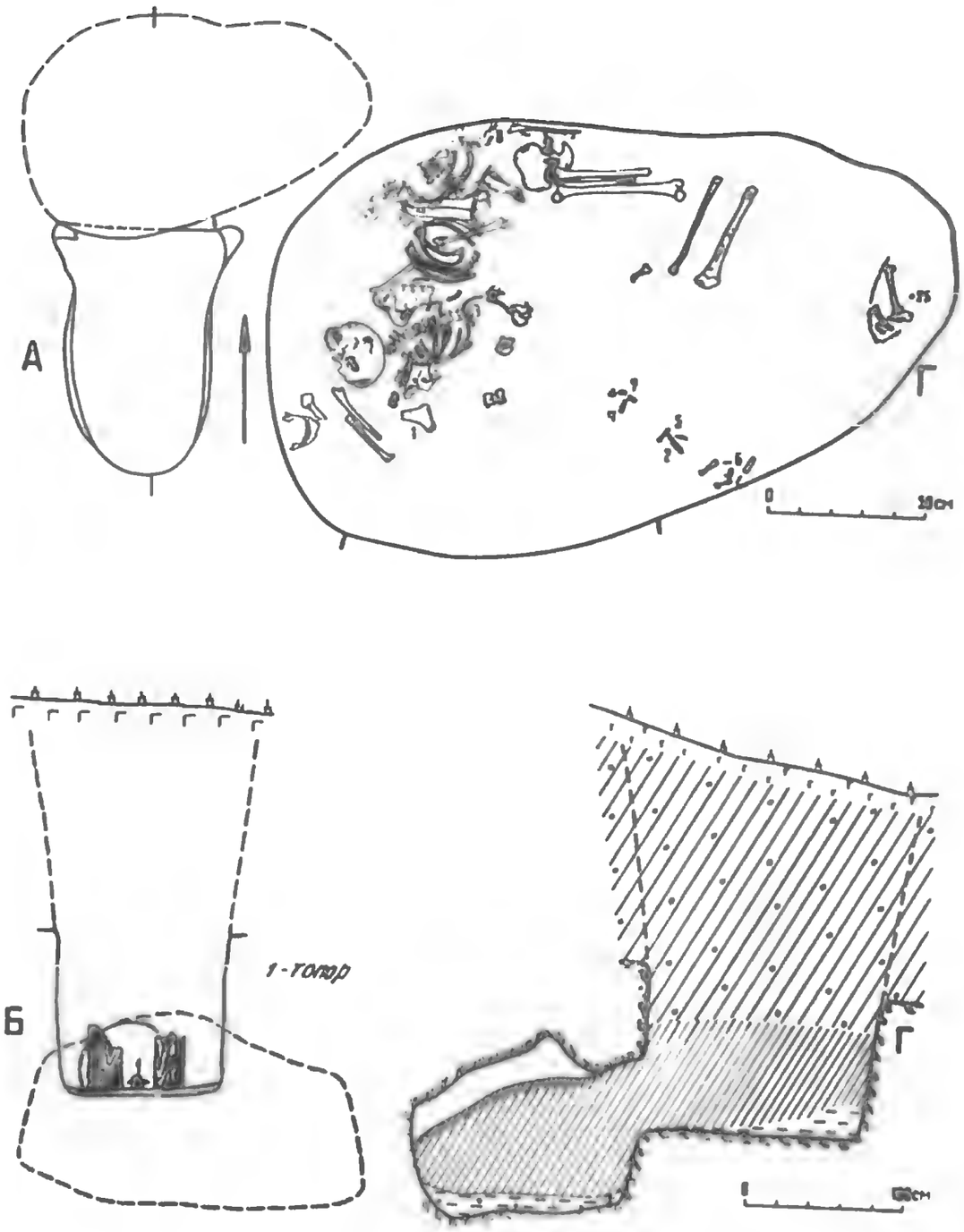


Рис.II - Катакомба 79. В камере обнаружены: I - костяная коробочка, 2 - костяная накладка лука, 3 - остатки дерева, 4 - остатки железных деталей колчана, 5 - скоба колчана железная, 6 - наконечник стрелы железный, 7 - две бляшки поясного набора, 8 - бисерина стеклянная.

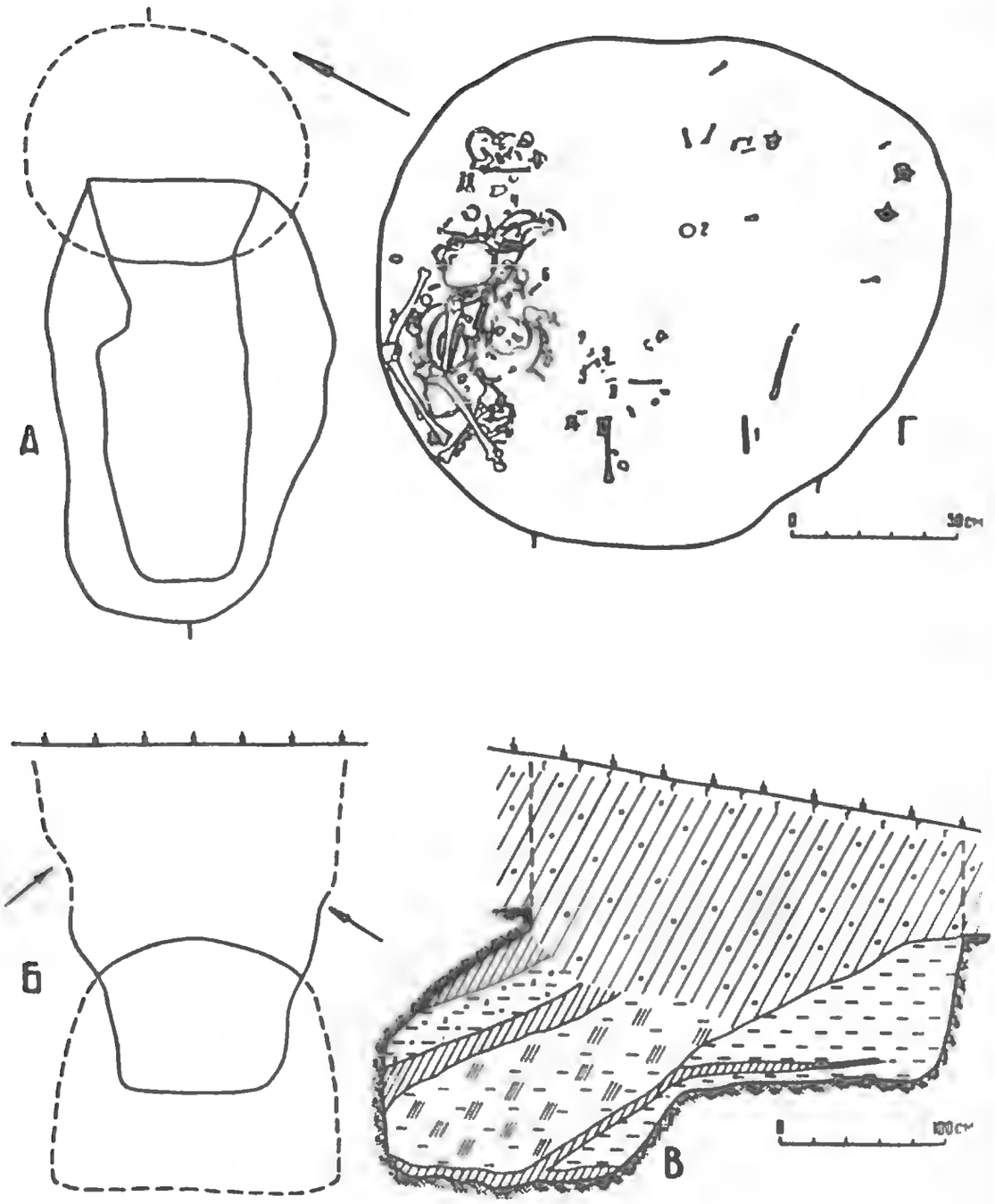
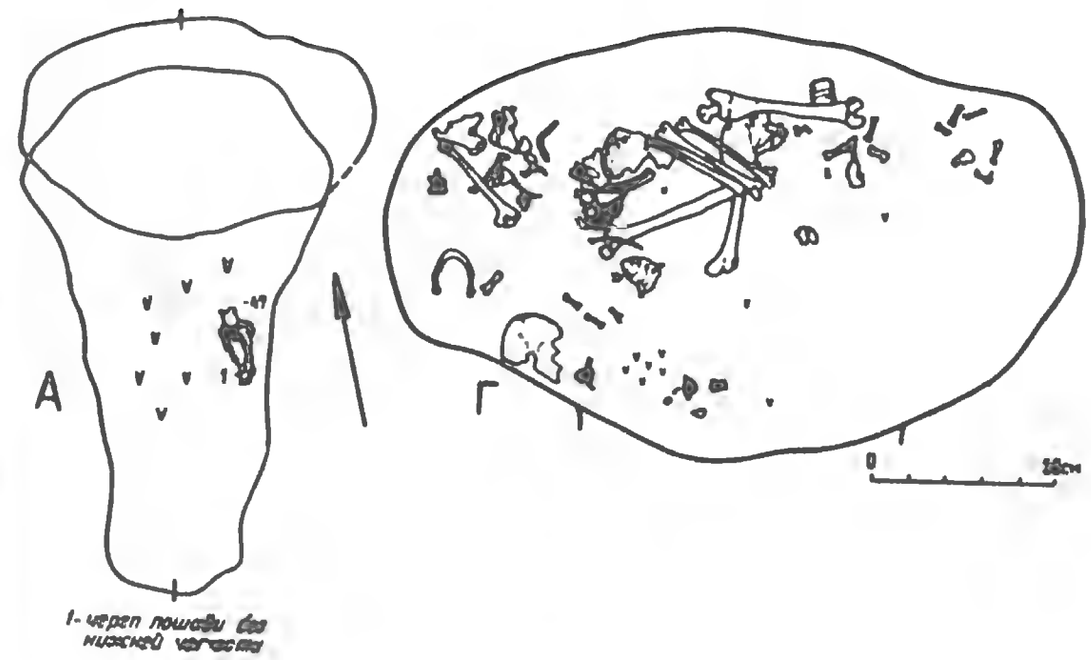


Рис.I2 - Катакомба 80. В камере обнаружены: I - нож, 2 - зеркало, 3 - обломок зеркала, 4 - пуговица бронзовая, 5 - серьга, 6 - бусы, 7 - бусы, 8 - браслет бронзовый, 9 - трубочка бронзовая.



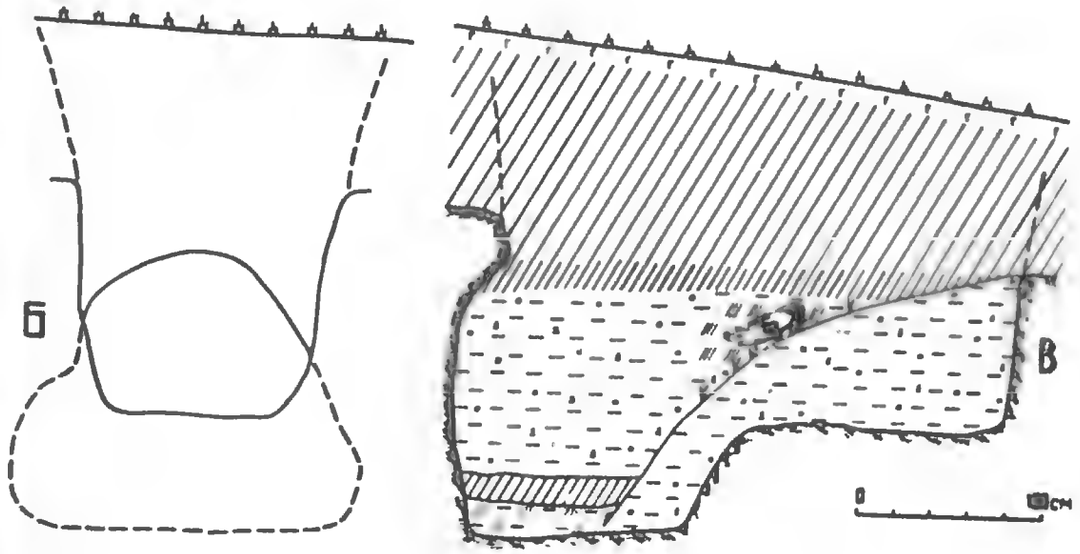


Рис.I3 - Катакомба 8I.

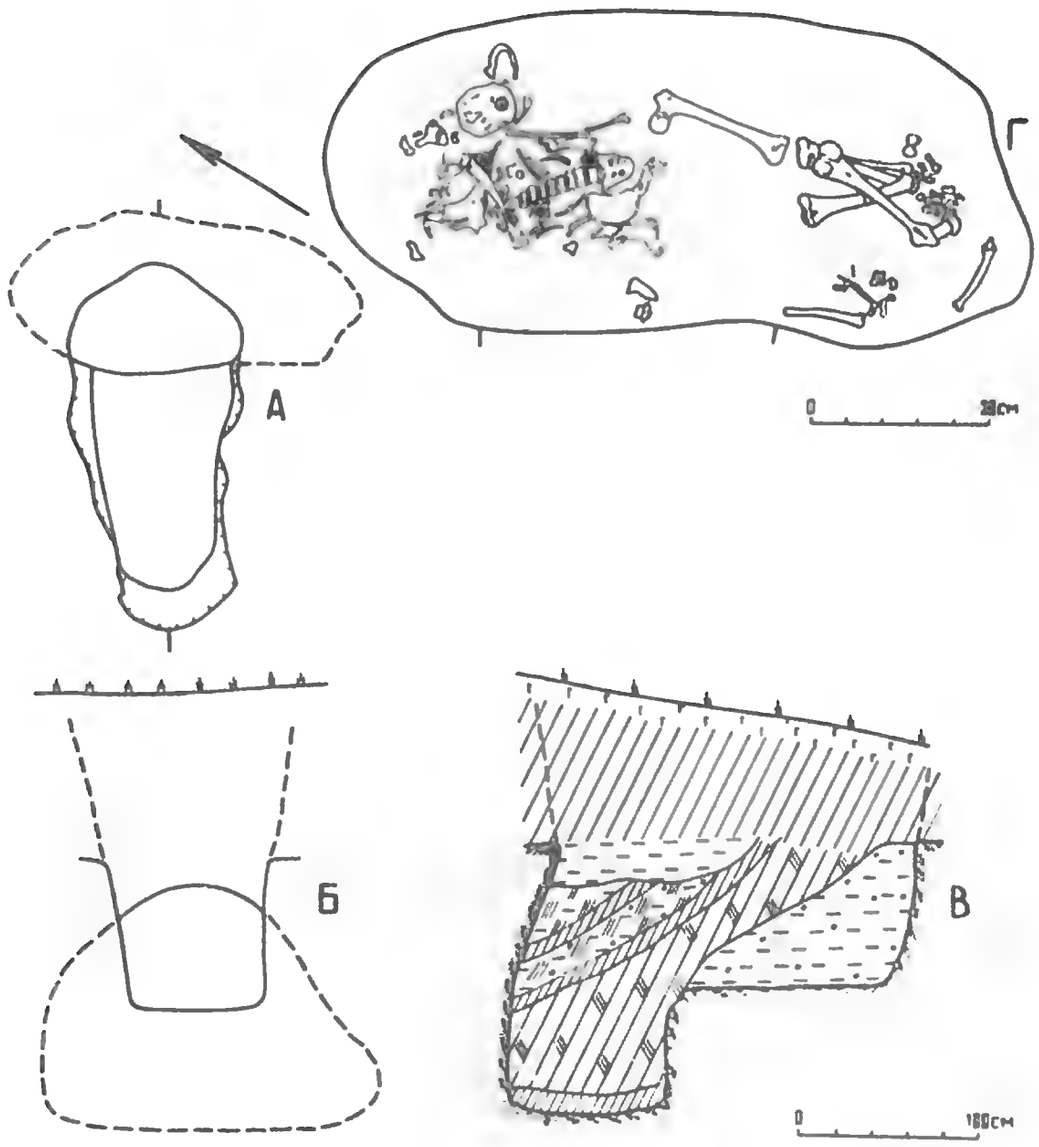


Рис.I4 – Катакомба 82. В камере обнаружены: I – нож, 2 – пряжка железная.

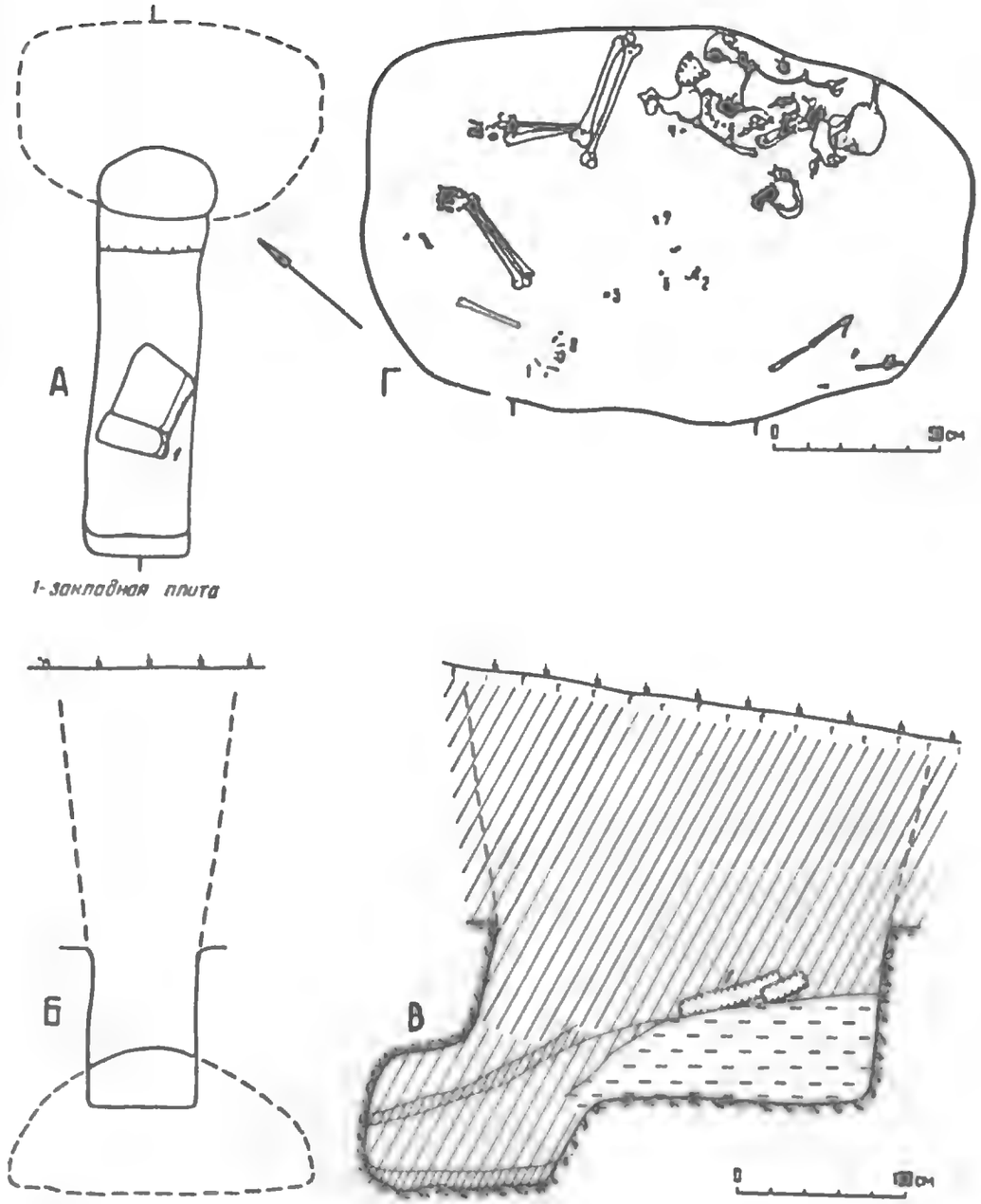


Рис. 15 – Катакомба 83. В камере обнаружены: I – нож, 2 – перстень, 3 – косточка, 4 – бусы, 5 – бусы, 6 – бронзовая пуговица, 7 – бусы, 8 – обломок перламутровой пуговицы, 9 – обломок бронзовой обоймы и бронзовая заклепка.

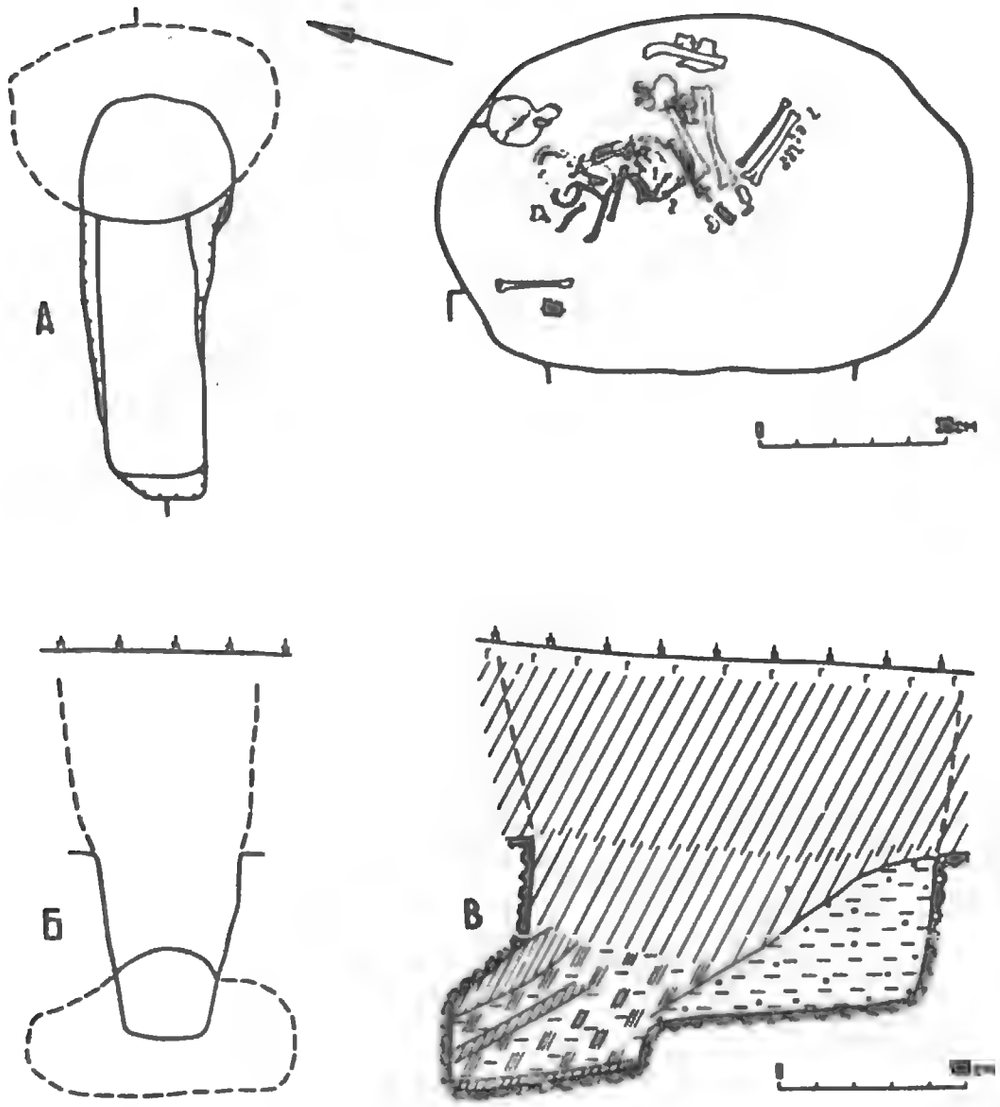


Рис.I6 - Катакомба 84. В камере обнаружены: I - бусы, 2 - нож.

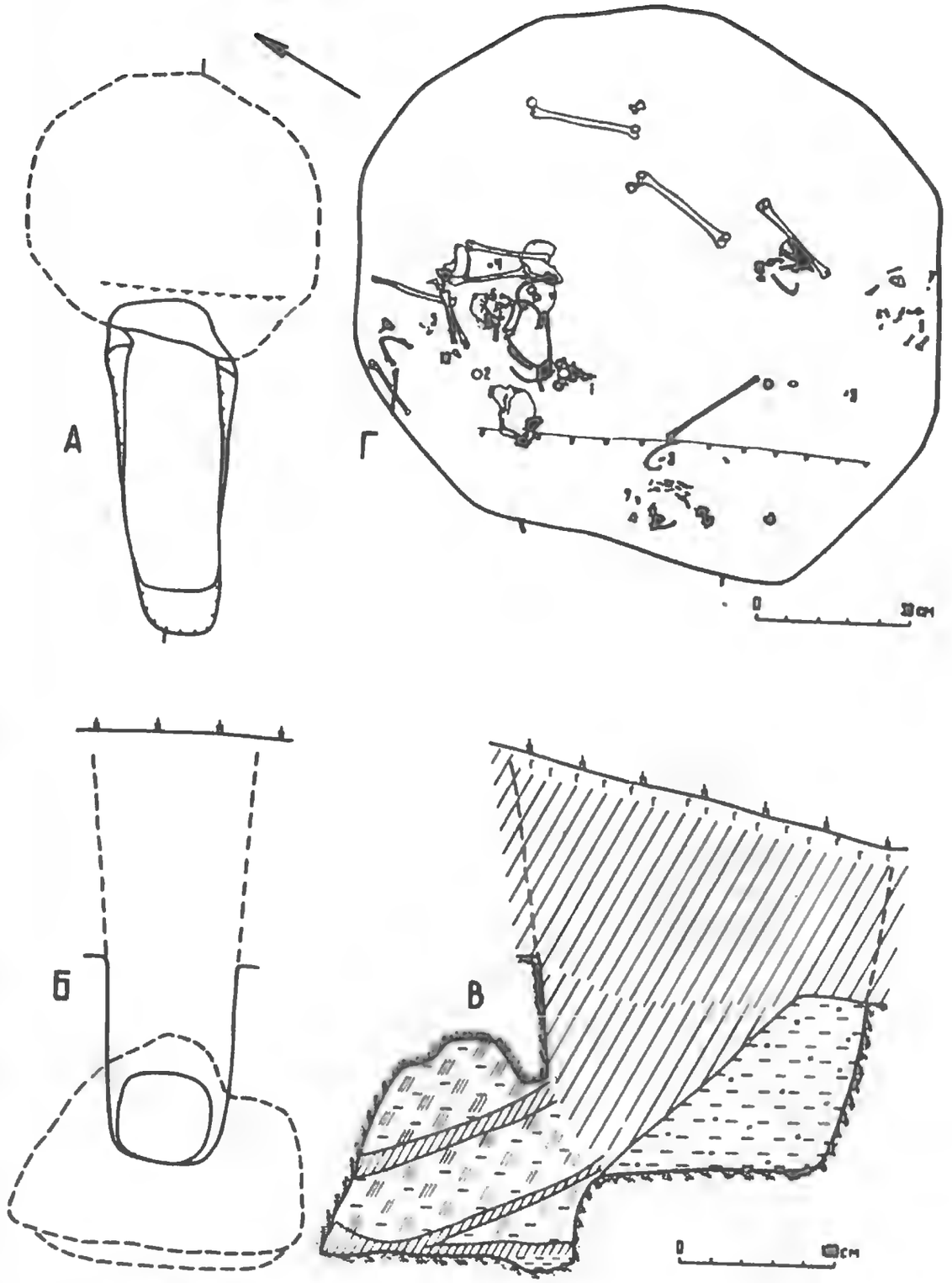


Рис.I7 - Катакомба 85. В камере обнаружены: I - копоушка, 2 - зеркало в кожаном футляре и обломки бронзовой пуговицы, 3 - нож, 4-6 - бусы, 7 - раковина-каури, бронзовая штампованная пуговица, обломки железного пинцета, 8 - пуговица из раковины, 9-I0 - амулеты из костей животных.

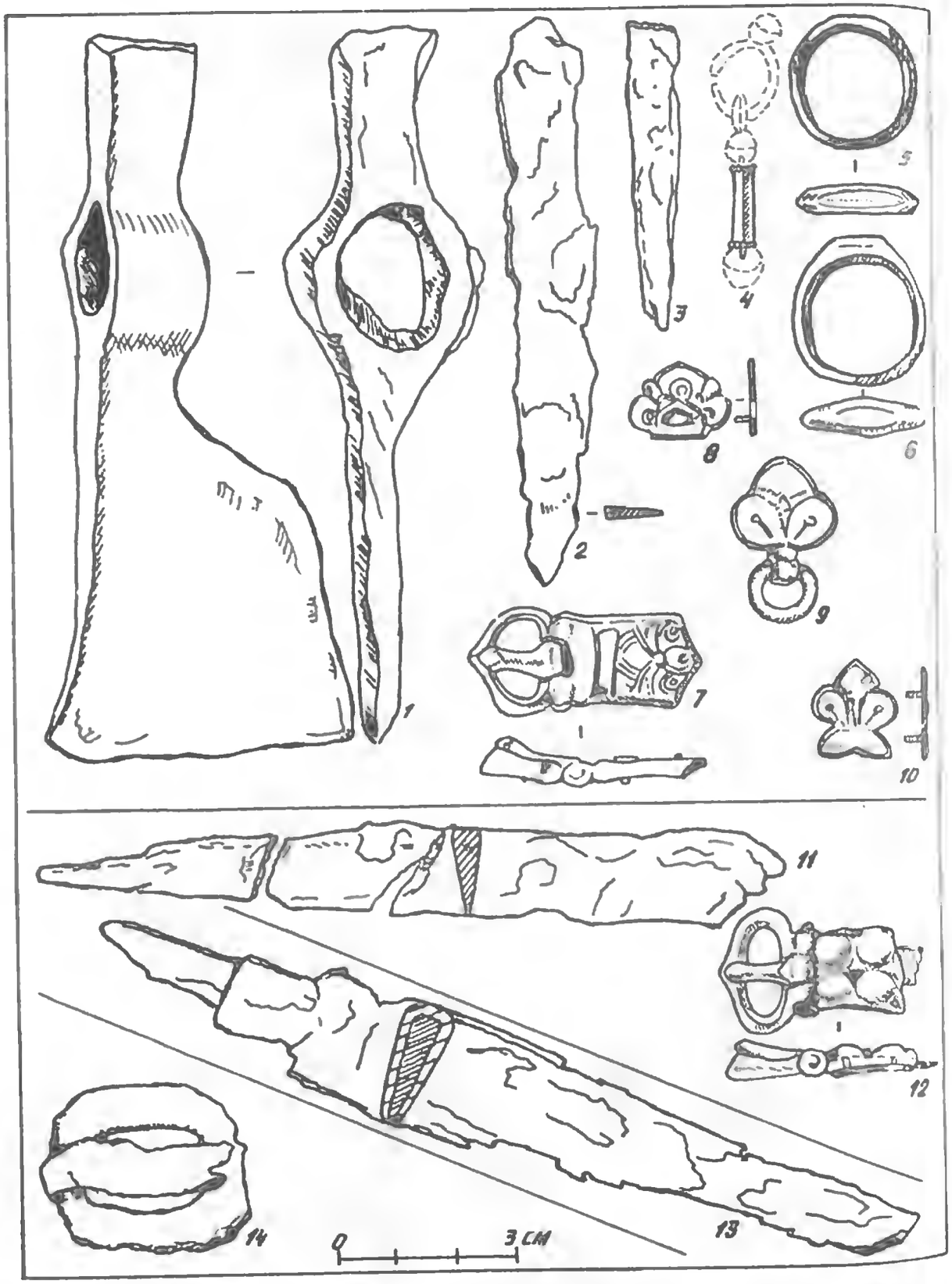


Рис.I8 - Вещи из катакомб 7I (I-I0), 72 (II-I2), 73 (I3), 74 (I4). Железо: I-3, II, I3-I4. Бронза: 5-I0, I2. Золото: 4.

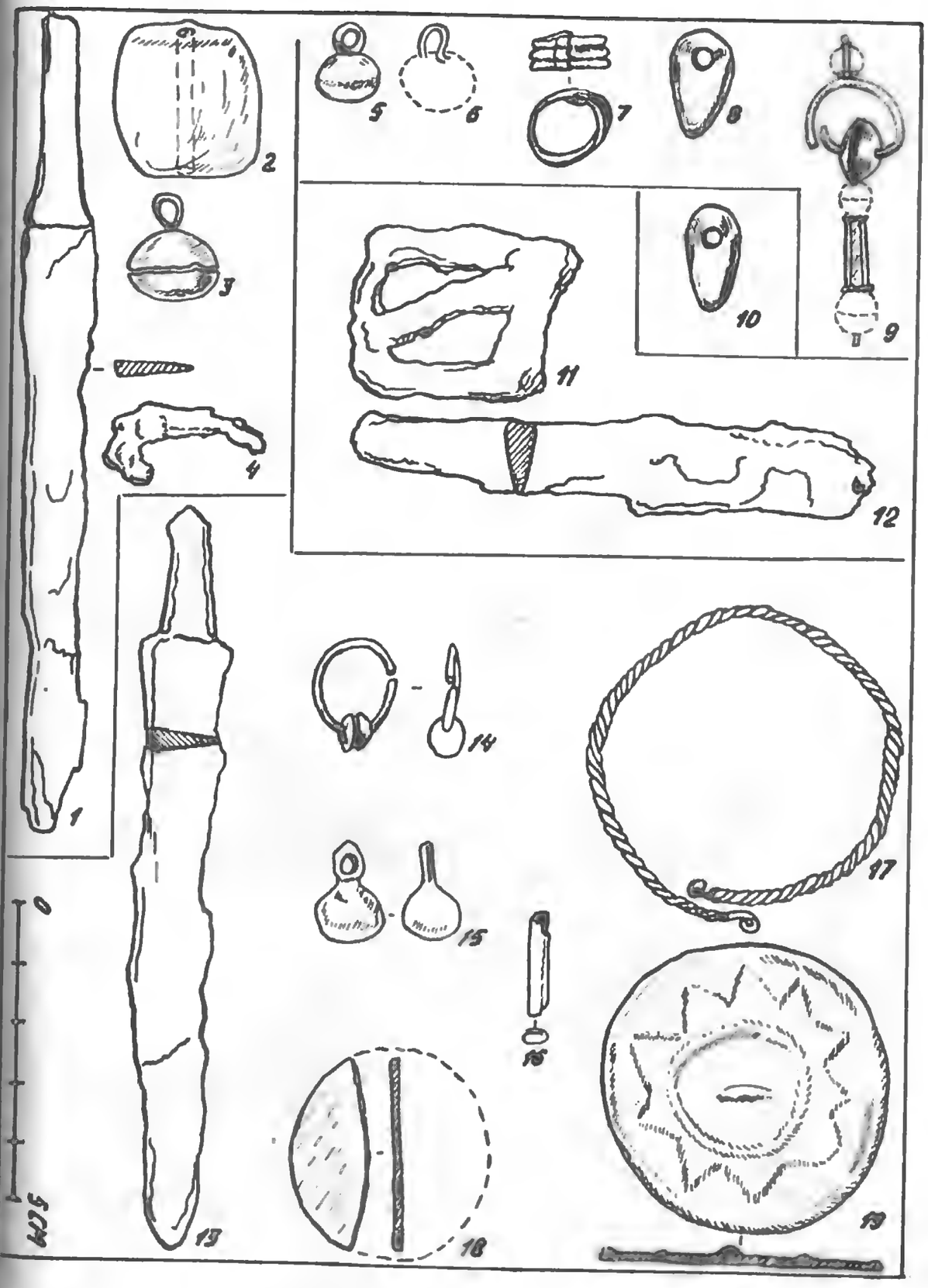


Рис.I9 - Вещи из катакомб 75 (I-4), 76 (5-9), 77 (I0), 78 (II-I2), 80 (I3-I9). Железо: I, II-I2, I3. Бронза: 6, I4-I9. Бронза с позолотой: 5. Золото: 9. Кость: 8,I0.

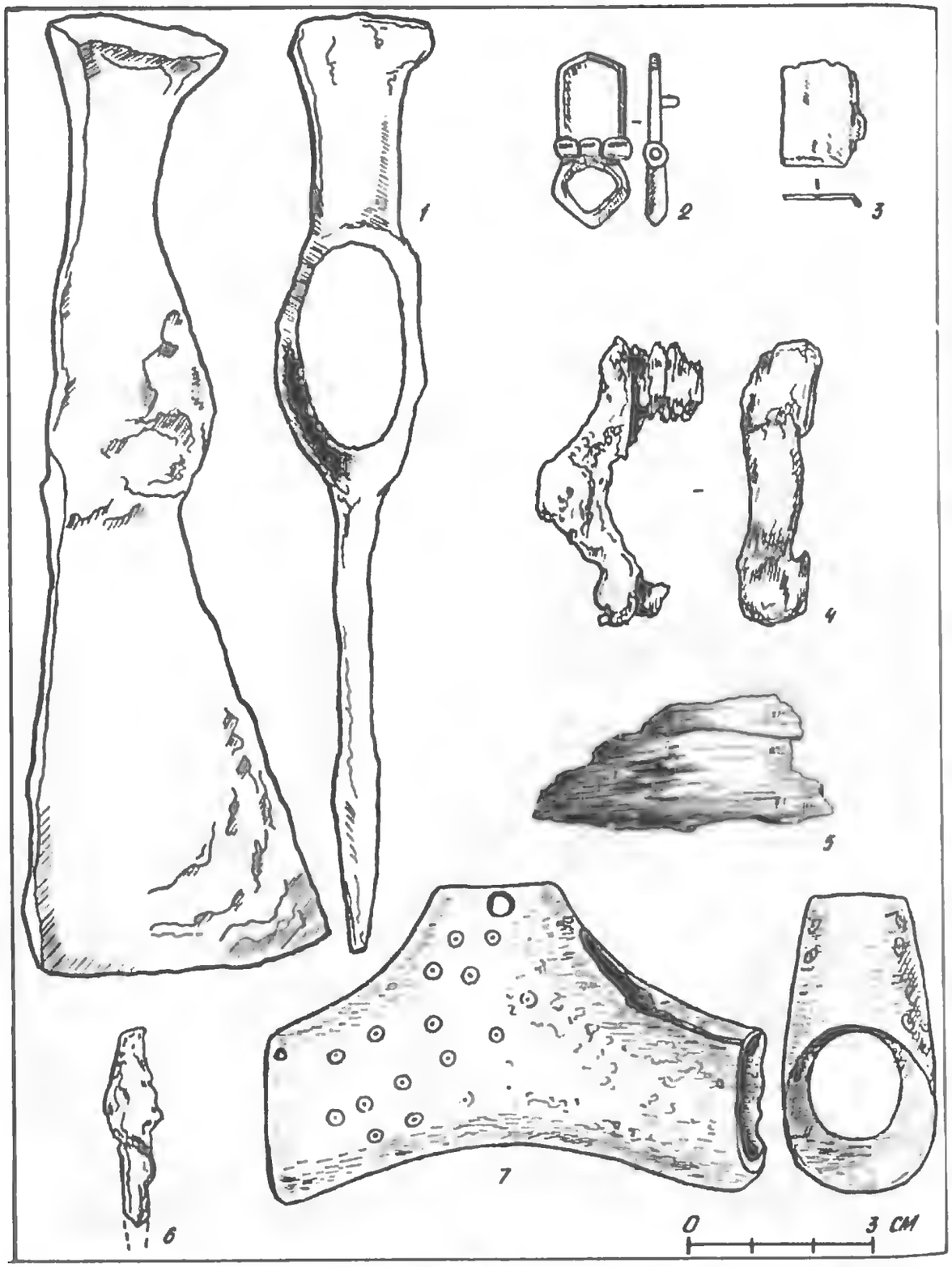


Рис.20 - Вещи из катакомбы 79. Железо: I,4,6. Бронза: 2-3. Кость: 5,7.

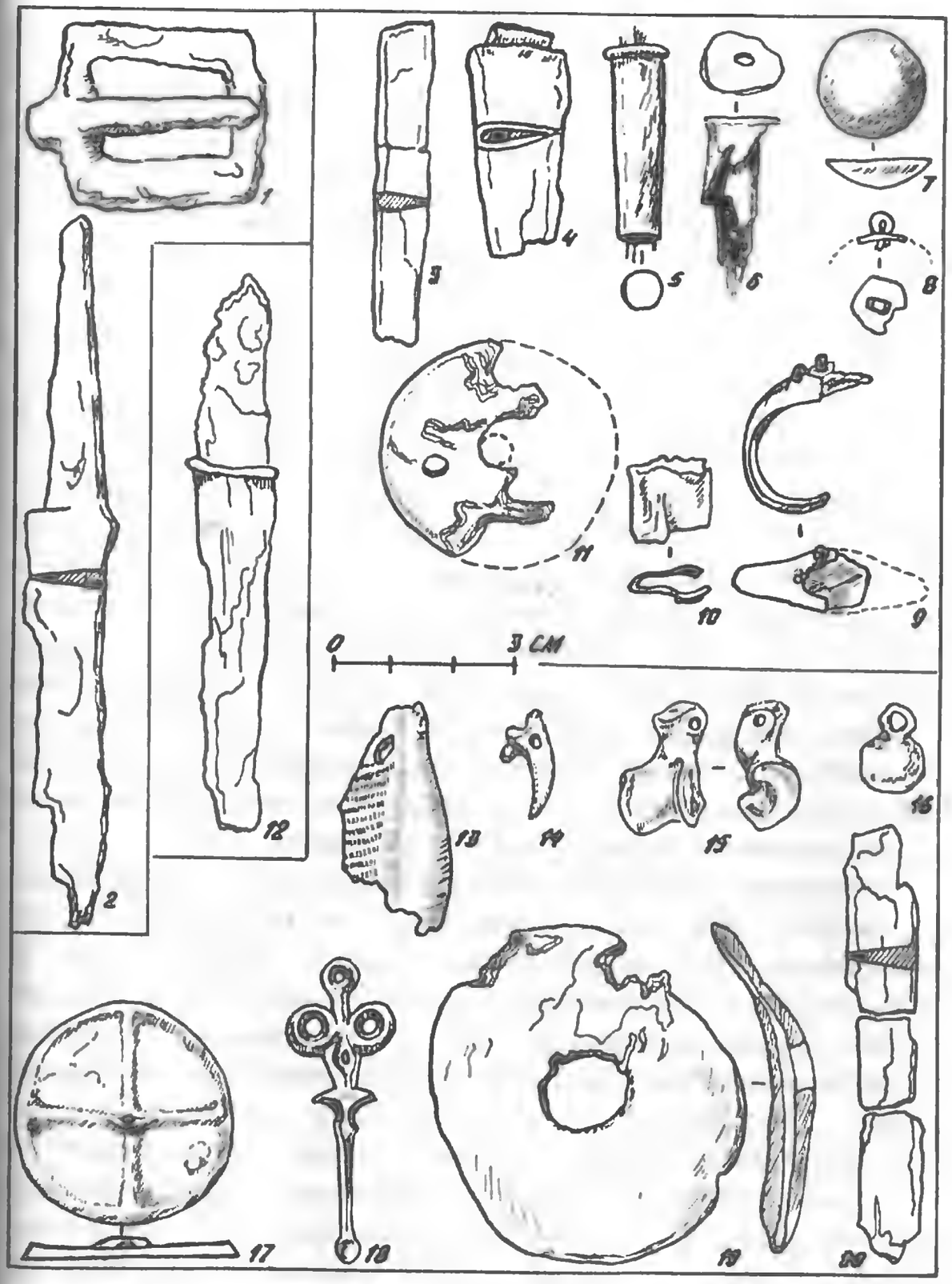


Рис.2I - Вещи из катакомб 82 (I-2), 83 (3-II), 84 (I2), 85 (I3-20). Железо: I-4, I2, 20. Бронза: 5-8, I6-I8. Олово: 9.Кость: I4-I5. Раковины: II; I3 - каури; I9.

М.М.Толмачева

Кузнечные изделия Маяцкого комплекса

Маяцкий комплекс, состоящий из крепости, селища и могильника - один из базовых памятников салтово-маяцкой культуры. Всестороннее исследование материалов этого памятника, предпринятое Советско-Болгаро-Венгерской экспедицией, как в области полевой археологии, так и в интерпритации полученных данных, позволяет поставить и частично решить важные и интересные задачи, связанные не только с салтово-маяцкой культурой, но и культурой кочевников евразийских степей в целом /I, с.I5-I9 /. Одной из таких задач является изучение кузнечного производства степной культуры, однако для решения общих вопросов необходимо получить информацию об уровне техники и технологии кузнечного дела хотя бы с нескольких комплексных салтово-маяцких памятников. Материалы Маяцкого комплекса являются предметом исследования данной работы.

Структурное изучение кузнечной продукции с помощью методов металлографии дает возможность установить основные характеристики металла, технологические приемы обработки полуфабриката, конкретные схемы изготовления поковок, и на этом основании сделать выводы о технологии кузнечного производства.

Комплектование коллекции Маяцкого комплекса для аналитических исследований было осложнено рядом объективных трудностей. Культурный слой на городище и селище очень незначителен / I, с.I6; 2, с.42 /, а погребальный инвентарь могильника отличается от других катакомбных могильников лесостепи необычайной малочисленностью / 3, с.I97 /, поэтому число железных изделий, обнаруженных на Маяцком комплексном памятнике, невелико. Другой существенный недостаток материала - его плохая сохранность: отсутствие железа в металле (форма сохраняется

благодаря закреплению коррозии). Таким образом, из коллекции Маяцкого комплекса, насчитывающей около 70 предметов, мы могли использовать для аналитической обработки всего 33 изделия. Естественно, что плохая сохранность металла сузила номенклатуру изученных изделий. Все же ассортимент коллекции включает бытовой инвентарь, орудия труда и предметы вооружения. Металлографическому анализу были подвергнуты I3 ножей, 2 серпа, скобель, хозяйственный топор, 6 тесел-мотыжек, 3 боевых топора, 4 клинка от сабель, удила, крюк и изогнутый стержень непонятного назначения.

Исследование проводилось по методике, разработанный Б.А. Колчиным. Для выявления фосфорной сегрегации образцы подвергались дополнительно травлению реактивом Стэда. Нумерация анализов соответствует книге регистрации лаборатории естественно-научных методов ИА АН СССР.

Основой исследуемой коллекции является материал селища, могильник и городище представлены небольшим количеством экземпляров. Поскольку материал распределяется как по памятникам комплекса, так и по категориям неравномерно, целесообразно первоначально охарактеризовать железные изделия каждого вида памятника отдельно. Это позволит оценить степень сходства основных технологических характеристик: качество проковки, сварки, правильность температурного режима; и степень близости технологических приемов, что в конечном итоге будет свидетельствовать об общности происхождения.

Городище. Кузнечные изделия городища представлены тремя ножами. Ножи принадлежат по классификации, предложенной украинскими археологами для салтовских ножей 4, с.92-95 , к разным типам и откованы с помощью различных технологических операций.

Нож № 2342 относится ко второму типу, с уступами при переходе от лезвия к черенку (рис.I). Структурно изучалось полное поперечное сечение лезвия и черенка. Нож был откован из единой полосы железа, в центральной части которой наблюдается фосфорная ликвация, обнаруженная полосчатость структуры связана с редукцией фосфора. Микротвердость железа повышенная 236-274 кгс/мм^2.

Нож № 2340 принадлежит к четвертому типу - с прямым перекрестием (рис.I). Лезвие ножа исследовалось в двух местах, оба образца имеют аналогичное строение. При выковке ножа была использована полоса металла, сваренная из пяти слоев железа и мягкой гомогенной стали. Содержание углерода в стали 0,I-0,2%. Хотя в целом зерно мелкое, полосы различаются по величине зерна и микротвердости: I5I,I70,I8I,I93 кгс/мм^2.

Тип ножа № 234I определить невозможно, т.к. он представляет собой только лезвие, длиной I4 см и шириной I-I,2 см (рис.I). При изготовлении этого ножа была использована технология вварки стали в железную основу. Конечной операцией была закалка в холодной воде, о чем свидетельствует структура мартенсита с троститом с микротвердостью 572 кгс/мм^2. Вероятно, нож после окончания ковки попал в область высоких температур (огонь), т.к. наблюдаются небольшие участки отожженности и обезуглероженности вдоль режущего края.

Металл всех трех ножей характеризуется мелкозернистым строением и вытянутостью шлаковых включений. Крупнозернистый феррит обнаружен только на лезвии ножа с повышенным содержанием фосфора. Сварочные швы, тонкие и чистые, выполнены тщательно.

С точки зрения эксплуатационных свойств технологическая схема ножа № 234I самая рациональная и качественная. Нож № 2340 в силу употребления пакетной сварки обладал повышенной гибкостью, однако лезвие его не подвергалось никаким упрочняющим операциям. Нож № 2342 представляет дешевую железную продукцию, повышенное содержание фосфора в металле с современной точки зрения является браком, т.к. способствует хладноломкости (хрупкости при низких температурах). Однако в некоторых случаях фосфор желателен, т.к. способствует повышению стойкости и облегчает обрабатываемость режущим инструментом /5,с.I85/

Могильник. В аналитической коллекции железные изделия из могильника представлены пятью ножами и двумя теслами-мотыжками.

Нож № 2344 - в деревянном футляре, может быть второго типа, сохранил фрагмент металла только в центральной части. Фрагмент имеет чисто ферритное строение, так что условно этот нож может быть отнесен к железным изделиям (рис.I).

Нож № 2345 состоит из двух фрагментов, тип, возможно второй. Исследованию был доступен незначительный участок спинки ножа, который имеет феррито-перлитное строение с содержанием углерода 0,I-0,2%. Также условно, этот нож отнесен к цельностальным изделиям, откованным из малоуглеродистой гомогенной стали.

Нож № 4I64, второго типа, откован из качественной стали, подвергнут закалке в холодной воде и дополнительно небольшому отпуску. Закалка носила местный характер. Структура термообработанных участков, мартенсито-троститовая, в центре ножа, с микротвердостью 5I4-464 кгс/мм^2, и сорбито-троститовая с микротвердостью 350-322 кгс/мм^2, на острие.

Два ножа откованы с применением сварки. Нож № 2343, с прямым перекрестием (4 тип), был сварен из двух полос: железа и стали, с выходом стали на острие. Сталь неравномерно науглероженная, содержание углерода от 0,3 до 0,5%, микротвердость - I8I-I93 кгс/мм^2. Бесформенный обломок лезвия № 4I63 0,5 %, микротвердость - I8I-I93 кгс/мм^2. Бесформенный обломок лезвия № 4I63 откован в технологии наварки. Интересна основа ножа, которая сварена из трех чередующихся полос железа и мягкой стали. В центре основы - мягкое железо с микротвердостью I22-I35 кгс/мм^2, полосы стали с содержанием углерода 0,I-0,2% и 0,2-0,3% имеют микротвердость - I43 кгс/мм^2 и I70 кгс/мм^2. При переходе к лезвию помещена плавно изогнутая тонкая полоска феррита с повышенным содержанием фосфора, микротвердость - 254 кгс/мм^2. На лезвие наверена сталь, структура сорбита с мартенситовой ориентировкой свидетельствует о закалке с отпуском.

Два тесла-мотыжки также изготовлены с применением сварки. Мотыжка № 4I62 - плохой сохранности, рабочий край утрачен. В сохранившемся виде откована из двух полос: железа и малоуглеродистой стали. Содержание углерода 0,I-0,2%, микротвердость железа - I5I кгс/мм^2, стали - 236 кгс/мм^2 (рис.I). Тесло № 4I6I отковано из пакетированной заготовки, в которой осуществлен целенаправленный подбор полос. Стальные полосы помещены на боковые плоскости и в центр изделия, между ними железные, сталь, сливаясь на лезвии, образует единое острие. Конечной операцией была местная термическая обработка. Наблюдается переход структур от мартенсита на кромке острия к сорбитообразному перлиту,

а затем к феррито-перлиту. Микротвердость закаленных участков изменяется от 572 кгс/мм^2 до 274 кгс/мм^2.

Металл железных изделий из Маяцкого могильника характеризуется мелкозернистыми и мелкодисперсными структурами, хорошо освобожденными от шлаковых включений. Худшая прокованность отмечается у мотыжки № 4162, где имеется несколько грубых шлаков. Сварные работы отличаются умелостью исполнения: швы тонкие, чистые.

Ножи Маяцкого могильника, также как и городища, представлены разными типами и изготовлены с помощью различных технологических приемов. Обнаружены как простейшие в изготовлении лезвия, железные, цельностальные, так и лезвия, механические свойства которых повышены термообработкой или наваркой рабочей части.

Селище. Селище - сложный памятник, сочетающий жилые постройки и погребальные сооружения 6, с.96,99,133 . В соответствии с этим железные изделия Маяцкого селища разделены на две группы: предметы, происхождение которых четко связано с жилыми постройками, хозяйственными сооружениями и ямами, и вещи, связанные с погребениями в катакомбах.

К первой группе относятся серпы, скобель, хозяйственный топор, пять ножей, мотыжка, боевой топор, крюк и изогнутый стержень, т.е. большей частью, хозяйственный и бытовой инвентарь.

Два серпа были откованы из железа. Серп № 2322 - маленький, круто изогнутый, деревянная рукоять крепилась при помощи заклепок, одна из которых сохранилась вместе с шайбой. Он интересен тем, что на лезвии структура феррита содержит неметаллические включения азота: игольчатые нитриды. Микротвердость феррита 170-193 кгс/мм^2. Серп № 2323 представляет собой рукоять с прилегающей назначительной частью лезвия. Он был сварен из двух полос железа: мелкозернистого с микротвердостью 143-151 кгс/мм^2 и с повышенным содержанием фосфора с микротвердостью 254-297 кгс/мм^2. Полоса фосфорного железа выходила на режущий край (рис.2).

Узколезвийный проушной топор № 2326 был откован из толстой болванки железа и подвергнут сквозной цементации рабочего края (рис.2). Проушина топора была изготовлена путем перегиба

прямоугольной болванки в центральной части и сваркой соприкасающихся половинок. Сварка грубая, ошлакованный сварочный шов хорошо фиксируется как визуально на обеих торцевых гранях топора, так и микроскопически. Конечной операцией была закалка лезвия в холодной воде. Наблюдается переход структуры от феррита-перлита к сорбитообразному перлиту, затем к мартенсито-троститу и мелкоигольчатому мартенситу. Микротвердость постепенно повышается: 254-383-572 кгс/мм^2.

Скобель № 2332 - инструмент для работы по дереву (рис.2) - был откован из полосы железа, по всей длине полотна была наварена полоса высокоуглеродистой стали, затем проведена тепловая обработка: закалка в холодной воде. Образец, взятый около ручки изделия свидетельствует, что закалка была местной.

Инструмент № 2333 представляет собой, видимо, какой-то специальный резец. Основная часть в виде толстого изогнутого стержня заканчивается специально выделенным острием, другой конец широко раскован, на нем сохранились остатки дерева от рукояти. Изучение продольного сечения острия показало, что инструмент откован из пакетного металла. Наблюдается подбор полос: три полосы малоуглеродистой стали и между ними две полосы высокоуглеродистой, одна из которых выходила на острие. Содержание углерода на лезвие 0,6-0,7%, микротвердость 236-254 кгс/мм^2. Наблюдаются участки видманштедтной структуры, свидетельствующие о перегреве изделия.

Три ножа откованы из цельностальных полос металла. Все три принадлежат ко второму типу, с уступами при переходе к лезвию. На изготовлению ножей № 2317 и 2318 пошла тщательно прокованная малоуглеродистая сталь: содержание углерода 0,1-0,2% и 0,3%, микротвердость 193 и 221 кгс/мм^2. Интересно, что лезвие ножа № 2318 подверглось наклепу: зерно на острие сплющено в результате пластической деформации в холодном состоянии. Нож № 2319 изготовлен из высокоуглеродистой стали и закален в холодной воде. Структура мелкоигольчатого мартенсита имеет микротвердость 514 кгс/мм^2. Следует отметить, что на ручке ножа наблюдаются только следы закалки.

Ножи № 2320 и 2321 изготовлены из пакетного металла. При выковке ножа № 2321 была использована полоса, состоящая из че-

тырех узких полосок малоуглеродистой стали; содержание углерода 0,I-0,3%, микротвердость 206,22I,236 кгс/мм^2. Наблюдается видманштедность структуры. Нож № 232I относится ко второму типу (рис.2). Нож № 2320 - третьего типа, с шиповидным выступом на спинке - полоса, пошедшая на его изготовление, состояла, в основном из качественной стали с тонкими железными прокладками. Закалка осуществлялась в холодной воде: структура мелкоигольчатого мартенсита, микротвердость 420 кгс/мм^2.

При выковке крюка № 2334 также была использована пакетная заготовка, состоящая из полос железа и малоуглеродистой стали (рис.2).

Боевой топорик № 2324 - очень изящный и маленький, с опущенной бородкой и молотковидным обухом, образованным приваренной пяткой в виде круглой пластины, толщиной - 5 мм. Лезвие пробито специальным инструментом треугольного сечения. Секирка откована из железа, плохо освобожденного от шлака. Микротвердость I70 кгс/мм^2 (рис.3).

Мотыжка № 2329 сварена из трех полос металла: в центре качественная сталь, выходящая на лезвие, по краям узкие полосы феррита. При сварке углерод диффундировал в феррит. Структура мартенсита с микротвердостью 420-464 кгс/мм^2 свидетельствует о резкой термической обработке. Лезвие мотыжки откована в технологии трехслойного пакета (рис.2).

Кузнечные изделия первой группы отличаются хорошей прокованностью металла, преобладают мелкозернистые и мелкодисперсные структуры. Качество сварочных работ, как правило, высокое: швы тонкие, чистые. Перегрев, зафиксированный на двух предметах (нож № 232I и инструмент № 2333), не связан с недостатком мастерства, а является, вероятно,следствием пребывания в огне т.к. оба изделия найдены на одном раскопе и в одном квадрате. Ножи Маяцкого селища, как городища и могильника, относятся к разным типам и для их изготовления использованы различные приемы. Однако они менее вариабельны: только пакетные и цельностальные. Интересно, что цельностальные ножи найдены в одной постройке (№ 5), которая, по мнению исследователей, относится к последнему этапу существования Маяцкого селища /6, с.II9/ .

Железные изделия второй группы Маяцкого селища представляют обычный инвентарь катакомбных могильников: в основном, вооружение и снаряжение всадника.

Два топора-секиры № 2325 и № 2327 чрезвычайно плохо сохранились, каждый состоит из двух фрагментов. Секира № 2325 (кат.3,п.I) относится к типу, который ранее в салтовских материалах нам не встречался, аналогий не обнаружено. Она имеет сильно вытянутые в длину пропорции, обух кончается тонким веерообразным расширением, отделенным от основной части рельефом. На плоскости обуха наблюдаются остатки кружкового орнамента. О типе лезвия сказать что-либо трудно, т.к. оно сильно повреждено коррозией. В сохранившемся виде топор откован из железа, подвергнут глубокой сквозной цементации рабочего края, вероятно, уже в изделии, т.к. наблюдается характерный для цементации рост зерен, не снятый последующей ковкой. Содержание углерода от 0,I до 0,7%, микротвердость I70-254 кгс/мм^2. Секира № 2327 (кат.хоз.ямы 25), вероятно, относится по типологии С.А.Плетневой /2, с.I40/ к первому отделу-молотковидных, т.к. на коротком, плохо сохранившемся обухе, все же заметно легкое расширение пятки. Тип второй: в нижней части лезвия наблюдается выемка. При изготовлении секиры была использована пакетная заготовка, состоящая из полос железа и малоуглеродистой стали. Наблюдается некоторая целенаправленность: сталь помещена в центре и выходит на режущий край. Микротвердость железа - I8I кгс/мм^2, стали - 22I кгс/мм^2 (рис.3).

Сабли представлены четырьмя экземплярами. Это обычные слабоизогнутые клинки, или их фрагменты, так называемый салтовский тип /7, с.I34-I39/ .

Сабля № 2339 (кат.I)представляет собой лезвие с прилегающим штырем рукояти, общей длиной - 66 см;от лезвия сохранилось еще несколько фрагментов (рис.3). Перекрестие напускное, прямоугольных очертаний, в некорродированном виде, возможно, имело фигурную форму. Отдельно сохранилась деревянная ручка, длиной 9 см, с железным навершием в виде прямоугольного бруска с отростком. В типологии, разработанной Н.Я.Мерпертом, не находит точных аналогий т.к. брусковидные навершия

I типа не имеют отростков, а навершия с отростками (2 и 3 тип) другой формы /7, с.I38 /. Лезвие сабли, в виде узкой полосы треугольного сечения, в последней трети длины сечение овально-заостренное, сохранилось очень плохо, режущий край утрачен. Пробы, взятые как с однолезвийной части клинка, так и с обоюдоострой, показывают, что клинок на всем протяжении был откован из единой полосы металла. В сохранившемся виде сабля откована из среднеуглеродистой гомогенной стали: содержание углерода - 0,4-0,5%, микротвердость I93-206 кгс/мм^2. На концах шлифов перлит приобретает сорбитообразный характер, микротвердость повышается до 254-274 кгс/мм^2, что указывает на вероятность термической обработки лезвия. Проковка была очень тщательной и долгой (рис.3).

Сабля № 2338 (хоз.яма I8, кат.п.2) найдена согнутой приблизительно в середине клинка под углом I50°. Общая длина сабли вместе с остатками рукояти около 73 см, перекрестие - напускное, фигурное, с расширяющимися округлыми концами - обломано. Клинок, длиной 69 см, однолезвийный на протяжении 45 см в последней трети переходит в двулезвийный. Рукоять была деревянной, крепилась при помощи железных гвоздей. Наибольшая ширина 3,2 см, режущий край в значительной степени утрачен. Для выковки сабли была взята полоса железа, которую тщательно расковали на длину будущего изделия. К ней по всей длине приварили полосу высокоуглеродистой стали. Вторая полоса подверглась для получения стальной структуры цементации: содержание углерода в центральной части 0,6-0,7%, микротвердость 206-22I кгс/мм^2. Затем приступили к оттяжке лезвий, вытяжка происходила при повторном нагреве, при этом произошла потеря углерода на лезвии: фиксируется содержание 0,4-0,5%. Двулезвийная часть клинка лучше сохранила режущие края, структура концов шлифа имеет сорбитообразный характер и повышенную микротвердость 254-297 кгс/мм^2, что свидетельствует о термообработке лезвий. Закалка, вероятно, носила местный характер, но слои, где можно было четко наблюдать переход структур от мартенсита к сорбитообразному перлиту, утрачены.

Обломок сабли № 2336 (жил.2, тайник), длиной 32 см, значительно поврежден коррозией, наибольшая ширина 3 см. Он пред-

ставляет собой центральную часть однолезвийного клинка, на одном из концов которого наблюдается переход к двулезвийной части. Поскольку режущие края утрачены, мы можем судить только об изготовлении сердцевины клинка. Изучение обоих концов обломка сабли показывает, что клинок был откован из пакетной полосы, сваренной из тонких полос железа и малоуглеродистой стали: содержание углерода 0,I-0,2%. В двулезвийной части обнаружен участок, где наблюдаются неметаллические включения азота, особенно много нитридов около вкраплений коррозии (рис.3).

Обломок сабли № 2337 (жил 2, тайник) длиной I9 см, наибольшая ширина 3 см, представляет собой двулезвийный суживающийся конец клинка, на обломанном конце наблюдается переход сечения к треугольному. Клинок блы откован из мягкого железа: микротвердость I35-I43 кгс/мм^2. В лезвие вварена полоса малоуглеродистой стали: содержание углерода 0,I-0,2%, микротвердость 22I кгс/мм^2. В центральной части наблюдается участок, насыщенный азотом, игольчатые включения нитридов обнаружены как в железе, так и в стали (рис.3). Обломки № 2336 и № 2337 найдены в тайнике, вырытом в полу жилища 2, вместе с набором сбруи, бляхами, серебряным наконечником ножен. Тайник несомненно связан с катакомбой, пересекающей это жилище /6, с.99, I34/. Поскольку наконечник от ножен был один, то фрагменты клинка № 2336 и 2337 (сильно корродированные) также первоначально были отнесены нами к одному лезвию. Однако форма фрагментов, на которых в обоих случаях фиксируется переход от однолезвийной части к двулезвийной, а также разная технология изготовления: вварка и многослойная пакетная заготовка свидетельствуют о том, что они принадлежали двум разным саблям.

Установление факта наличия в тайнике обломков двух различных клинков говорит, видимо, в пользу предположения о том, что вещи в тайнике являются кладом, поскольку обнаружение двух сабель в одном погребении - явление чрезвычайное, известно, что сабли находят в катакомбах и в других видах погребальных сооружений очень редко, что связано, по мнению исследователей, с высокой стоимостью этого вида оружия и передачей его по наследству /2, с.I57/.

Удила № 2335 с гвоздевидными псалиями демонстрируют искус-

ную кузнечную работу (рис.3). Витые рельефные стержни псалиев и удил с подчеркнутыми переходами, четкость линий, изящество контура свидетельствуют о мастерском владении пластической деформацией металла в горячем состоянии. Технология изготовления удил также оказалась довольно интересной. Для получения витого рельефа на стержне заготовку из мягкого железа (микротвердость 135 кгс/мм^2) подвергли в горячем состоянии операции скручивания, в результате шлиф приобрел полосчато-круговой вид. Для выковки округлых грызл удил на витой железный стержень была наварена полоса среднеуглеродистой стали. Содержание углерода 0,3-0,5%, микротвердость 236 кгс/мм^2. Исходя из назначения предмета, повышение механических свойств рабочей части удил выглядит, довольно, целенаправленным, т.к. грызла, находясь во рту лошади, будучи изготовлены из мягкого материала, достаточно быстро придут в негодность. Предъявление повышенных требований к качеству удил было зафиксировано на удилах Дмитриевского могильника, грызла которых изготовлены из процементированной заготовки, закалены и отпущены. Следует отметить, что в древних центрах коневодства - на Северном Кавказе (IУ в. до н.э.) и на территории Скифии того же времени - удила обычно также изготовлялись из качественной стали, путем дополнительной цементации /8, с.123/ .

Три тесла-мотыжки второй группы изготовлены с помощью трех технологических схем. Мотыжка № 2328 откована из железа с повышенным содержанием фосфора. В центральной части наблюдается полоса фосфорной сегрегации, микротвердость 274-297 кгс/мм^2. Мотыжка № 2330 изготовлена из пакетной заготовки, состоящей из полос железа, микротвердость 135,160,193,206 кгс/мм^2. При сварке произошла небольшая науглероженность железных полос. Железное лезвие мотыжки № 2331 был подвергнуто односторонней поверхностной цементации. Содержание углерода увеличивается к рабочему краю от 0,1 до 0,5%, микротвердость 221-254 кгс/мм^2. Мелкозернистость структуры свидетельствует, что после цементации изделие было проковано (рис.2).

Железные изделия, обнаруженные в погребениях на селище, отличаются мелкозернистостью структур, что указывает на хорошую проковку и правильно выдержанную температуру нагрева

поковки, особенно это характерно для клинков сабель. Тесла-мотыжки откованны несколько небрежнее: встречается металл хуже освобожденный от шлаковых включений с крупнозернистой структурой. Как и в описанных выше группах, в катакомбах селища обнаружены пакетные и цельные, монолитные предметы. Выявлено употребление технологических схем обеспечивающих улучшение рабочих свойств изделий: цементация, вварка, наварка. Преобладает гомогенная малоуглеродистая сталь.

Охарактеризовав кузнечные изделия с каждого археологического памятника, входящего в Маяцкий комплекс, можно рассмотреть коллекцию в целом. Довольно очевидно, что материал коллекции распадается на две группы: погребальный инвентарь (предметы из могильника и катакомб селища) и поселенческий (из слоя городища и из жилых построек селища). Для сравнения этих групп составлены таблицы I и 2. Таблицы требуют некоторых пояснений. Термин "монолитные", конечно, условен, он касается способа первоначальной обработки и введен для отличия от пакетирования как способа обработки полуфабриката. В раздел пакетных помещены изделия из 2-х и из 3-х полос т.к. сварка осуществлена вдоль всего сечения и, в принципе от пакетных, они отличаются только количеством полос. В нашем материале таких изделий мало и на фоне большого количества пакетных можно предполагать, что они обязаны им своим происхождением. Поскольку пакетирование для многих изделий является единственным технологическим приемом, то среди них выделены сваренные из железа и малоуглеродистой стали и с применением качественной стали, т.к. последние обеспечивают более высокие свойства рабочей части изделия.

Материал Маяцкого комплекса на таблицах I и 2 распределен равномерно: 16 изделий из слоя, 17 - из погребений. Следовательно, сопоставляя их между собой, получим картину соотношения близкую к истинной. На основании анализа таблиц I и 2 можно сделать вывод об идентичности материала независимо от его принадлежности к погребальному инвентарю или к находкам из слоя. Так, цифровые данные таблиц очень близки: количество изделий, откованных из пакетной заготовки и монолитных; количество предметов, лезвия которых были упрочнены дополнительными операциями (цементацией, вваркой и др.) - из слоя - 4, из погребений - 5;

Таблица I. Кузнечные изделия Маяцкого городища и селища[I]

Технология	Категории									
	Ножи	Серпы	Хоз. топор	Скобель	Инстру-мент	Мотыж-ки	Крюк	Топор-секира	Всего	%
I	2	3	4	5	6	7	8	9	I0	II
Монолитная основа										
Ф	I	I	-	-	-	-	-	I	3	
Цельно-стальные	3(I)	-	-	-	-	-	-	-	3(I)	
Цементация	-	-	I(I)	-	-	-	-	-	I(I)	
Вварка	I(I)	-	-	-	-	-	-	-	I(I)	
Наварка	-	-	-	I(I)	-	-	-	-	I(I)	
Итого:	5(2)	I	I(I)	I(I)	-	-	-	I	9(4)	56
Пакетная заготовка										
Ф + МУС	2	-	-	-	-	-	I	-	3	
Ф + ВУС	I(I)	-	-	-	I	-	-	-	2(I)	
из 2-х полос	-	I	-	-	-	-	-	-	I	

Таблица I (продолжение)

I	2	3	4	5	6	7	8	9	I0	II
из 3-х полос	-	-	-	-	-	I(I)	-	-	I(I)	
Итого:	3(I)	I	-	-	I	I(I)	I	-	7(2)	44
Всего:	8(3)	2	I(I)	I(I)	I	I(I)	I	I	I6(6)	I00

[I] Обозначения на таблицах : Ф - железо, МУС - малоуглеродистая сталь, ВУС - высокоуглеродистая сталь. Количество термообработанных предметов дано в скобках.

Таблица 2. Железные изделия из погребений Маяцкого комплекса

	Технология	Категории: Ножи	Топоры-секиры	Сабли	Удила	Тесла-мотыжки	Всего	%
Монолитная основа	Ф	I	-	-	-	I	2	
	Цельносталь-ные	2(I)	-	I(I)	-	-	3(2)	
	Цементация	-	I	-	-	I	2	
	Вварка	-	-	I	-	-	I	
	Итого:	3(I)	I	2(I)	-	2	8(2)	5I
Пакетная заготовка	Ф + МУС	-	I	I	-	I	3	
	Ф + ВУС	-	-	-	-	I(I)	I(I)	
	из двух полос	I	-	I(I)	-	I	3(I)	
	Наварка	I(I)	-	-	I	-	2(I)	
	Итого:	2(I)	I	2(I)	I	3(I)	9(3)	49
	Всего:	5(2)	2	4(2)	I	5(I)	I7(5)	I00

количество термообработанных изделий. Сведения, приведенные выше, о качестве металла, сварки, характере термообработки делают вывод о тождественности материала еще более очевидным. Вывод этот для нас очень важен, т.к. позволяет использовать инвентарь погребений как полноценный источник, характеризующий кузнечную технику и технологию аланского варианта салтовской культуры.

Изучение 33 железных изделий Маяцкого комплекса позволяет выявить особенности, присущие кузнечной обработке населения,

оставившего этот памятник. Прежде всего мы имеем возможность судить о качестве исходного сырья. Кузнецы Маяцкой крепости и расположенного рядом селища располагали металлом, который был изначально сильно засорен шлаками. Там, где проковка изделия не очень тщательна, наблюдается большое количество кричных шлаков. Кузнецам, видимо хорошо был известен этот недостаток, поэтому они подвергали изделия энергичной длительной проковке. В результате продукция приобретала мелкозернистое и мелкодисперсное строение и освобождалась от шлаков. Это обстоятельство, возможно, было одной из причин,побуждавшей кузнецов часто прибегать к пакетной сварке, специальной обработке железной крицы для получения полуфабриката с повышенными механическими свойствами, т.к. в процессе длительной ковки металл значительно терял массу.

Помимо простого железа употребляли маяцкие кузнецы железо с повышенным содержанием фосфора: I2% изделий откованы с применением этого материала (два ножа, серп, мотыжка). При изготовлении ножа № 2342 и мотыжки зафиксированны участки фосфорной сегрегации в центральной части изделий. Это свидетельствует о том, что часть железа, получаемого маяцкими кузнецами, была выплавлена из руды с высоким содержанием фосфора, т.к. известно, что фосфор переходит в металл из руд. На серпе высокофосфорное железо употреблено в качестве полосы для лезвия. Лезвия из этого материала обладают высокой твердостью и западноевропейские кузнецы применяли его при изготовлении лезвий топоров / 9, с.907/ . К тому же фосфорное железо легче, чем другие материалы поддается обработке режущим инструментом. Следовательно, использование высокофосфорного железа для лезвия серпа функционально оправданно, т.к. полотна салтовских серпов зубрились т.е. насекались в холодную.

На ноже № 4I63 высокофосфорное железо использовано в качестве прокладки между пакетной основой и наварным лезвием из твердой стали. Средневековым кузнецам из развитых центров по металлообработке было известно свойство фосфорного железа облегчать сварку разнородных материалов, а также препятствовать диффузии углерода при ней, что, в частности, использовалось при выковке дамасскированных изделий / I0, с.205; II, с.36/ .

Нож № 4I63, возможно, является экземпляром такого рода.

Приведенные данные показывают, что кузнецы Маяцкого комплекса не только располагали фосфорным железом в качестве сырья, но и умело и целенаправленно применяли этот материал.

В качестве материала для работы маяцкие мастера располагали не только несколькими сортами железа, но и сталью. Преобладающим материалом была мягкая гомогенная сталь. Сталь сырцовая неравномерно науглероженная использовалась редко. Была известна и высокоуглеродистая сталь, полученная специально, путем дополнительной цементации заготовки. Она применялась, в основном, в виде небольших полос для создания твердого лезвия, хотя есть два предмета (ножи), откованных целиком из высокоуглеродистой стали. В Маяцком комплексе изделия, откованные с применением качественной стали составляют 30% (I0 экземпляров).

Располагая различным материалом, мастера в совершенстве владели всеми операциями свободной кузнечной ковки: рубкой, резкой, разгонкой, пробивкой и прошивкой отверстий, гибкой, скручиванием, заточкой. Четкие контуры изделий разнообразной формы, сложная конфигурация некоторых предметов (удила), рельефные линии, подчеркивающие переходы сечения на хорошо сохранившихся вещах, кружковый орнамент, выполненный пуансоном (топор), свидетельствуют о наличие специального оборудования и длительном навыке работы с горячим металлом.

Кузнецы достигли большого мастерства и в области сварки. Обычной была для них не только сварка металла близкого по составу, но и требующая значительно большего искусства и знаний сварка мягкого железа с твердой сталью. Вообще все, что касается операций, связанных с пластической деформацией металла в горячем состоянии, выполнено, как правило, безукоризненно. Практически нет структур перегрева.

Тесно связана со знанием температурных режимов и наличием качественной стали тепловая обработка поковок: более 30% изделий прошли термическую обработку. Почти во всех случаях закалочной средой служила холодная вода, т.е. закалка была резкой. Отпуск был известен кузнецам Маяцкого комплекса, однако применялся одн редко: всего два ножа (6%), цельностальной и наварной, были подвергнуты дополнительному нагреву. Думается, что это связано с местным характером термообработки, т.к. мягкая, вязкая сердцевина поковки препятствовала возникновению излишних напряжений в твердой, но хрупкой структуре режущего края; поэтому особой необходимости в дополнительных операциях по их снятию не было.

Соотношение технологических схем на таблице 3 показывает, что кузнечной обработке Маяцкого комплекса были не чужды приемы, направленные на улучшение рабочих свойств лезвий поковок. Мастера знали цементацию, вварку, наварку. В количественном отношении таких изделий немного и делать вывод о преимущественном использовании какой-либо технологической схемы нет оснований. Цементация в процентном отношении выглядит наиболее представительно. Применялась как сквозная цементация рабочего лезвия (хоз.топор), так и поверхностная (мотыжка, боевой топорик). Заметим, что цементация использовалась для создания стального слоя на массивных предметах коллекции.

В технологии наварки откованы скобель и нож. Для скобеля это наиболее рациональная технологическая конструкция, полностью соответствующая функциональному назначению, недаром скобели со стальным наварным лезвием использовались на Руси с IX по XX вв./ I2, с.II4/ . Наварные ножи - явление редкое в салтово-маяцких древностях.В.К.Михеев, изучая ножи этой культуры, пришел к выводу, что среди них преобладали цельностальные и что они не подвергались тепловой обработке/ 4,с.98/ . Исследование ножей Маяцкого комплекса показывает, что 38% из них прошли термическую обработку, число цельностальных относительно велико, но преобладают все же откованные с помощью сварки. Интересно, что все цельностальные ножи относятся ко второму типу.

В целом изделия, при выковке которых была использована какая-либо технологическая схема, улучшающая качества рабочей части, составляют в Маяцком комплексе 27%.

Основной особенностью железных изделий Маяцкого комплекса является широкое применение приема пакетования. В пакет сваривались, в основном, полосы железа и мягкой стали, что само по себе повышало механические свойства изделия, откован-

Таблица 3. Железные изделия Маяцкого комплекса

Технология		Категории											
		Ножи	Серпы	Скобель	Хоз. топор	Тесла-мотыжки	Инструмент	Топоры-секиры	Сабли	Удила	Крюк	Всего	%
	I	2	3	4	5	6	7	8	9	I0	II	I2	I3
Монолитная основа	Ф	2	I	-	-	I	-	I	-	-	-	5	I6
	Цельностальные	5(2)	-	-	-	-	-	-	I(I)	-	-	6(3)	I8
	Цементация	-	-	-	I(I)	I	-	I	-	-	-	3(I)	9
	Вварка	I	-	-	-	-	-	-	I	-	-	2(I)	6
	Наварка	-	-	I(I)	-	-	-	-	-	-	-	I(I)	3
	Итого:	8(3)	I	I(I)	I(I)	2	-	2	2(I)	-	-	I7(6)	52
Пакетная заготовка	Ф + МУС	2	-	-	-	I	-	I	I	-	I	6	I8
	Ф + ВУС	I(I)	-	-	-	I(I)	I	-	-	-	-	3(2)	9
	из двух полос	I	I	-	-	I	-	-	I(I)	-	-	4(I)	I2
	из трех полос	-	-	-	-	I(I)	-	-	-	-	-	I(I)	3

Таблица 3 (продолжение)

I	2	3	4	5	6	7	8	9	I0	II	I2	I3
Наварка	I(I)	-	-	-	-	-	-	-	I	-	2(I)	6
Итого:	5(2)	I	-	-	4(2)	I	I	2(I)	I	I	I6(5)	48
Всего:	I3(5)	2	I(I)	I(I)	6(2)	I	3	4(2)	I	I	33(II)	I00 (33)

ного из такого полуфабриката т.к. многослойные изделия имеют ряд преимуществ перед однородными, в частности, обладают повышенной гибкостью, сопротивлением ударной нагрузке, упругостью, твердостью / I0, с.I99-20I; I3, с.I7; I4, с.80/ . Наличие среди пакетных изделий предметов, сочетающих на лезвии железо с качественной сталью, а также среди двухслойных, сочетающих эти материалы, свидетельствует, что подбор полос осуществлялся при пакетировании целенаправлено, и может рассматриваться в некоторых случаях как технологическая схема, улучшающая качество лезвия. Следствием такого целенаправленного подхода, видимо, является тесло-мотыжка, единственное изделие, откованное в технологии трехслойного пакета, причем в его классическом варианте.

Подводя итоги металлографического изучения железных изделий Маяцкого комплекса, можно выделить наиболее характерные признаки, присущие всей коллекции.

I. Главным приемом при изготовлении изделий была пластическая деформация металла в горячем состоянии, которой маяцкие кузнецы владели в совершенстве, что нашло выражение в качестве проковки, сварки, выдержанности температурных режимов.

2. Широко использовалась пакетная сварка. При этом вариабельно как сырье (различные сорта железа и стали), так и технические схемы его формовки в пакет для создания единой заготовки будущего изделия. Вероятно, эта особенность определила третий характерный признак маяцкой кузнечной техники, поскольку позволяла кузнецу уже на этом этапе работы обеспечивать довольно высокие механические свойства изделий.

3. Маяцким кузнецам были знакомы технологические схемы, упрочняющие лезвия поковок, хотя они и не получили еще широкого распространения.

4. Термическая обработка применялась активно: все изделия, способные воспринять закалку, термообработаны. Правда, далеко не все, где тепловая обработка необходима, были ей подвергнуты (например, ножи), что находит объяснение в отсутствии в них стали, способной воспринять закалку. Предпочтение было отдано местной или локальной тепловой обработке,

Салтово-маяцкая культура существует в лесостепи со второй половины УШ по начало X века. Как ни узка эта дата, однако, изучая кузнечное ремесло этой культуры, хотелось бы проследить динамику его развития, поэтому время существования Маяцкого комплекса может способствовать решению этой проблемы в дальнейшем. Окончательно вопрос о датировке Маяцкого комплекса еще не решен, но имеются данные о его непродолжительном существовании. С.А.Плетнева считает, что вещевой материал из погребений могильника и селища позволяет отнести его ко времени не раньше середины IX в / I, с.I9/ . В.С.Флеров констатировал в инвентаре могильника отсутствие как наиболее ранних (середина УШ в), так и наиболее поздних (первая половина X в.) предметов / 3, с.I97 / . Интересно в этом плане определение Л.А.Голубевой коньковой привески из катакомбы Маяцкого селища: она относится к середине IX века, ни раньше, ни позже привески подобного типа не встречаются /I5, с.I40 / . На этом основании памятник можно отнести к середине, более широко, ко второй половине IX века. Следовательно, уровень технического развития, основные признаки которого мы выявили, изучая железные изделия Маяцкого комплекса, характерен для салтовской кузнечной обработки середины - второй половины IX века.

I. Плетнева С.А. Маяцкое городище // Маяцкое городище. М., I984. С.3-I9.
2. Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА № I42. М., I967.
3. Флеров В.С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. М., I984.
4. МІхеэв В.К., Степанська Р.Б., Фомин Л.Д. НожІ салтІвськоЇ культури, та их виробництво // АрхеологІя. КІЇв, I973. № 9. С.90-98.
5. Гуляев А.П. Металловедение. М., I977.
6. Винников А.З. Жилища и хозяйственные постройки Маяцкого селища // Маяцкое городище. М., I984.
7. Мерперт Н.Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. ХХШ. М., I955.

8. Терехова Н.Н. Кузнечная техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период // СА. 1983. № 3.
9. Thomsen R. Metallographic studies of an axe from the Migration Age // Journal of the Jron and Steel Institute. 1966. V.204.
10. Pleiner R. Stare evropské kovařství. Praha. 1962.
11. Piaskowski J. Technika gdańskiego hutnictwa i kowalstwa żelaznego X-XIV w. na podstawie badań metaloznawczych // Gdańsk wczesnośredniowieczny. T.II. Gdańsk, 1960.

12. Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА. № 32. М., 1953.
13. Вознесенская Г.А. Техника обработки железа и стали // МИА. № 187. М., 1972.
14. Гурин М.Ф. Древнее железо белорусского Поднепровья. Минск. 1982.
15. Голубева Л.А. Шумящие привески с изображением коня из катакомб Маяцкого селища // Маяцкое городище. М., 1984.

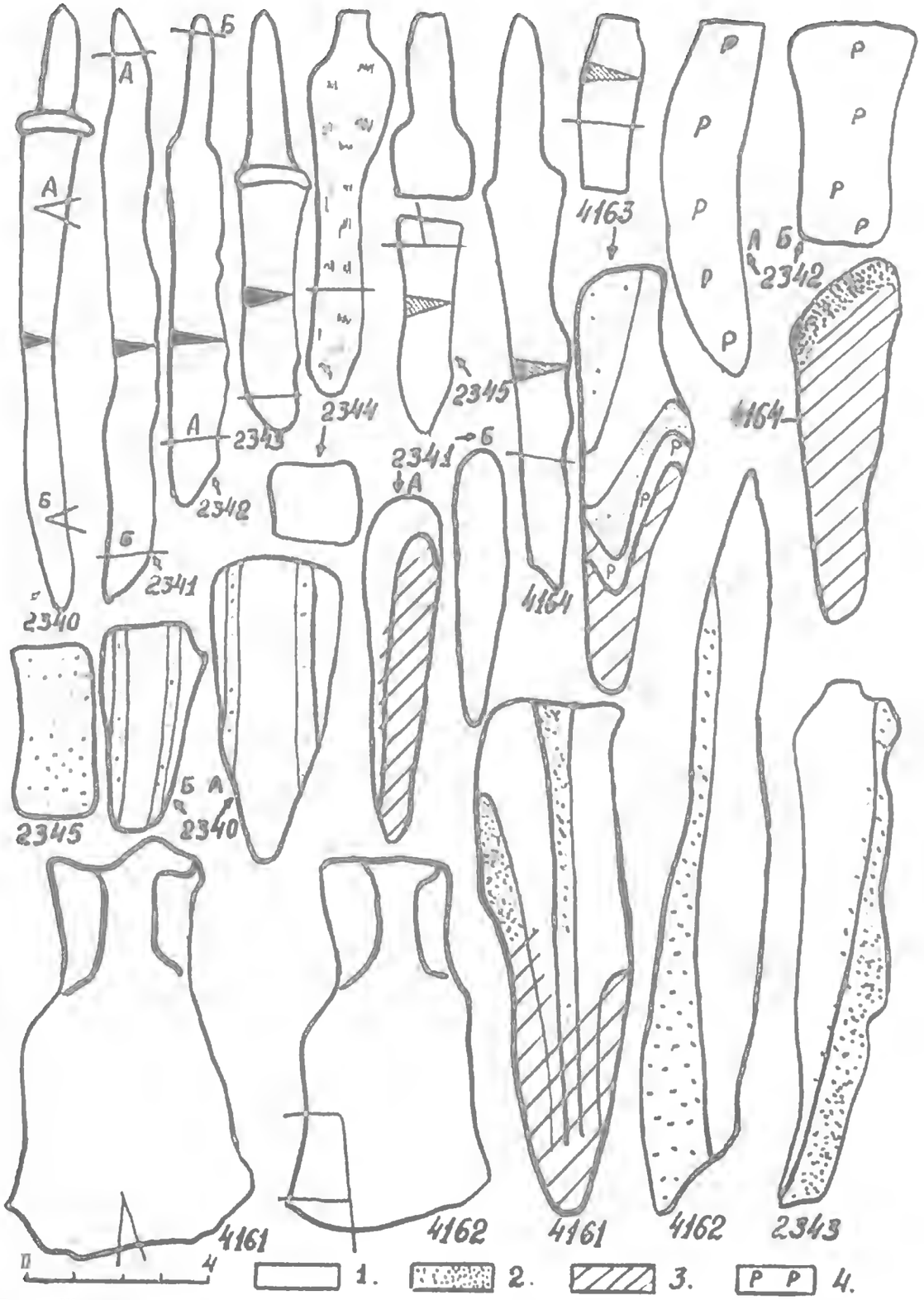


Рис.I - Железные изделия Маяцкого городища и могильника. Условные знаки: I - железо, 2 - сталь, 3 - термическая обработка, 4 - фосфор, 5 - нитриды. Те же обозначения на следующих рисунках.

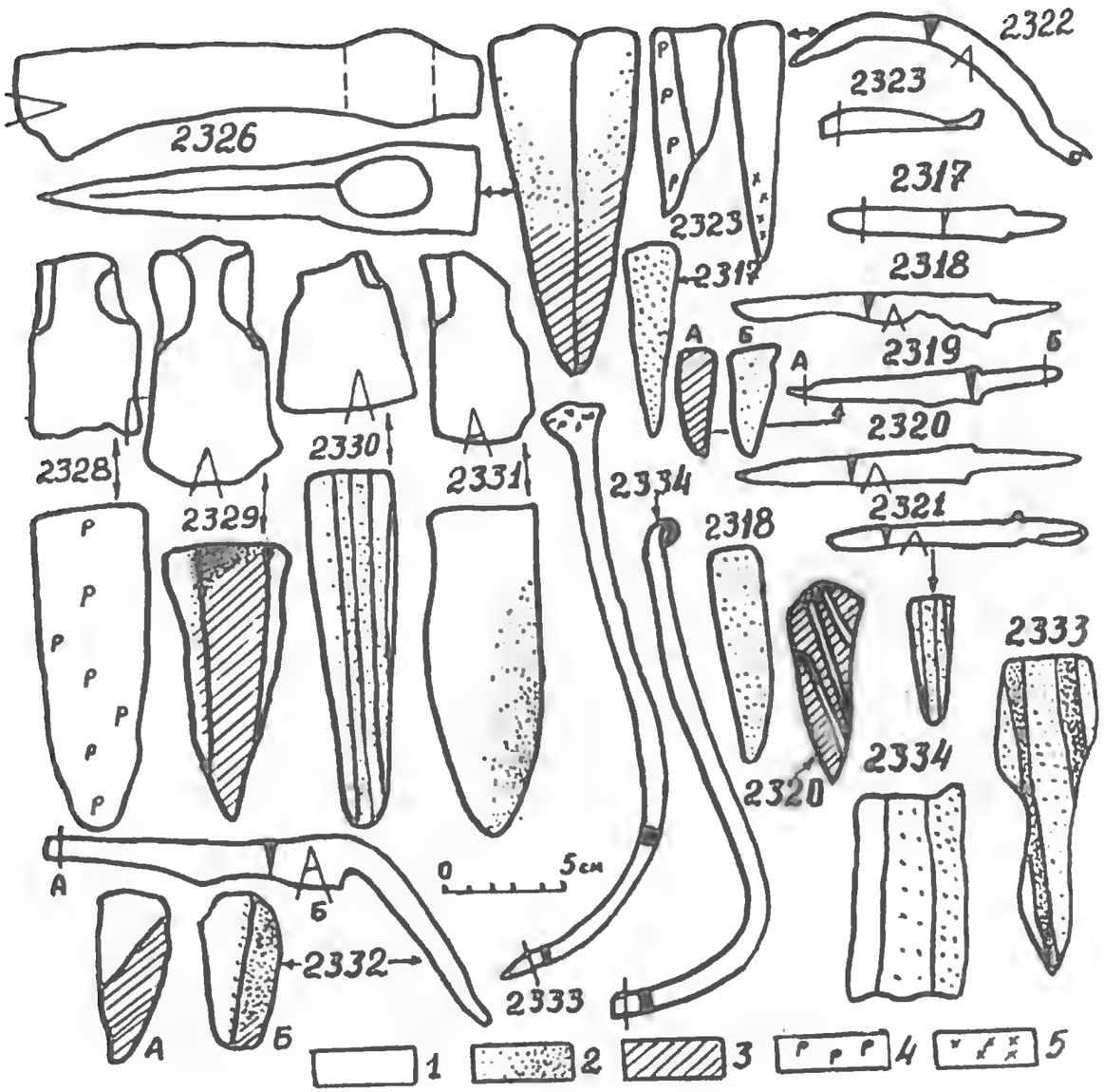


Рис.2 - Орудия труда Маяцкого селища.

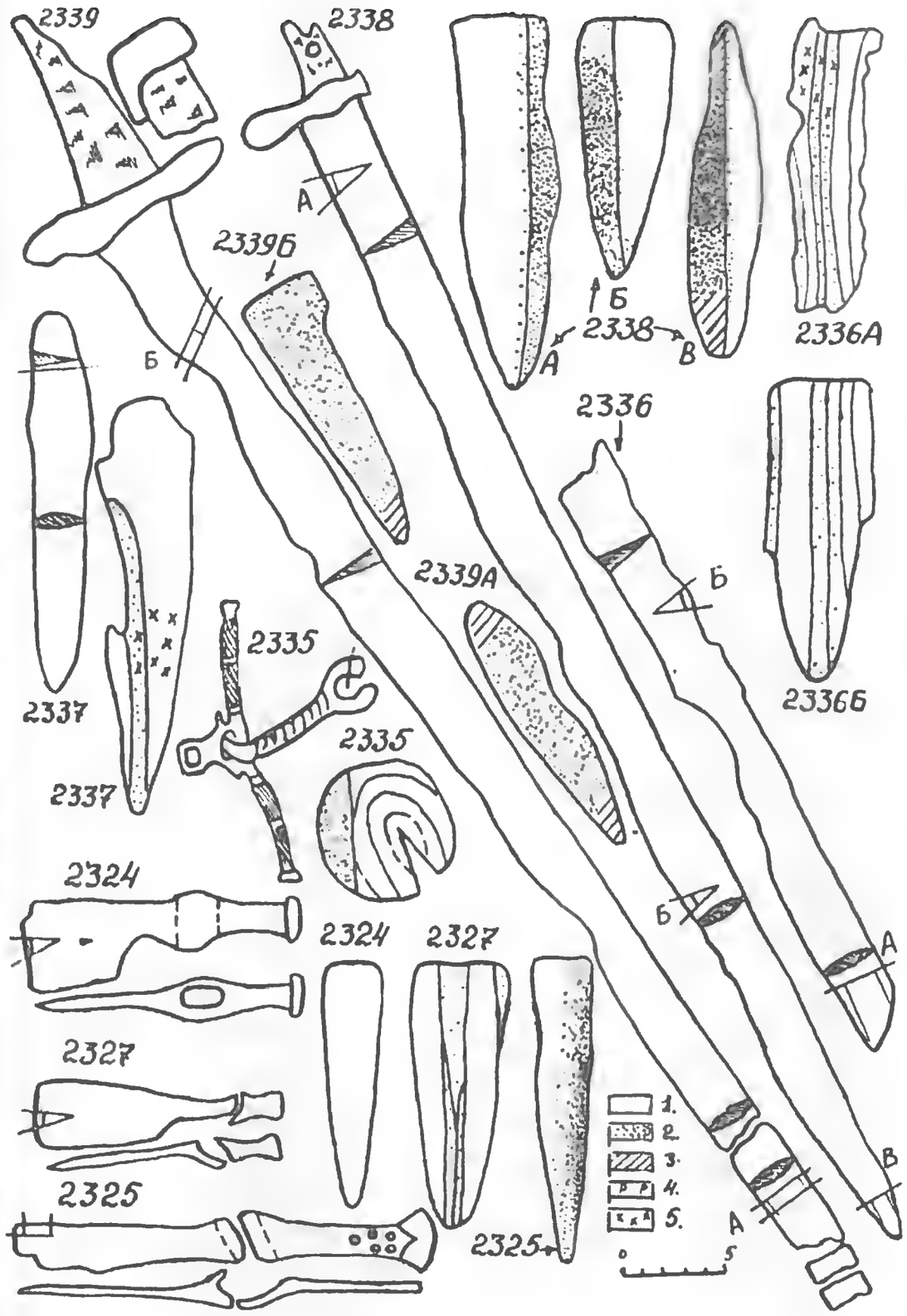


Рис.3 - Оружие и сбруя Маяцкого селища.

Д.Василева

Конструкция и техника стройки стен Маяцкого городища

Участвуя в 1981 г. в исследовании Маяцкой белокаменной крепости в качестве консультанта-архитектора, я получила возможность изучить технику строительства некоторых участков стен этого уникального памятника. Проведенные работы привели к интересным результатам, не отраженным, насколько мне известно, ни в монографиях, ни в статьях, посвященных характеристике подобных укреплений, выстроенных в традициях строительной культуры населения восточноевропейских степей эпохи раннего средневековья.

В настоящей статье излагаются результаты исследования конструкции крепостной стены и делается попытка ее реконструкции.

Руины крепости сохранились в ряде мест до высоты 2 м. Лицевые стороны стен построены из обработанных блоков, расположенных правильными продольными рядами. Вглубь каждый ряд сложен из двух-трех блоков, расположенных по системе "бинде лойфер" (тычком-ложком). Кладка бесфундаментная, сооружали ее прямо на дерновом слое. Она двусторонняя, т.е. образует два каменных щита - внешний и внутренний со средней толщиной каждого 0,80-0,85 м. Расстояние между щитами около 4,8 м. Оно заполнено мелкими известняковыми обломками. Общая толщина стен составляет примерно 6,5 м. Такая значительная толщина стен, построенных без фундамента, а также относительно тонкие щиты, состоящие из насухо (без раствора) сложенных блоков, соотношение которых с заполняющим слоем составляет 0,80:4,80 или I:6[I], дали нам основание в первую очередь по-

I Сравнительно с другими подобными сооружениями соотношение очень велико: на Правобережном Цимлянском городище оно равняется I:4, а на Хумаринском - I:3 (I, С.35-36; 2, С.20-25, Рис.2,7).

ставить вопрос о причинах устойчивости этого сооружения. Возникла необходимость детального изучения конструкции стен. Для этого были сделаны поперечные и продольные (вертикальные и горизонтальные) разрезы в стенах в определенных, наиболее характерных местах с максимально сохранившейся высотой, а именно: два разреза в южном углу крепости и один - вдоль юго-западной стены.[2] Сечение этих частей руин и особенно профиль их южного угла раскрыли почти полностью (в пределах сохранившейся высоты) конструкцию стен. Новым, не известным до сих пор моментом было открытие деревянной конструкции в насыпной массе (ядре) стены. На всех трех профилях открылись части горизонтальных и вертикальных балок, остатки которых были полностью обуглены, но отлично "законсервированы" в плотной и чистой насыпной известняковой массе. Их профили сохранились до такой степени, что на продольных балках отчетливо видны годичные кольца древесины, а у поперечных - линии их внешних поверхностей. Это дало нам возможность установить размеры балочных профилей и расстояния между ними, и, благодаря этому, предложить реконструкцию деревянных креплений стены. Разрезы позволили установить не только их наличие, но и конструкцию стен в целом, то есть способ ее построения, а следовательно- технико-конструктивные познания строителей Маяцкой крепости.

2 При выборке мест для разрезов учитывалась также, естественно, степень разрушенности стен: во всех выбранных для дополнительного исследования местах стена была уже разрушена раскопками Н.Е.Макаренко (3. Рис.4). Мы фактически произвели только "углубленную расчистку обрезов его раскопов, заложенных на южном углу и у ворот креости.

Описание разрезов [3]

I. Южный угол. Разрез А-А (рис.I). Сохранившаяся высота составляет 2,I8 м, а ширина 4,70 м до каменного щита. На древней поверхности, перекрытой стеной, хорошо виден нивелирующий слой глины толщиной до 0,I5 м, над которым прослеживаются остатки закругленных обугленных балок диаметром 0,I2-0,I5 м.

Балки расположены на расстоянии 0,60-0,65 м (измерено от их центров) одна от другой. На таком же расстоянии видны одна на другой поперечные балки толщиной 0,I6 и 0,I4 м. Обе стороны центральной части разреза заканчиваются остатками горизонтальных поперечных балок круглого сечения с диаметром 0,I2-0,I5 м. Расстояние между двумя крайними балками конструкции равняется 4 м. Обугленные остатки балок прослеживаются до высоты 0,45 м, считая от уровня выравнивающего глиняного слоя. Между балками и над ними находится насыпной слой мелких известняковых обломков, которые со временем превратились в плотную гладкую массу, напоминающую известковый раствор. Разрез угла заканчивается с внешней стороны заполняющим слоем из крупных известняковых обломков (размеры их в поперечнике 0,40-0,45 м). В этот слой упирается каменный щит, сохранившийся до высоты двух рядов блоков. Под заполняющим слоем и под блоками прослеживается тонкий (4-5 см) обуглившийся слой остатков толстых досок, уложенных на площадке для обеспечения горизонтального уровня первого (нижнего) ряда каменных блоков щита.

2. Южный угол. Разрез Б-Б (рис.2). Внутрь от угла прослеживаются остатки обугленных поперечных балок, расположенных одна над другой и сохранившихся на длину 0,90 м. Они ле-

[3] В опубликованной статье Г.Е.Афанасьева помещены мои архитектурно-археологические съемки профилей разрезов (4. С.37,43. Рис.I3-I5,23). Так как эти съемки являются базой, на которой мы реконструируем деревянную конструкцию ядра крепостной стены, я позволю себе вновь привести их в настоящей статье с необходимыми уточнениями на правах автора.

жат на выравнивающем слое глины. Хорошо видны также круглые в сечении (диаметром 0,I2-0,I5 м) продольные балки, находящиеся на расстоянии 0,60 м одна от другой. Между ними сохранилась часть вертикальной балки диаметром 0,I8 м, высотой 0,47 м. Структура заполняющего слоя между балками идентична описанной в предыдущем разрезе: плотная масса, напоминающая известковый раствор.

После рассечения южного угла и тщательной очистки площадки между двумя угловыми профилями открылись достаточно выразительные следы основы деревянной обрешетки, сконструированной в насыпном ядре стен. Фактически здесь, на уровне площадки, была раскрыта (in situ) часть горизонтального плана расположения балок деревянной конструкции крепостного ядра (рис.3). На основе "законсервированных" остатков частей этого плана на площадке стала возможной реконструкция вида и объема всей деревянной обрешетки (рис.4).

3. Разрез юго-западной крепостной стены у воротного проема В-В (рис.5). Разрез включает полную толщину стены, которая составляет здесь 6,47 м при сохранившейся высоте I,94 м. В центре ядра видны обугленные остатки поперечных балок, сохранившихся до высоты 0,86 м от основы обрешетки. Расстояния между балками (поперечными и продольными) такие же, как и у углового профиля, а диаметры сечений составляют соответственно 0,I2-0,I4 м, 0,I8-0,20 м. Основа обрешетки также сложена на выравнивающий слой глины. На этом профиле прослежена ширина обрешетки, равная 4 м. Насыпная масса между балками имеет ту же самую структуру, что и описанная выше на угловом участке крепости. С обеих сторон обрешетки насыпаны плотно слежавшиеся крупные известняковые камни, размеры которых в поперечнике нередко достигают 0,5 м.

Как уже говорилось выше, проведенные исследования стены дали нам возможность восстановить самый процесс строительства стен Маяцкой крепости. Рассмотрим его поэтапно.

Техника стройки

Первым действием строителей было трассирование плана укрепления на местности с обозначением его стен, ворот, башен и пр.

После проведения этой работы строители выравнивали, насколько это было возможно, дерновый слой по трассе, доходя местами до скальной основы мыса. На выравненной и вычищенной трассе с внешней и внутренней сторон отмечалась ширина панширей с помощью тонких досок, расположенных вплотную друг к другу поперек трассы. Они были необходимы для нивелировки первого ряда блоковой кладки. На доски насыпался тонкий слой мелких известняковых обломков (щебенка), на который ставили тщательно обработанные каменные блоки, плотно подогнанные один к другому без использования связующего раствора (сухой шов). Между двумя площадками, определенными для каменных щитов, насыпался выравнивающий слой глины, а на нем - укладывали деревянные балки, бывшие основой обрешетки. Оба щита строились по длине стен одновременно до определенной высоты - в два-три блоковых ряда, для того, чтобы образовалась рамка для конструирования деревянной обрешетки. На определенных интервалах по высоте ряды блоков нивелировались с помощью толстых досок. Установлено, что блоковая кладка не опирается на саму обрешетку. Между обрешеткой и блоками (как показывают профили) оставлен промежуток в 0,40-0,50 м, который заполнялся крупными известняковыми обломками. Эта масса нивелировалась в горизонтальном положении теми же толстыми досками, которые выравнивали ряды блоков. Благодаря этому приему, укреплявшему заполняющий слой и связывавшему его со щитами, строители увеличивали толщину и устойчивость каменно-блоковой кладки.

Что касается обрешетки, то она строилась из почти необработанных бревен разного размера. Поперечные бревна укладывались на продольные без соответствующих зарубок. Можно предполагать, что в местах соприкосновений бревна были просто связаны, но установить это при изучении разрезов нам не удалось.

В некоторых клетках обрешетки ставились вертикальные столбы, которые очевидно связывали в единое целов чередующиеся в вертикальном направлении горизонтальные ряды обрешетки. Так предотвращалось скольжение обрешоток в сторону.

Остатки деревянных конструкций, лежавших одна на другой, прослежены до высоты I,I5 м. Невозможно было установить до какой высоты доходила эта конструкция, однако, можно, видимо, допустить, что она была в описанном виде построена не на всей высоте стены. Логично предположить, что в верхних частях стены она сооружалась через определенные интервалы (рис.6).

Строители крепости учитывали, что при задуманной толщине стены (7 м), при ширине щитов (0,8-0,85 м), сложенных из сравнительно мягкого известняка, и при толщине заполнения между ними (до 5 м), абсолютно необходима была дополнительная стабилизация ядра, предотвращающая давление насыпной массы на щиты, которое могло вызвать их двусторонний обвал. Стабилизация ядра была достигнута сооружением деревянной обрешетки. Причем было установлено, что поперечные балки обрешетки в нижних ярусах стены расположены одна на другой. Это усиление стен имело, по-видимому, и оборонное значение: затрудняло попытки непрятеля проникнуть в крепость через пробитую брешь в стене.

На реконструкции разреза стены (рис.6) верхняя часть парапета изображена так, как ее опубликовал Г.Е.Афанасьев (4. С.48. Рис.27). Она вполне возможна и соответствует каменным блокам, обнаруженным на городище (4. Рис.28). Однако, вполне вероятен и иной вариант реконструкции, а именно, "нарезанные" блоки, на которые ставились зубцы,укладывались не на узкую грань (как это показано на чертеже - рис.6), а на широкую. В этом случае и "зубцы" монтировались иначе относительно внешней стороны стены: не треугольными фронтонами, а один к другому - по длине. При таком решении парапета стрелки, находящиеся на стене,лучше защищены: бойницы заужены с внешней стороны и расширяются вовнутрь, расстояние между ними с внешней стороны также увеличено. Представляется, что этот способ реконструкции более соответствует рисункам, найденным на боковых гранях некоторых зубцов (см.4, Рис.28).

Парапет раннеболгарских крепостей сооружался двумя способами: I - только из рядов блоковой кладки с вертикальными бойницами (без оформленных заостренных зубцов), 2 - на равных расстояниях по длине стены с так называемыми зубцами,

сделанными отдельно в форме параллелепипеда. В обоих случаях верхняя часть парапета покрывалась точно обработанными каменными треугольными крышками (шапки), которые имели не блоковый характер, а согласно К.Шкорпилу, вид плит (5, С.85. Табл.XXXШ. Рис.46,47; 6. С.220. Рис.5). Нижняя их часть имеет призматическую форму, а верхняя - стрехообразную, с вырубленным гребнем. Некоторые из них имеют по двум своим узким сторонам так называемые "слезницы" для стока атмосферных осадков, точно обработанные, с почти классическими профилями. Размеры этих кровельных элементов различны - в соответствии с толщиной парапета или заостренных зубцов у него. В плоскости их треугольных лобовых частей встречаются вырубленные четырехугольные отверстия (по одному или по два), которые показывают, что они соединялись между собой в соответствии с формами парапета.

Очевидно весьма существенное различие между парапетом Маяцкой крепости и парапетами раннеболгарских крепостей Плиски и Преслава. В Маяцкой крепости он заканчивается зубцами, которые представляют собой в сущности стреховидно обработанные блоки, являющиеся частью его конструкции. Парапеты болгарских крепостей заканчивались каменными стрехообразными крышками, которые имели функцию только кровельных элементов.

Таким образом, конструкции маяцких укреплений дают нам пример развития оригинальной строительной техники. Прежде всего обращает на себя внимание конструкция, повышающая устойчивость крепостного пояса, гарантирующая ее надежность при обороне (рис.7). Кроме того строители нашли очень рациональное решение использования при построении крепости материалов, которые брали непосредственно на месте стройки. Так, выкапывая ров в известковой скале мыса, они одновременно добывали и получали стройматериал для стен. Это, естественно, способствовало быстрому и экономичному строительству. Наконец, умелое сочетание строительных материалов - дерева и мягкого известняка для постройки фортификационного сооружения было достигнуто благодаря опыту, практике и большим технико-строительным познаниям строителей крепости. Они хорошо знали и учитывали свойства почти чистой меловой массы известняковых пород, которые были основным строительным материалом, в частности, ее

быстрое и прочное связывание с деревом. Известняк не только предохранял дерево от гниения, но и превращался с течением времени благодаря диффузии (внутренней и внешней) в крепкую спайку между отдельными элементами конструкции стены - каменными блоками, насыпной массой и деревянными обрешетками. Мягкий известняк имеет определенное влагосодержание (количество влаги в I килограмме сухого материала). По законам внутренней диффузии в насыпной массе протекал процесс переноса влаги от мест с повышенным влагосодержанием (т.е. в направлении различной пористости материала) в места с пониженным влагосодержанием до установления равновесия во всей массе. Таким образом, мелкие обломки мягкого известняка превращались в компактную, однородную массу, имеющую качества чистого известкового раствора. Благодаря этому строители выигрывали время и труд при приготовлении и введении огромных количеств дорогостоящей известняковой спайки.

Руины Маяцкой крепости показывают, что ее строителям была известна монументальная архитектоника оборонительных сооружений, формы и объемы которых они претворяли по-своему. Здесь, на высоком мысу над рекой Тихой Сосной средневековый мастер отразил в монументальной белокаменной цитадели как требования и мощь ее владетеля, так и дух того времени, когда население, обитавшее в восточноевропейских степях, создавало свой почерк строительной культуры. В нем, естественно, обнаруживаются черты многовековых строительных традиций в моделях и способах объемной реализации ряда оборонительных сооружений, построенных как на землях Востока, так и на землях Запада (7-I0). Тем не менее в характерных чертах всех известных в настоящее время памятников этой эпохи (крепостей, замков и др.) открываются, как правило, местные творческие архитектурно-конструктивные решения их создателей. Особенно ярко раскрывается это на примере архитектоники и конструкции Маяцкой крепости.

I. С.А.Плетнева. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., I967.
2. Х.Х.Биджиев. Хумаринское городище. Черкесск, I983.
3. Н.Е.Макаренко. Археологические исследования I907-I909 годов // ИАК. 43.СПб., I9II.
4. Г.Е.Афанасьев. Исследование южного угла Маяцкой крепости // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., I984.
5. К.Шкорпил. Абоба-Плиска // ИРАИК. Т.I0, I905 г.
6. А.Милчев. Разкопки южно от гроба на Карел Шкорпил във Вътрешния град на Плиска през I968 г. // Преслав. Т.3. София, I983.
7. Д.Василева. Основите на монументалните паметници от Първата българска държава // Архитектурата на Първата и Втората българска държава. БАН. София, I983. С.263-309.
8. Д.Василева. По въпроса за произхода на монументалната архитектура в Първата българска държава // Културата на Средновековна България, Първи международен конгрес по българистика. БАН. Кн.I. 305-3I3.
9. Д.Василева. Големият дворец в Плиска, архитектура и реконструкция // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. БАН. I984. I53-I59.
I0. Д.Василева. Дворцовият комплекс на Велики Преслав, архитектурно-строителни проучвания и реконструкция. // Известия на българското историческо дружество. Т.XXXУШ. I985. 5-26.

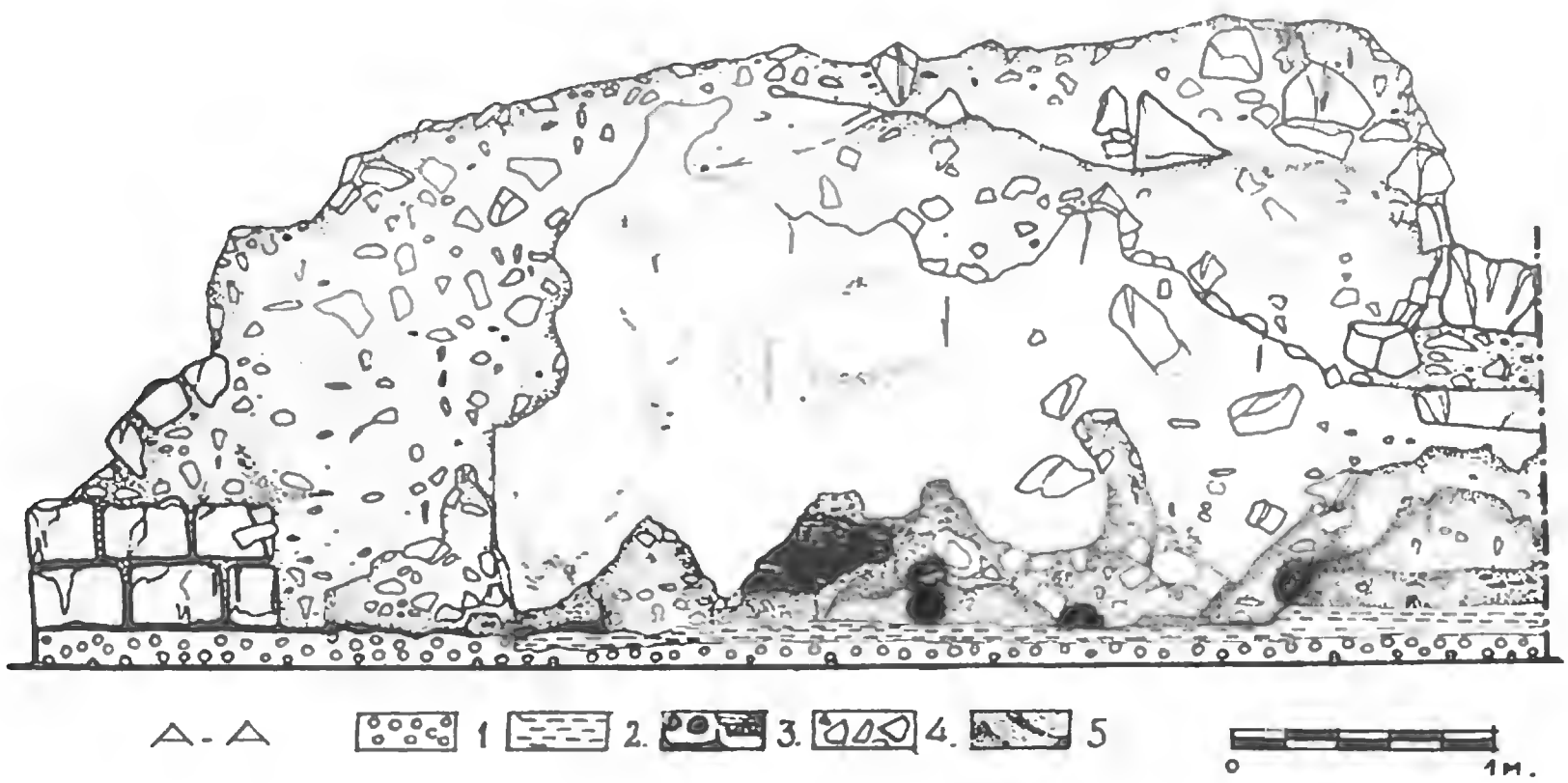


Рис.I. Южный угол, разрез А-А. Условные знаки здесь и на других чертежах данной статьи: I - гумусный древний слой с кусочками щебня, 2 - глина, 3 - обугленное дерево, 4 - камни, 5 - мелкий щебень и забутовка обрешетки.

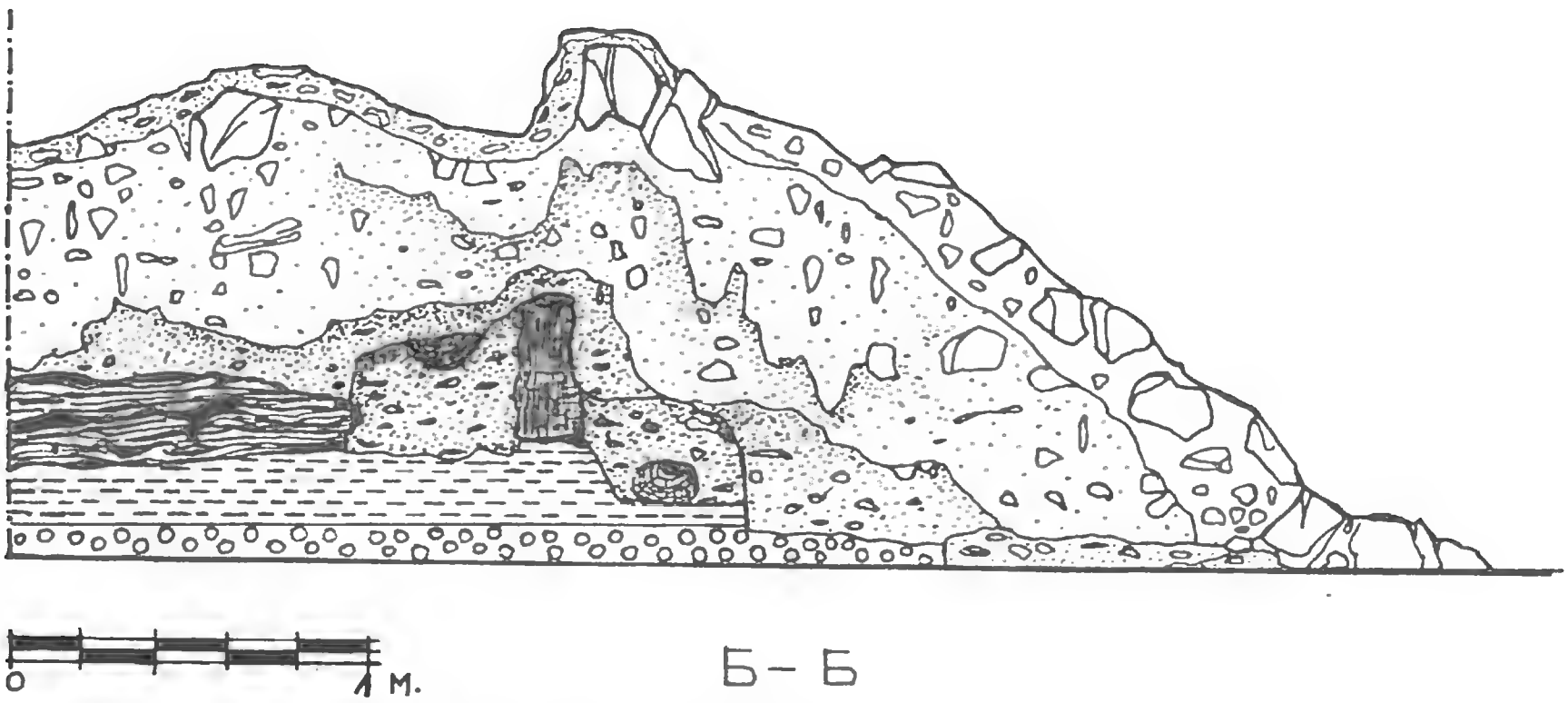


Рис.2. Южный угол, разрез Б-Б.

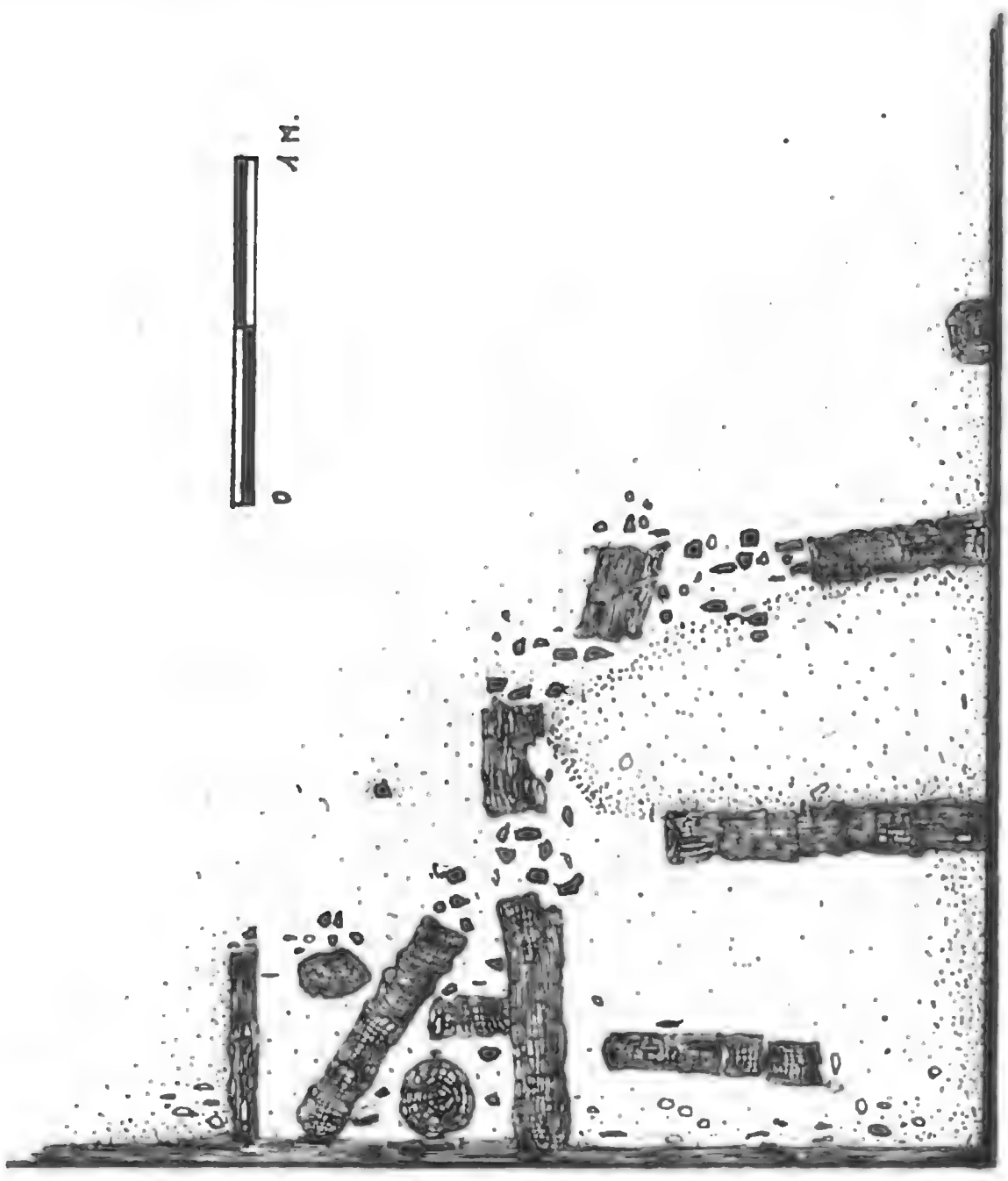


Рис.3. Южный угол - горизонтальный план балок, найденных in situ.

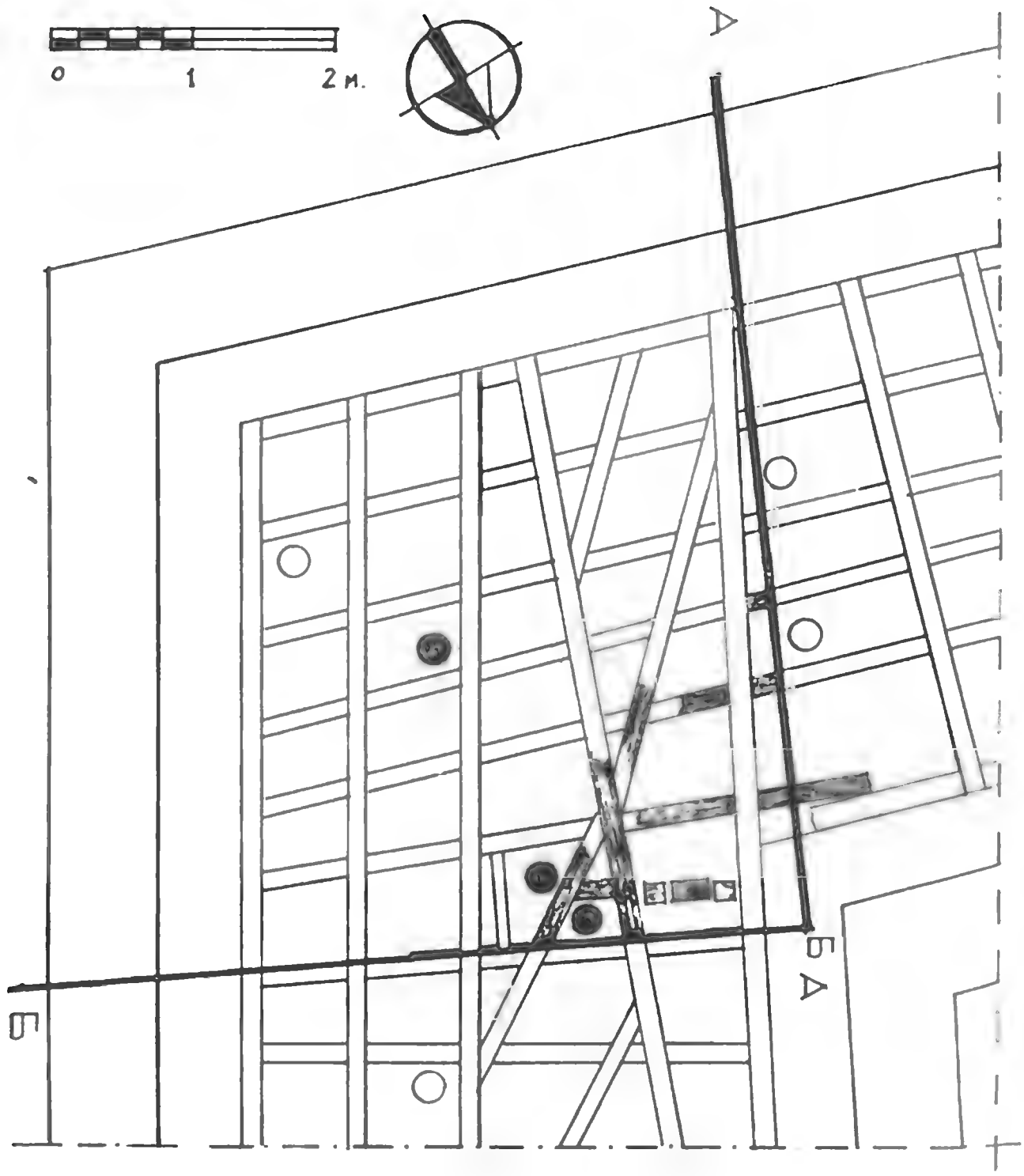


Рис.4. Реконструкция основы деревянной обрешетки.

15-4 103

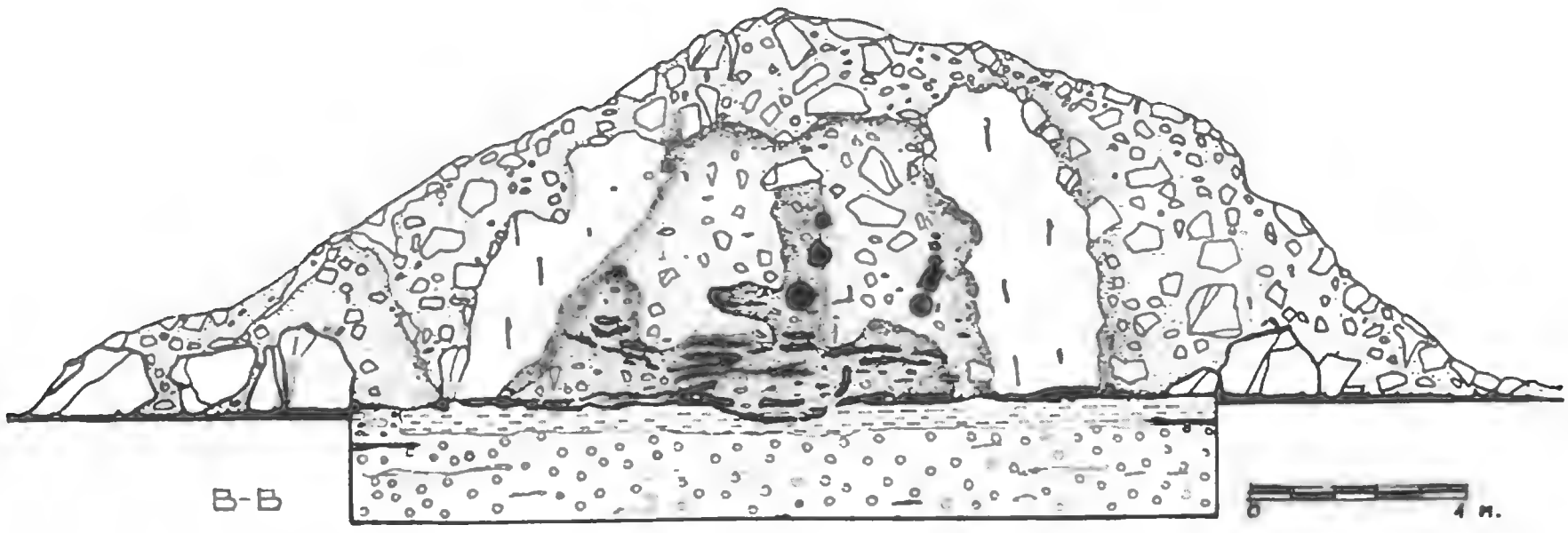


Рис.5. Поперечный разрез В-В юго-западной крепостной стены.

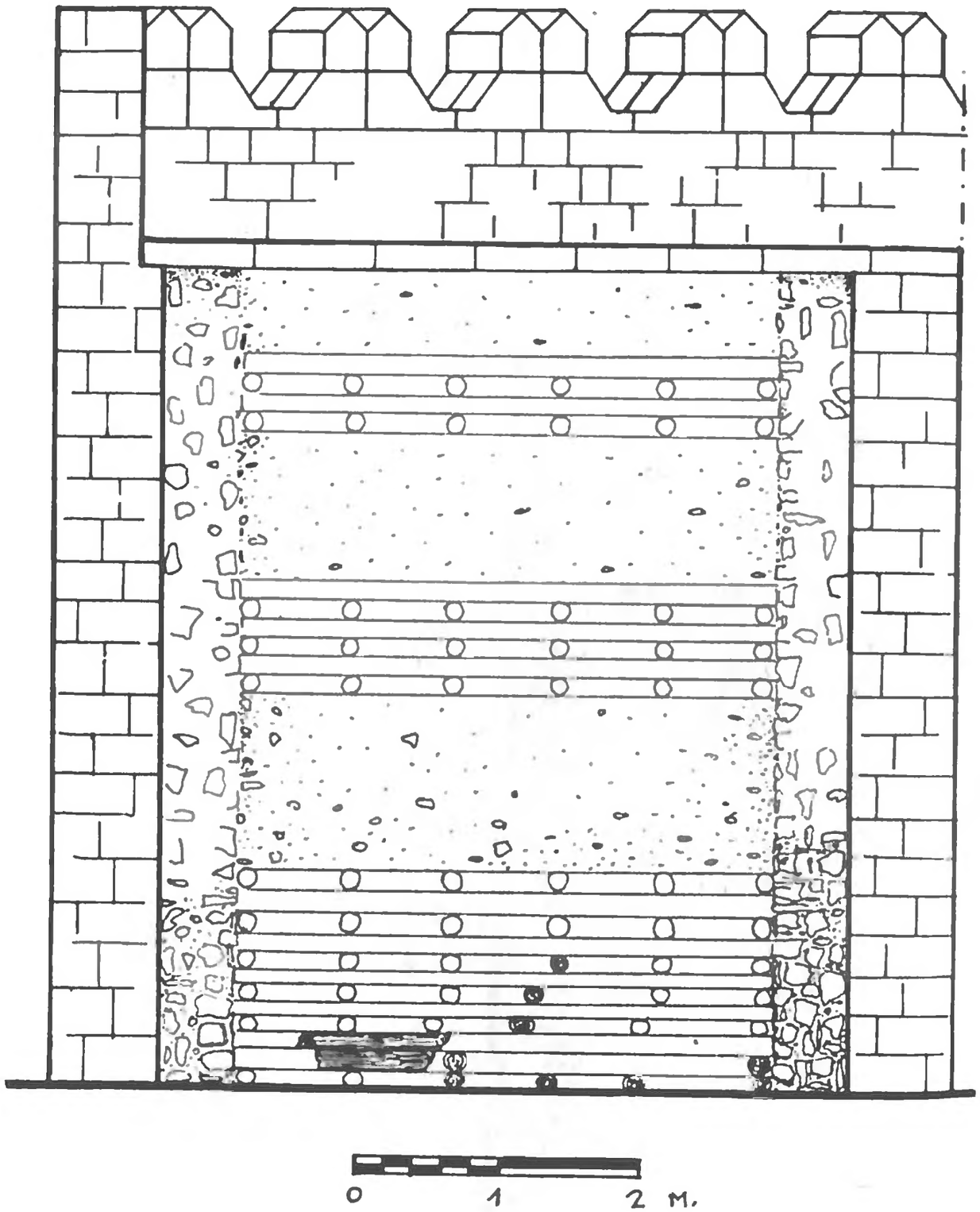


Рис.6. Реконструкция крепостной стены - вертикальный разрез.

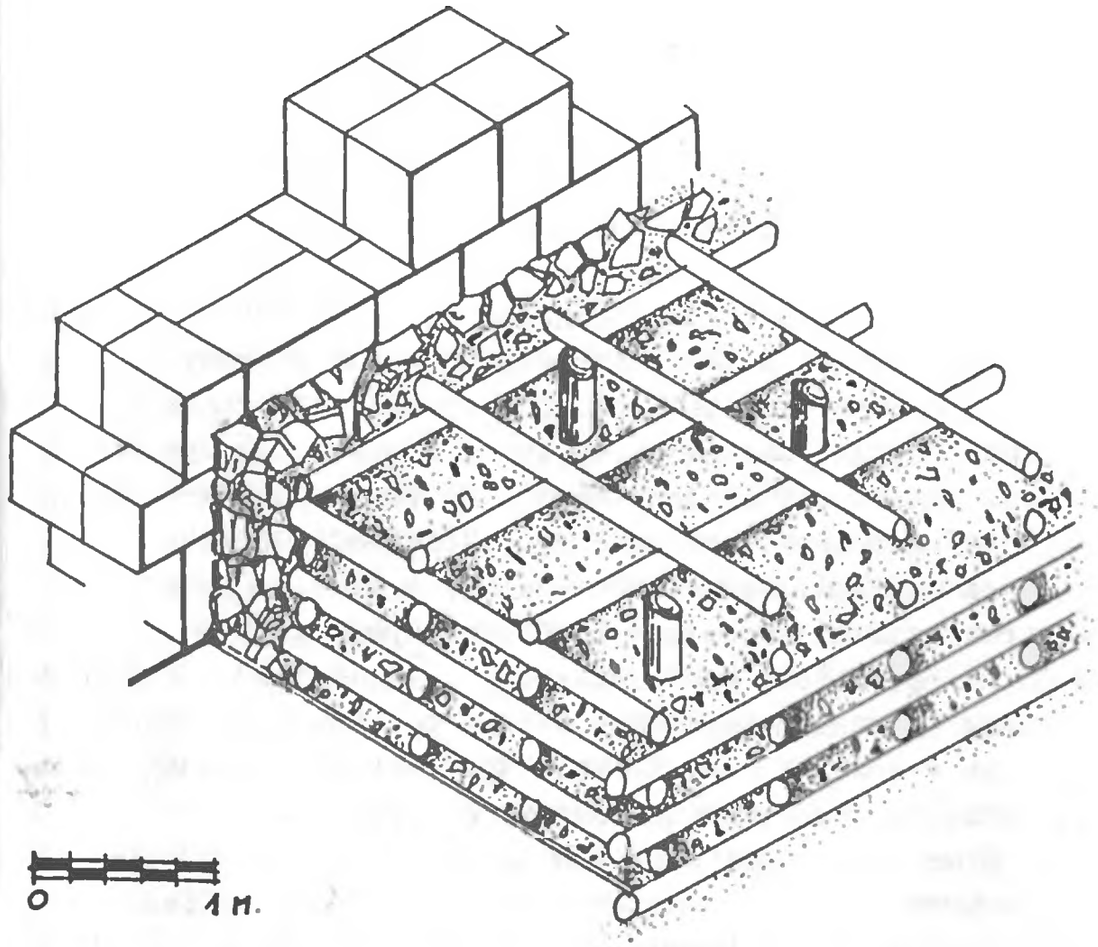


Рис.7. Реконструкция (аксинометрия) конструкции стены.

Приложение

И.Л.Кызласов
Обстоятельства обнаружения первой рунической надписи Маяцкого городища

Уже после завершения работы над этим сборником удалось обнаружить в архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР свидетельства об обстоятельствах открытия первой рунической надписи Маяцкого городища. В фонде С.Н.Замятнина (ф.69) хранятся материалы о деятельности Воронежской губернской ученой архивной комиссии. Ее действительный член врач М.П.Трунов поставил перед собою задачу в 1902 г. произвести археологическое обследование Маяцкого городища (№ 85, лл.2,6,7, 9,59,60; № 88, л.109; № 89, л.1 об.) [1, с.146]. Предварительно им были изучены материалы о первых раскопках памятника, произведенных умершим к тому времени московским художником археологом-любителем Дмитрием Михайловичем Струковым [2, с.117; 3, с.328]. Бумаги последнего, в том числе его рукописные работы, многочисленные рисунки и планы, тогда хранились в гравюрном отделении Московского Румянцевского музея (№ 85, л.16), а затем были переданы в Государственный Исторический музей (№ 88, л.41: инв.№ 36579/99). Среди них находился и фотоснимок надписи на камне, вероятно, позднее изданный Н.Е.Макаренко [4, рис. 23] (см. здесь рис.2,1). Сам камень, который "должен был находиться при бумагах", согласно заметкам М.П.Трунова отсутствовал в музее уже в марте 1902 г. и, "вероятно, после смерти Д.М. случайно был утерян" (№ 85, л.22 об.).

Работы Д.М.Струкова производились в 1899 г. (№ 87, л.47 об. ; ср.: № 85, л.11 об.,12,22 об.). По указаниям местных жителей им был открыт могильник, находящийся к востоку от городища, на котором раскопано шесть могил и зафиксирована яма,

найденная крестьянами. На самой крепости исследователь произвел три разреза вала (А,Б и В), первым установив существование внутри него развалин стены из каменных блоков.

Судя по графическим схемам глазомерных планов городища, скопированных М.П.Труновым (№ 85, лл.21,22), разрезы А и В проходили через юго-восточную стену крепости по обе стороны от ее стыка с юго-западной стеной "цитадели". Разрез Б пересекал внешнюю юго-западную стену укрепления приблизительно на равном расстоянии от въездных ворот и южного угла. В выписке М.П.Трунова приведено следующее описание этого разреза, заимствованное из рукописи Д.М.Струкова: "Б. Раскопка шириною 3 арш., кладка по тому же порядку (что и в предыдущем разрезе А - И.К.), но все меловые камни большего размера, некоторые более 1 арш., есть тесаные и на некоторых черты, напоминающие формы букв, разбросанных без строк. При копании от верха на 3 арш. рабочий Иван усмотрел небольшой камень темножелтого цвета с ясно просеченной строкой из букв, лежавший лицевой стороной кверху; камень лежал боком (?) (по-видимому, это сомнения М.П.Трунова - И.К.) и был первым по снятии земли. Местоположение камня с восточной стороны внутри городища. При тщательном обзоре других подобных камней не оказалось, но на некоторых тесаных камнях видны черты, напоминающие форму букв" (№ 85, л.22).

Это свидетельство позволяет заключить, что камень с первой рунической надписью Маяцкого городища (MI) был найден в верхнем слое завала внутреннего панциря юго-западной стены крепости (см. здесь рис.1,1) и представлял собою обломок облицовочного мелового блока.

Остается привести переданные М.П.Труновым наблюдения Д.М. Струкова, отмечавшего начертания и на скальных выходах близ обследованных им выдолбленных в меловой породе могил. Так, делая рисунок найденного в 150 саженях от городища и разоренного крестьянами погребения, он "над могильным отверстием усмотрел место, где были высечены какие-то знаки, напоминающие буквы". При его собственных раскопках в 200 саженях к востоку от городища подобная ситуация отмечалась дважды: у могилы 1 были обнаружены "над входом признаки очертания букв", у могилы 4, от-

крытой в 1895 г., - "над входом место с признаками бывшей надписи" (№ 85, лл.22 об.,23). Возможно, характер этих начертаний сопоставим не с надписями, а с резными знаками, обнаруженными Н.Е.Макаренко в 1909 г. на углубленной в скалу части стены одного из жилищ Маяцкого селища (яма I) [4, с.38, рис.42]. Так или иначе, но до знакомства с архивом Д.М.Струкова в Государственном Историческом музее (ныне недоступном из-за ремонтных работ в здании) следует, по-видимому, довериться мнению Н.Е. Макаренко, издавшему лишь один письменный памятник, найденный предшественником, и, следовательно, не считавшим, вероятно, надмогильные начертания за надписи.

1. Отчеты Археологической комиссии за 1902 г. СПб.
2. Известия XП Археологического Съезда в Харькове. Харьков, 1902.
3. Труды XП Археологического Съезда в Харькове. Т.Ш, М., 1905.
4. Макаренко Н.Е. Археологические исследования в 1907-1909 гг.// ИАК, вып.43, СПб., 1911.

Список сокращений

АО	- Археологические открытия
ВДИ	- Вестник древней истории
ИАК	- Известия археологической комиссии
ИГАИМК	- Известия Государственной Академии Истории материальной культуры
ИИАЭ	- Институт Истории, Археологии и Этнографии
КСИА	- Краткие сообщения Института Археологии
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
СА	- Советская археология
СТ	- Советская тюркология

Содержание

Плетнева С.А. Предисловие.....3
Кызласов И.Л. Рунические надписи Маяцкого городища.....10
Нахапетян В.Е. Граффити Маяцкого городища.....41
Плетнева С.А.,Красильников К.И. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса.....92
Флеров В.С. Маяцкий могильник /раскопки 1979 г./.....140
Толмачева М.М. Кузнечные изделия Маяцкого комплекса...192
Василева Д. Конструкция и техника стройки стен Маяцкого городища.....218
Приложение.....234
Список сокращений.....237

Подписано к печати 18.04.90
Усл. п.л. 15,0. Усл. кр.-отт. 12,5. Уч.-изд.л. 12,39
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Зак. 103. Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28